

Франсуаза Дольто
**НА СТОРОНЕ
РЕБЕНКА**

рама
ПАСЛИШИНГ

Авторитетные детские психологи

Франсуаза Дольто
На стороне ребенка

«Рама Пабблишинг»

1985

УДК 59.9
ББК 88.8

Дольто Ф.

На стороне ребенка / Ф. Дольто — «Рама Пабблишинг»,
1985 — (Авторитетные детские психологи)

Глубокое всестороннее исследование детства и личности ребенка, предпринятое Франсуазой Дольто в произведении «На стороне ребенка», принесло автору всемирную известность. Для Ф. Дольто существенно все: права ребенка, реформа образования, аутизм, влияние телевидения и компьютера, детская сексуальность, детские комплексы, раннее развитие и т. д. Она ведет читателя за собой, лишая его привычных стереотипов, уплощенного восприятия детства, позволяя посредством тонкого, целостного анализа увидеть многомерность мира ребенка, его сложность и неоднозначность. За методом Ф. Дольто-психоаналитика стоит подход философа, психолога, социолога – личности, чутко улавливающей происходящие в мире изменения и их отражение на системах воспитания и образования детей. Издание адресовано каждому взрослому, стремящемуся расширить границы познания в отношении детства и научиться понимать и любить детей.

УДК 59.9

ББК 88.8

© Дольто Ф., 1985
© Рама Пабблишинг, 1985

Содержание

Слушать и слышать детей	6
Как пользоваться этой книгой	10
I часть	11
1 глава	12
Открытие тела ребенка	12
Детская сексуальность: Стена умолчания	19
2 глава	25
«Пусть дети приходят ко мне», или Откуда берется чувство вины	25
3 глава	29
Ангел, карлик и раб, или Ребенок в литературе	29
«Ослиная шкура» и «Голубая планета»	38
Ребенок-сэндвич	41
4 глава	43
Пространство ребенка	43
Дорога из школы	51
Источник и сточная яма	52
Безопасность. А зачем?	52
Приучение к риску	58
«400 ударов», или Эмоциональная безопасность	72
5 глава	74
Научная литература	74
Дети-манекены	76
Кинокамера-насильник	77
Добро и зло: Иллюзии манипуляторов	86
Нобелевская сперма	89
6 глава	91
Компьютер на службе у ребенка?	91
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Франсуаза Дольто

На стороне ребенка

Editions Robert Laffont, 1985,

© Е. В. Баевская, О. В. Давтян, перевод на русский язык, 1997,

© ООО «Рама Паблишинг», 2013,

© Gorilla // Bigstock.com, 2012, фото на обложке

* * *

Слушать и слышать детей

В конце 1970-х мне привезли из Франции распечатки передач, которые вела на радиопедиатр-психоаналитик Франсуаза Дольто. Это был привычный в те времена самиздат – странички, напечатанные на пишущей машинке, самодельно сшитые розовой ленточкой. Их подарила моей коллеге мама ее французской подруги, когда узнала, что та психолог и работает с детьми, имеющими школьные проблемы (а коллега, к счастью, подарила эти тетради мне). Так я впервые услышала это имя и впервые открыла для себя Франсуазу Дольто.

Я была потрясена глубиной и честностью разговора со слушателями (не уверена, что то была программа для родителей, но по содержанию и стилю очень на это похоже). Меня удивила ее способность понятно объяснять самые сложные процессы, происходящие с ребенком, тщательно анализировать ситуацию и бережно относиться к чуду развития маленького человека. Признаюсь, я долгие годы пользовалась ее формулой *«быть на стороне ребенка»* и считаю эту позицию единственно возможной в отношении к детям – родителей, педагогов и общества в целом. Увы, наша жизнь дает много примеров неприятия, отторжения и намеренного пренебрежения этой позицией.

Можно обсуждать причины такой ситуации, можно искать оправдание и объяснения, но все это не помогает ребенку жить, расти, развиваться, справляться с проблемами. Диву даешься, когда видишь, какими нетерпеливыми, нетерпимыми и жестокими бывают взрослые, как беспомощен ребенок (и как уродуется он!) под натиском грубости и злости, как уничтожает его намеренное и ненамеренное унижение. Отчего это происходит? Уверена, прежде всего от незнания, невежества, непонимания.

И все-таки, сегодня мы знаем о развитии детей много больше, чем наши бабушки и дедушки. Это знание дают книги, которые, кроме бесспорных фактов, содержат нечто, что трогает душу, заставляет задуматься, «приложить» к себе, своим поступкам это новое знание, которое возбуждает желание быть «на стороне ребенка». Быть «на стороне ребенка» не только тогда, когда его действия и поступки не противоречат представлениям взрослых, когда общаться с ребенком – радость и «удовольствие». Но быть «на стороне ребенка», когда он отталкивает, когда груб и колюч, когда он протестует или проявляет агрессию, когда его поступки доводят до отчаяния. Где взять силы? Как разобраться, как понять? И *можно ли* разобраться и понять?

Несколько десятилетий я веду консультативный прием родителей и их детей, имеющих школьные проблемы. Как правило, это непростые ситуации, связанные не только с проблемами самого ребенка, но и с позицией взрослых (и позицией учителей), которые не готовы встать на его сторону. Измениться (стать «лучше») должен ребенок, но нередко изменение ситуации возможно, только если *взрослые изменяют свое отношение к нему*. Порой «достучаться» до ребенка, преодолеть его сопротивление и родительское «я так хочу», «это мое право, потому что я взрослый», бывает трудно. И тогда я вновь и вновь перечитываю Ф. Дольто, ищу у нее объяснения и аргументы, сравниваю ее взгляд и мой, современную ситуацию в обществе с тем, что описывала и анализировала Ф. Дольто.

Уверена, для тех, кто впервые возьмет эту книгу в руки, открытием будет каждая страница, а те, кто уже читал ее, найдут много интересного. Эта книга удивительная, она действительно дает *живое знание*, которое зависит от сегодняшнего состояния, волнующих проблем, настроения и даже от того, как читаешь. Потому что значима каждая фраза, каждая деталь, каждое объяснение. Все, о чем написано, продумано, прочувствовано, проанализировано.

Книга состоит из четырех больших и относительно самостоятельных частей, которые можно читать последовательно, не торопясь и желательнее с карандашом в руке, потому что

неизбежно возникает соблазн какую-то мысль сохранить в памяти, для себя. Можно читать и отдельными главами, выделяя для неспешного и осознанного чтения то, что волнует.

Детская сексуальность – тема, на которую в общении детей и родителей у нас до сих пор табу. Тема, которую не разрешено обсуждать с детьми в школе. По-прежнему эта тема закрыта для будущих педагогов и психологов. Возможно, только детские психиатры знают больше, но и то, скорее всего, о патологической стороне этой проблемы. По меткому замечанию Ф. Дольто, у нас сегодня вокруг этой проблемы «стена умолчания».

Мы очень хотим, чтобы наши дети были свободны, раскованны, самостоятельно и ответственно принимали решения, но... опекаем, контролируем, диктуем, жестко ограничиваем свободу их действий, оправдывая это новой ситуацией жизни, криминогенной обстановкой. Ограничивается общение. Однако эта ситуация возникла не сегодня, и Ф. Дольто заставляет задуматься, почему «пространство детства» сужается.

Ф. Дольто привлекает внимание к, казалось бы, совсем безобидной проблеме – *территории жизни ребенка*. Она пишет: «...Налицо явная конфискация пространства. То немногое, что остается в распоряжении ребенка, испещрено оговорками: „смотри, чтобы с тобой ничего не случилось“, „иди прямо домой, никуда не сворачивай“, „повнимательнее выбирай себе друзей“, „ни с кем не разговаривай“...».

Пространство большинства наших детей сегодня – только школа и дом. Исчезли дворы, во многих регионах для детей введен комендантский час. *«Вернувшись домой, школьник прилипает к телевизору. И это всех устраивает. Поскольку он загипнотизирован происходящим на экране, он, по крайней мере, никому не мешает. Экран – это окно, которое выходит во внешний мир, лежащий вне того замкнутого пространства, где его держат взаперти. Но эта пасть, извергающая мешанину образов и сведений, может непоправимо травмировать ребенка, которому никто ничего толком не объясняет, потому что всем некогда. Он подвергается массовой бомбардировке, он не производит никакого отбора, а родителям некогда помочь ему в этом».*

Особое внимание Ф. Дольто уделяет исследованиям психологии развития ребенка и довольно жестко критикует методы психологических исследований. Но больше всего ее волнует, что результаты этих исследований будут восприняты родителями как «чудодейственные рецепты».

Ф. Дольто критично относится к психологическим тестам, считая тестирование «делом нечистым». Увы, опасения справедливы для нашей страны как никогда. В последние десятилетия появилось немало психологов, умеющих тестировать, но не владеющих знаниями для интерпретации результатов. Это приводит не только к исследовательским ошибкам, но приносит реальный вред и детям и родителям. Но это не проблема науки – психологии, а проблема квалификации специалистов-психологов.

Ф. Дольто – психоаналитик, и неудивительно, что именно психоанализу она отводит главную роль в изучении ребенка. С этой позицией можно соглашаться, но можно и спорить, так как у психоанализа есть как свои преимущества, так и свои недостатки. И квалификация психоаналитика не менее значима, чем квалификация психолога.

Некоторые проблемы жизни и развития ребенка Ф. Дольто разбирает очень подробно, других только касается. Но есть темы, актуальность которых в 80-е годы прошлого века можно было только предвидеть. Ф. Дольто увидела такую проблему и уделила ей внимание. Эта проблема – *ребенок и компьютер*.

Сегодня компьютер наделяют почти фантастической способностью негативного воздействия, родителей пугают компьютерной зависимостью, развитием агрессии, нарушением интеллекта, страшат таким непонятным монстром, как «клиповое сознание» (что никто толком объяснить не может). Многих возмущает увлечение детей компьютером, кто-то этого не замечает, кого-то одолевает ностальгия по привычным играм. Ф. Дольто пишет: *«Я думаю,*

что нежелание замечать в своей эпохе динамику и те изменения, на поиски которых толкает нас развитие техники, – наш недостаток». Анализируя взаимодействие ребенка с компьютером, Ф. Дольто видит плюсы – это относительная свобода действий и развитие логического мышления, и минусы, считая, что «электронные игры изолируют детей».

Ребенок в школе – особая тема для Ф. Дольто. Она выделяет проблемы адаптации детей в школе в разряд наиболее сложных, доказывая их серьезное влияние на развитие и здоровье ребенка. Жестокое давление в школе калечит, уродует ребенка, так же как чрезмерная опека в семье, считает Ф. Дольто: *«Если мы хотим, чтобы у ребенка было больше шансов сохранить свой потенциал, нужно, чтобы воспитание было как можно меньше проникнуто авторитарностью. Не будем стремиться все понять – вместо этого будем уважать все реакции ребенка, в том числе и те, которые нам не понятны»*.

Ее наблюдения двадцатилетней давности за результатами, достижениями в дальнейшей жизни разных выпускников школы актуальны и сегодня.

«Поражаешься, обнаруживая, что с кем стало: бывшие хорошие ученики окончили престижные университеты, а теперь занимаются рутинной работой; а бывшие лентяи сегодня превратились или в маргиналов (но по-своему довольны жизнью), или, напротив, в созидателей, в организаторов и вдохновителей экономической жизни, хотя в юности слыли разгильдяями. Насколько сдали с годами блестящие ученики, настолько «тупицы» преуспели в жизни, берясь за самые неожиданные, не предусмотренные их профессиональной ориентацией задачи. Эти люди сохранили свою оригинальность, хотя им и пришлось до некоторой степени испытать на себе презрение своих одноклассников».

Сегодня, когда российская школа живет в «эпоху модернизации», ко многим наблюдениям, советам и рекомендациям Ф. Дольто стоило бы прислушаться. Например, она считает, что идея «гуманной школы» утопична, так как не учитывает индивидуальность ребенка, особенности его развития, потому что в массовой школе единые программы, единые требования, единые темпы обучения.

Отвечая на вопрос: «Как такое может быть, что столь много детей ненавидят школу?», Ф. Дольто пишет: *«Просто им – неинтересно. Они не понимают, для чего им все это нужно. И, может быть, именно потому, что эти дети умнее других, менее пассивны, они и не хотят делать как все, быть как все?.. Те же, кто покоряется, кого приводят в пример, подчинены взрослому... Они и стараются получать хорошие оценки, хотя предметы их не интересуют»*.

Но Ф. Дольто не только анализирует и критикует, она рассуждает о том, какой должна быть школа, чтобы ее полюбили. Она предлагает модель такой школы, в которой педагоги, воспитатели, психологи не замыкались бы в узкой области передачи знаний, а хорошо «знали детей, были к ним ближе, воплощая пример собственного удовлетворения работой».

Раннее развитие ребенка (развитие ребенка до школы) – еще одна проблема, к которой Ф. Дольто возвращается в этой книге неоднократно. Развитию младенцев Ф. Дольто уделяет особое внимание, справедливо считая, что ранние этапы развития ребенка в значительной степени определяют особенности его развития, успешность в обучении, социальную адаптацию.

Ф. Дольто подчеркивает, что каждый ребенок индивидуален, у каждого свой темп развития, и эти особенности мало учитываются в детских садах. Она рассказывает, как устроена жизнь детей в *Мезон Верт*, созданном ею для детей. Анализируя проблемы разных детей и их жизнь в семье и Мезон Верт, Ф. Дольто делает важный вывод: *«В своем сознании нам предстоит еще проделать огромный путь, для того чтобы понять, что раннее воспитание ребенка в обществе ему подобных является задачей номер один»*.

Я много раз перечитывала эту книгу и каждый раз отмечала что-то новое, на что не обратила внимания в прошлый раз, выделяла то, что волновало. Я не устаю удивляться тому,

как важны, как значимы все проблемы, которые обсуждает Ф. Дольто сегодня (хотя книга написана более 25 лет назад), я восхищаюсь простотой и четкостью ее ответов на вопросы и... снова листаю страницы.

У Ф. Дольто свой взгляд на ребенка, его развитие, его проблемы, но она не навязывает его читателю, не диктует правильные ответы, она *размышляет, рассуждает, втягивая нас в этот процесс.*

*М. М. Безруких,
д-р биол. наук, профессор, академик РАО,
директор Института возрастной физиологии РАО*

Как пользоваться этой книгой

Этот коллективный труд стремится рассмотреть с точки зрения психоанализа совокупность исторических, социологических, этнографических, литературных и научных данных о месте, которое общество отводит детям. Приводятся данные, накопленные в ходе исследований, проводившихся во Франции и в других странах.

Оригинальность подхода состоит в том, что Франсуаза Дольто рассуждает и комментирует, используя свой двойной опыт детского врача-психоаналитика и матери семейства.

Абзацы, набранные курсивом, предлагались доктору Дольто для рассмотрения выявляющихся в процессе исследования тенденций, течений, методов и постоянно действующих факторов, спорных проблем и нерешенных вопросов. Франсуаза Дольто реагирует на них, сопровождает эти данные своими замечаниями, высказывая по их поводу свои личные соображения и развивая при этом собственную точку зрения.

В первой части настоящего исследования делается попытка подвести исторический итог и поставить диагноз. Вторая часть предлагает новый подход к детству. Третья – намечает сценарии возможного служения общества ребенку. Четвертая, и последняя, часть книги очерчивает основы раннего предупреждения неврозов у детей. Это – революция, осуществляемая шаг за шагом. Настоящая революция.

I часть Пока на Земле будут дети

Ребенок в обществе:

постоянно действующие факторы, изменения и причины неудач

Родители воспитывают детей, как государи управляют народами.

Мы располагаем мифом о прогрессе зародыша с рождения до взрослого возраста, поэтому отождествляем эволюцию тела с эволюцией мышления. А между тем, символическое мышление – это штиль от зачатия до смерти.

Взрослый возмущается при мысли, что ребенок и он – равны.

Франсуаза Дольто

1 глава Замаскированное тело

Открытие тела ребенка

С XV по XVIII век неизменным элементом живописи была маскировка ребенка под взрослого. Это убедительно показала выставка, состоявшаяся в 1965–1966 годах в кельнском музее Вальрафа Рихардта. Фальсификация распространяется не только на костюм. Внешность тоже подвергается размыванию. Это прекрасно видно на гравюре Дюрера, изображающей ребенка из народа с лицом старичка.

В «Satirische Schulszene»¹ Брейгеля дети ведут себя и держатся как «взрослые». Они отличаются от взрослых только ростом. В «Der Gartner»² (Ленен, 1655) девочки, помогающие в приготовлении пищи, изображены как настоящие женщины, одеты они так же, как их мать. Это «уменьшенные модели» своей родительницы. То же и с мальчиками, разве что в XVII веке они еще одеты не по мужской моде: их наряжают так, как одевали их пращуров во времена Средневековья, а не так, как их отцов.

До самого XVIII века тело ребенка остается полностью укрыто одеждой. Мальчики отличаются от девочек только тем, что у них застёжки спереди. Вот и все. И девочки и мальчики носят ленты. Прежде чем надеть штаны, взрослый мужчина носил платье. Мало-помалу он обнаружил свои ноги и нарядился в короткие штаны. Но маленькому мальчику это пока не позволено: в течение двух-трех веков он еще обречен на косность. Его наряжают в платье, какое носил взрослый два-три столетия тому назад. На семейных портретах можно видеть детей в платьицах с двумя или четырьмя развевающимися лентами. Это единственное, что отличает их от взрослых карликов.

Что означают эти ленты? Филипп Ариес задается вопросом: а что, если это остатки широких свободных рукавов средневекового платья? Развевающиеся рукава, атрофируясь, могли превратиться в ленты. Пожалуй, это лишний раз подтверждает, что в одежде ребенка XVII века ничто не выдуманно. Его наряжают в то, что прежде носил взрослый³.

Возможно и другое объяснение: эти ленты могут быть остатками вожжей. Когда дети делали первые в жизни шаги, их водили на привязи, как лошадей в узде. А пока они были грудными, их подвешивали к стене, чтобы уберечь от крыс и чтобы им было теплее, поскольку тепло от очага, топившегося в общей комнате, струилось вверх. Уходя на работу, младенца в люльке подвешивали к потолку. Итак, ленты в XVII веке могли быть остатками детских лямок или помочей из предшествующей эпохи. Ребенок в них больше не нуждается, но лента – это знак того, что он еще имеет право регрессировать, как если бы в представлении взрослого он еще не до конца расстался с платьицем младенца, снабженным шнурками, вожжами, поводком.

Впрочем, и сегодня продаются вожжи для детей, чтобы водить их по универсальным магазинам или по улицам. Считается, что там полным-полно опасностей. Вот детей и припрягают к родителям!

¹ «Сатирическая школьная сцена» (нем.). – Примеч. пер.

² «Садовник» (нем.). – Примеч. пер.

³ *L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime*, 1, 3, p. 83. Le Seuil, coll. «Points Histoire».

Со Средневековья и до эпохи классицизма тело ребенка воистину заточено, спрятано; публично его обнажают только для того, чтобы высечь, побить. Вероятно, это было огромным унижением, так как обнажались именно те части тела, которые полагалось прятать. Когда итальянские или фламандские художники изображают голого ребенка, это всегда ангелочек; его используют в качестве символа. Но мало-помалу Эрос входит в силу... Официально, для церкви, обнаженное дитя остается символом, на самом деле – художники дают себе волю, и тут появляется чувственность, которая вот-вот вырвется на свободу, по крайней мере в иконографии, если не в действительности: ведь детям приходилось позировать перед художниками, и это был единственный случай, когда на ребенка смотрели, любясь им, восхищаясь – именно его наготой. В литературе это не описано, однако отрывок из мадам де Севинье, тот, где она говорит о своей внучке, передает нам эротизацию детского тела: «Какое это чудо, надо видеть, как она шевелит пальчиками, как трепещет ее носик...», «...Цвет лица, шейка и все тельце восхитительны. Она делает уйму всяких штук, ласкает, бьет, крестится, просит прощения, кланяется, целует руку, пожимает плечами, танцует, подольщается, важничает: словом, так мила во всех отношениях. Я забавляюсь ею часы напролет». Возьмем письмо мадам де Севинье от 20 мая 1672 года, посвященное ее «душеньке». Она рассыпает восторги по поводу голого тельца девочки. Но очень скоро замечаешь, что для нее это не более чем игрушка. 30 мая 1677 года вновь по поводу внучки она пишет мадам де Гриньян: «Мне кажется, Полина достойна быть Вашей игрушкой». Бабушка испытывает чувственное, сладострастное наслаждение, но у нее нет ощущения, что девочка – живое существо, человек, с которым она вступает в общение.

Надо сказать, что восприятие ребенка как себе подобного было совершенно чуждо нравам той эпохи, тем более что детей производили на свет много и многие из них умирали. Мадам де Севинье: «Я потеряла двух внуков...» Не то чтобы так прямо говорилось: «Невелика потеря», но все же не без этого. Сходная позиция и у Монтеня, отмечающего, что он потерял двоих детей, с тем же безразличием, с каким отметил бы: «Я потерял двух собак, двух кошек», – это просто часть повседневной жизни.

Монтень даже не пишет «умерли», «скончались» (не знаю, употреблялось ли тогда слово «скончаться») или «Господь их прибрал к себе»... Он сообщает, что потерял две вещи, два предмета. Он не говорит о них как о личностях, чья жизнь окончилась. Что говорят взрослые, когда теряют дорогое для них существо? Они говорят: «Он умер»; в их речи он – субъект, подлежащее. Ребенок в ту эпоху еще не является субъектом высказывания; это лишь объект, дополнение.

Однако на гробницах мы обнаруживаем изображения детей, которые умерли в раннем возрасте и, судя по изображению, должны быть причислены к лику ангелов. Быть может, это первые шаги на пути признания ребенка как такового... но шаги еще робкие, потому что остается вопрос: ребенок, изображенный в виде ангела, – не душа ли это? Взрослых покойников тоже изображают на гробницах в виде детей. Это, несомненно, символ их души.

На иконах Успения Богородицы Христос держит в руке грудного младенца, под которым подразумевается душа Богородицы. Первые, еще нетипичные, робкие признаки появления ребенка как такового не так легко обнаружить. Мы видим изображение ребенка на его надгробии, если он умер в младенчестве, но не можем утверждать, что изображен именно ребенок, а не его душа. Это совсем не обязательно тот самый ребенок, что скончался и погребен тогда-то и тогда-то. Ребенок остается объектом. Пройдет немало времени, прежде чем он будет признан как субъект.

В обществе до 1789 года ученичество – период, через который непременно надо пройти: это рождение ребенка-личности. Ребенок признается как подлежащее при сказуемом «делать» с той минуты, как его помещают среди других, признав за ним способность

исполнять полезную работу. Но тогда с ним начинают обращаться как с машиной, со станком: его можно осыпать ударами и даже сломать, выбросить на свалку, уморить (наказывая, отец может и убить).

Живописное изображение ребенка, включая эпоху классицизма, наглядно демонстрирует, что показывается не само тело, какое оно есть, а то, что общество хочет увидеть.

Считается, что анатомическое правдоподобие недостойно Сына Божьего. Разве дух мог воплотиться в незрелом и диспропорциональном создании? Младенцу Иисусу поэтому предпочитают придавать стандартные пропорции взрослого человека: отношение головы к остальному телу – 1:8. Тогда как в младенческом возрасте оно должно быть 1:4.

Голова должна была быть такой же величины, как голова матери. Но это нарушение пропорций указывало бы на то, что ребенок по развитию мозга такой же взрослый, как и мать. Характерно, что на фризах некоторых церквей крестьяне изображены в соответствии с морфологией тела ребенка – пропорции головы и тела 1:4. Здесь художник следует замыслу государя. Необходимо напомнить доброму народу, что только власть является взрослой. А рабы, бедняки, дети – напротив: для них для всех одинаковое изображение, один и тот же художественный прием.

Недавно в Германии (Веймар, 25 мая – 15 октября 1972 года) состоялась выставка «Образ ребенка в творчестве великих художников: Вариации на тему от Лукаса Кранаха до наших дней». Картины периода Средневековья подтверждают уже известное о положении ребенка в ту эпоху, когда он был полностью интегрирован в жизнь взрослого, но одно произведение XV века привлекает особое внимание как явное исключение: «Христос, благословляющий детей». Кажется, живописцы принесли в жертву условностям своего времени все, что можно, но порой неожиданные вспышки, прорывы позволяют разглядеть тайный лик вещей, внутреннюю жизнь – то, о чем даже не подозревали их собратья-художники. Таков и случай этой нетипичной картины: на ней изображены застигнутые врасплох играющие дети, не спрятанные под той маской унылых, злоеющих карликов, которую, по единодушному согласию, присваивают малышам с XIV по XVIII век. У одного из детей, окруживших Христа («Пустите детей приходите ко Мне»), в руках кукла – несомненно, одна из первых кукол в истории западноевропейской живописи.

Ребенок, если не считать этой нетипичной картины, представляющей собой исключение из всеобщего правила конформизма, изображается не ради него самого. Его телом пользуются для создания религиозных декораций. Он – безделушка на счастье, маленький гений, эскортирующий святых; свою толстощекую личину, свои пухлые ручки и ляжки в ямочках ребенок на время уступает ангелочку, который с множеством себе подобных летит в небесной фарандоле⁴. Церковь так упорно предостерегала умы против маленького незрелого существа, которое может быть лишьместилищем злых сил, что его принуждают быть ангелом, дабы не был чудовищем. Но из-под этой проникнутой набожностью слащавой маски пробивается лукавая улыбка Эроса. У барочных малюток – мордочки амуров. Кранаховская Венера в немыслимой шляпе с цветами дарует одному из ангелочков милость держать ее пояс.

⁴ Фарандола – народный танец, в котором танцующие, держась за руки, образуют длинную цепочку. (Здесь и далее примечания издательского редактора следуют без пометы.)

На картинах школы Ленена, где изображены крестьянские посиделки, мы видим грудных младенцев на коленях у отцов или дедов, тут же сидит и мать. Малыши с полной непосредственностью ползают вокруг взрослых. Но все это сцены из крестьянской жизни. В лоне буржуазной семьи, позирующей живописцу, никогда не увидишь такой непосредственности. В крестьянских семьях дитя интегрировано на равных правах со всеми сообразно своему возрасту. Даже если оно занимается своими делами в своем уголке, даже если его взгляд не обращен в сторону художника или, как бы мы сегодня сказали, в сторону объектива, у него есть свое место в пространстве картины. Художник ввел его сюда бессознательно, но как неотъемлемый и необходимый для равновесия целого элемент. Поза ребенка разъединяет его со взрослыми, его взгляд направлен в другую сторону. Он здесь как предвестие другой социальной группы, которую он позже выстроит, а сейчас он живет параллельно своим предшественникам, предвещая, однако, новый способ семейного синтеза. Он больше не паразит, и он уже не совсем крепостной в своей семье. С помощью игрушки он выстраивает свою собственную мысль, он изобретает – и он в безопасности.

Художники, вынужденные подчиняться условностям эпохи и на заказ изображавшие навязанные им фигуры, могли внутри картины, посредством кое-каких деталей, создать другую.

Художник хотел, чтобы что-то на его семейном портрете ускользнуло от внимания взрослых, – ему хотелось дать понять, что он сам сохранил душу ребенка, ускользнувшую от всеобщего производительного труда его окружения, его этноса. Потому что художник как-никак всегда маргинал⁵. Он творит для будущего. Он уверен, что не участвует в сговоре сил, подчиненных сиюминутным интересам, и, вероятно, именно поэтому может отождествлять себя с ребенком, который еще принадлежит группе, но уже предвещает будущее. Чтобы зафиксировать тайну будущего, художник ставит себя вне времени.

Выставка включала в себя 150 произведений. Если проследить свершающуюся на наших глазах пятисотлетнюю эволюцию материнского обращения с ребенком в сценах, когда ребенок в колыбели или на руках, мы заметим одну-единственную позу, не являющуюся условной, – на той картине, где младшего ребенка в семье нянчит его старшая сестра. Это не стереотипные мать и дитя. Легкомысленная старшая сестра забавляется со своим братиком, она не чувствует на себе взгляда общества. Это игровая поза – мы обнаруживаем ее только один раз на всей выставке.

На картинах XVIII века ребенок, всегда одетый как маленький взрослый, все же немного выделяется на фоне семьи, выпадает из канонического семейного портрета. Его видишь на лоне природы, играющим в группе детей или с животными. И только в XIX веке он появляется сам по себе – в одежде школьника и в позах, присущих ребенку. У Легро («Erdkundestunde»⁶) уже отмечается явное различие между мальчиками с короткими волосами и девочками в передничках и платьях, с бантами в волосах. Детей изображают в группе или брата вместе с сестрой. В выражении лиц проступают чувства. Ребенок становится человеком, наделенным эмоциональностью.

В современный период – выставка доходит до 1960 года – ребенок выступает, как правило, в группе из двух или трех человек, реже один, но даже если он изображен отдельно от других, его представляют позирующим, как перед фотоаппаратом. Будь то ребенок

⁵ Маргинал (от лат. *marginis* – край, граница) – человек, находящийся на границе различных социальных групп; изгой. – Примеч. ред.

⁶ «Урок географии» (нем.). – Примеч. пер.

на войне, ребенок в нищете, ребенок на баррикадах или на празднике – поза безнадежно условна. Расхристанный или принаряженный, он остается обезьянкой, повинующейся маме или художнику-фотографу.

И всюду, вплоть до кубизма, идет ли речь о маленьком буржуа или о маленьком нищем, детство является нам в образе мелодрамы. Главным образом это относится к маленьким мальчикам. Девочки вплоть до Второй мировой войны остаются «примерными».

Прорыв к свободе на холсте, датированном 1950 годом и принадлежащем кисти немецкого художника, неизвестного во Франции: ребенок, изображенный, кажется, ради него самого, один, с каким-то двусмысленным выражением лица, отсутствующим, мечтательным. На других полотнах ребенка запечатлевают несчастным или эксплуатируемым или, по канону советского реализма, пионером своего отряда, чистеньким и точно копирующим господствующую элиту. Но не изображают того, что в нем неуловимо и непознаваемо.

Идеологический пафос взрослого беспрестанно скрывает ребенка от него самого, лишает его собственной истории.

Вплоть до нашего века с помощью фаллокрации⁷ насаждалась ложная идея, исходя из которой девочки в присутствии мальчиков ощущают отличие собственного пола только как отсутствие пениса. А в какие моменты своей эволюции мальчики и девочки обнаруживают свою принадлежность к тому или иному полу?

К этому ведет опыт, совершенно различный для мальчика и девочки. Это могут наблюдать все матери, как наблюдала я сама. Так есть и будет со всеми мальчиками, так было и с моим сыном Жаном.

Идеологический пафос взрослого беспрестанно скрывает ребенка от него самого, лишает его собственной истории.

До сих пор Жан прекрасно знал, что набухание его члена часто сопровождается желанием сделать пи-пи. Он мочился, и его пенис расслаблялся. Этого было ему достаточно, чтобы установить связь между явлением эрекции и функцией мочеиспускания.

Но вот сегодня – ему только что исполнилось 29 месяцев – он замечает необыкновенную перемену: его пипочка напряглась, он полагает, что сейчас сделает пи-пи. Но ничего подобного не происходит, хотя пенис набух. Этот инцидент повторяется. Когда эрекция проходит, он может помочиться. Впервые он предчувствует, еще не находя слов, чтобы это высказать, что его член может вести свою собственную жизнь, не связанную с мочеиспусканием. Жан испытал то же, что все мальчики его возраста. Между 28-м и 30-м месяцем младенец мужского пола открывает для себя эрекцию пениса, не связанную с мочеиспусканием, и в этот момент он пробуждается для осознания того факта, что он – мальчик.

Девочки обнаруживают свою сексуальную идентичность, интересуясь «пуговками» своих грудей, а также сходной с ними на ощупь «пуговкой» половых органов и трогая их. Игры с этой эрогенной зоной служат наиболее бесспорным признаком, что в жизни девочки наступил миг, когда она сделала открытие об этом великом различии.

⁷ Фаллокрация (от *греч.* phallos – половой член и kratos – власть) – социокультурная установка одностороннего наделяния мужчин властью и правами. – (Здесь и далее В. К. – Виктор Коган, научный редактор первого издания книги на русском языке.)

Когда в Бретонно я, молодой экстерн, делала маленьким пациентам с ожогами перевязки, я замечала, что девочки, чтобы вытерпеть боль, нервно трут себе соски. Перевязки при ожогах болезненны. При пересадке кожи требуется еще большая осторожность в манипуляциях. У меня получалось более или менее ловко – еще в бытность мою санитаркой я накопила кое-какой опыт, – и, если меня не оказывалось на месте, дети даже требовали, чтобы меня позвали. Однажды меня вот так позвали к изголовью шестилетней девочки, я начала отмачивать повязку, чтобы отделить ее от раны, и вижу – это уже не было для меня неожиданностью, – как ребенок ласкает набухшие «пуговики». Няня, до этого смотревшая в другую сторону, заметила это и здорово отругала малышку: «Я с тебя глаз не сведу, ты у меня бросишь этим заниматься, мерзавка!» Мне стоило большого труда успокоить ее. «Ей больно, она нуждается в утешении. Таким способом она напоминает себе, что у нее была мама, которая давала ей грудь...» – «Знаем, знаем! Нечего ее оправдывать, детей-паршивцев я в палате не потерплю!» – негодовала эта сотрудница детского дома, не желавшая ничего знать о том, что примитивное либидо может служить обезболивающим средством.

Когда я занималась психоанализом, меня поразила одна маленькая девочка, которой не было и трех лет. Я пришла к ее матери и принесла девочке в подарок куклу. Девочка немедленно перевернула ее вниз головой, раздвинула ей ноги и, стащив с нее штанишки, швырнула куклу в угол со словами: «Плохая». – «А чем же она плохая?» – «У нее нет пуговики». Сначала я решила, что она имеет в виду пуговики, на которые застегиваются кукольное платье и комбинезончик. Ничуть не бывало. Речь шла не об этих пуговках. Девочка показала мне обнаженную промежность куклы. «Ах, у нее должна быть пуговка на теле?» – «У меня их целых три!» Малышка говорила о своей половой системе, пуговики означали соски и клитор. В дальнейшем мне много раз приходилось слышать, как маленькие девочки говорят о «трех пуговках» – «одна внизу, с дырочкой», а две другие «на грудках».

Вне всякого сомнения, именно прикосновение к грудным железам пробуждает у девочек (и задолго до того, как они увидят голенюго младшего брата или другого мальчика на пляже или в ванной) сознание того, что они принадлежат именно к женскому полу. Думать, будто девочки, не обладая пенисом (который для мальчиков прежде всего орган, нужный, чтобы делать пи-пи), не ощущают и своей половой принадлежности – мужское заблуждение; половая принадлежность, несомненно, сразу ассоциируется для девочек с удовольствием, не зависящим от потребностей, а связанным с желанием, тогда как у мальчиков удовольствие, получаемое от эрекции пениса, прежде всего связано с удовольствием от удовлетворения потребности, и лишь потом оказывается, что оно может существовать и независимо.

У девочек огорчение от отсутствия пениса очень скоро возмещается уверенностью, что скоро у них вырастут груди. Отсутствие или медленное развитие грудных желез нередко оказывается драмой. Не легче переживается и их гипертрофия.

Мальчик до двух с половиной лет может не обращать внимания на отличия половых органов у девочек; он начинает беспокоиться по этому поводу, когда замечает, как меняется в размере его собственный половой орган при мочеиспускании. И он начинает испытывать страх увечья. Эрекция исчезает. Вернется ли она? Не утратит ли он свой способный к эрекции пенис? Этот страх – лишь запоздалая проекция первоначального страха кастрации. Он – бессознателен. И происходит оттого, что при этом – бессознательно же – мы сравниваем его с процессом поглощения пищи: кусочек за кусочком, и она исчезает целиком и бесследно. Этот страх расчленения особо фиксируется на выступающих частях тела. Египтяне запеленывали руки покойникам, чтобы человек попадал в царство теней весь целиком. Для того чтобы все существо ребенка продолжало развиваться, нужно, чтобы он сознательно заботился о целостности своего тела. Для ребенка это вовсе не само собой разумеется. Если на него наденут перчатки, он не понимает, куда делись его пальцы. Он перестает доверять глазам, для зрячего ребенка это болезненно. Надо ощупывать пальчики ребенка, чтобы он в

полной мере ощутил их и безбоязненно просовывал один за другим в перчаточные пальцы. (Обычно, когда на него натягивают перчатки, он рассеянно смотрит в другую сторону.) То же самое, когда ребенку примеряют обувь, – он поджимает ножку: он ее «потерял». Это кошмар продавщиц обувных магазинов. Если ребенку меньше шести, он удирает, его ругают, мать нервничает. Продавщицы бывают благодарны мне, когда я кладу конец их пытке, рекомендуя им такой способ: прежде чем мерить детям новую обувь, поставьте их на коленки; не видя больше своих ног, они отвлекаются и позволяют себя обувать.

Страх кастрации у мальчика выражается не только в боязни при виде того, как опадает пенис, но и в опасении перед всяким увечьем, например потерять пальцы. Девочка младше трех лет, увидев пенис мальчика, может предположить, что у нее тоже был пенис, – она точно так же боится утраты частей своего тела и связанных с этим переживаний.

Страх кастрации у мальчика выражается не только в боязни при виде того, как опадает пенис, но и в опасении перед всяким увечьем, например потерять пальцы.

Никто никогда не решит проблему страха кастрации. Из него вырастает наше ощущение смерти. Частичка за частичкой наступает расчленение, а за ним – полное и последнее уничтожение плоти, та часть нашего существования, которая называется смертью. Разговор же об этом успокаивает.

У негров каждый взрослый говорит мальчику перед инициацией: «Возьму и отрежу тебе пипку». Это входит в ритуал общения. А ребенок и не думает ему верить. Но он доволен, что с ним говорят о его половом органе.

А мы поднимаем крик: «Ни в коем случае нельзя этого говорить, это наносит травму ребенку!» Смотря как говорить. Пускай это будет «для смеха». Выразить словами страх, знакомый каждому мальчику, – благотворное средство⁸.

Кто знает, отчего девочка, по распространенному у психологов выражению, «заражается женственностью» от своего отца, а мальчик «мужественностью» – от матери? Нарушениям сексуального поведения, двусмысленности самоощущения, колебаниям в ощущении своей сексуальной принадлежности, страху перед женщиной-матерью и т. п. могут способствовать какие-то уже забытые обстоятельства, факты из раннего детства, на которые не обратили внимания и которые обнаруживаются лишь в результате позднейшего психоанализа.

Мне позвонила одна мать, которую беспокоила жестокость сына-подростка. По ее словам, он нападает на улицах на женщин, которые похожи на нее. Кроме того, она сообщила, что он и на нее поднимает руку, когда она заботится о дочке: «Сестра – моя, не трогай». («Он так поступает с тех пор, как был „совсем маленький“?» – «Да, с тех самых пор».) Наверняка этому мальчику было необходимо, чтобы в первый же раз, когда мать услышала, как он предъявляет права собственности на сестру, она отняла у него малышку. И отец, в силу своей позиции в семье, не мог заставить сына уважать свою жену – ни на словах, ни поведением,

⁸ На фантазме кастрации (*фантазм* – см. с. 50), как ответе ребенка на загадку анатомического различия полов (присутствие или отсутствие пениса; различие приписывается усечению пениса у девочки) основывается комплекс кастрации. Его структура и следствия различны у мальчика и девочки. Мальчик боится кастрации как осуществления отцовской угрозы в ответ на свою сексуальную активность. Комплекс кастрации тесно связан с комплексом Эдипа, особенно в его функции нормирования и запрета. См.: *Лаплани Ж., Понталис Ж.* – Б. Словарь по психоанализу / Пер. с франц. Н. С. Автономовой. М.: Высшая школа, 1996. С. 197–202.

он не смог запретить сыну видеть в ней и в сестре сексуальный объект, не смог заставить сына видеть в них «женщин, с которыми он никогда не вступит в сексуальные отношения», подобно тому как и сам он, его отец, никогда не посягал ни на свою мать, ни на сестру, ни на бабу, ни на двоюродную бабу своих детей.

Невысказанное, оставаясь для ребенка двусмысленным, затягивает опасность инцеста⁹. Важно сказать подростку, что он не может занять в семье место отца и что между его родителями существуют отношения мужа с женой, на которые он не может претендовать; в свое время он вступит в такие отношения не с матерью, а с другой женщиной.

К несчастью, определенные вопросы годами остаются без ответа и годами зреют, как опухоль, в позорной или священной двусмысленности. Запрет на инцест должен быть внятно произнесен в ответ на немой вопрос. А если девочка берет у мамы сумочку и туфли и носит с ними – это опять-таки немой вопрос: «Как мне стать женщиной, ведь грудь у меня плоская, а пипки, как у мальчиков, у меня нет?» Девочки верят, что у матери она есть. Немой вопрос мальчика, который наряжается в мамины вещи: «Когда я стану большим, я стану, как ты, женщиной? У меня тоже будут детки в животе?» Не следует упускать возможности объяснить ему, какого он пола: «Ты никогда не будешь женщиной. Если ты хочешь играть, как будто ты уже большой, надень лучше папины ботинки!» Это напоминает мне одну девочку четырех с половиной лет, которая говорила: «Когда я стану дедушкой, я буду делать с внуками то-то и то-то». Она уже переросла время, когда девочка не знает, что она девочка. Но никто не позаботился ей объяснить: «Когда ты состаришься, ты будешь бабушкой, и то не просто потому, что ты уже старенькая, а только если у тебя будут дети, которые тоже родят своих детей». Двусмысленность болтовни, на которую не обращают внимания, может остановить сексуальное развитие. Ребенок может сколько угодно забавляться, подражая детям или взрослым другого пола, но лишь при условии, что это игра, а не план будущего.

Двусмысленность болтовни, на которую не обращают внимания, может остановить сексуальное развитие. Необходимо найти для ребенка точные слова и объяснить наличие опасности в слепом следовании соблазну и неумении устоять перед ним, тем самым помочь устоять перед искушением.

Этой разницы между игрой и реальностью детям не объясняют. Хотя последнее необходимо точно так же, как разъяснять им, почему детям нельзя трогать электрическую розетку. Необходимо найти для ребенка точные слова и объяснить наличие опасности в слепом следовании соблазну и неумении устоять перед ним, тем самым помочь устоять перед искушением.

Детская сексуальность: Стена умолчания

После Второй мировой войны воспитателей стал тревожить мучительный вопрос: нужно или нет вводить сексуальную информацию в рамки школьной программы?

Я присутствовала на официальном собрании, организованном в Сорбонне. У инспекторов академии эта перспектива вызывала ужас; они видели только одно средство охладить горячку пубертатного возраста. Им представлялось естественным раздавить всех этих юнцов интеллектуальным трудом и физическими упражнениями, чтобы у них не оставалось ни времени, ни сил мастурбировать ночами в дортуарах. Умственная и физическая уста-

⁹ Инцест (от лат. in– отрицание, eastus– чистый, непорочный) – кровосмешение, сексуальные отношения между кровными родственниками (родителями и детьми, братьями и сестрами).

лость прогонит фантазии, связанные с неосознанными половыми побуждениями, дружеские и чувственные взаимные привязанности детей или детей и взрослых – и гетеросексуальные, и гомосексуальные. Последний триумф Жюль Ферри¹⁰, последний штрих его этики воспитания.

В крайнем своем выражении это принудительное «лечение» вытекает из логики концлагеря: пайку уменьшают до тех пор, пока заключенные не начинают думать только о еде, вместо того чтобы думать о межличностных отношениях. У измученных людей, которым грозит смерть, если они бросят работу, не остается времени для межличностного обмена.

Эксплуатируя человека, его энергию либо используют, либо переключают на что-либо другое.

Когда настала пора подправить педагогику по Жюлю Ферри, введя в нее сексуальное просвещение, руководители лицеев довольствовались тем, что ввели еще одно упражнение по риторике, с сухими и безличными рассуждениями на заданную тему. Не все можно объяснить в терминах биологии, если имеешь дело с возрастом, когда человека буквально распирает и он непрерывно фантазирует.

В любом случае, эта информация чересчур запаздывает. Потому что сексуальность играет важнейшую роль с самого момента нашего появления на свет; ребенок без конца выражает ее день за днем на языке тела. Неосознанные половые влечения влекут за собой межличностную коммуникацию, которая остается неизменно одной и той же между людьми с начала их жизни. Они проецируются в язык, но в язык, соответствующий уровню нашего развития. К моменту созревания, когда появляется чувство ответственности, психика, являющаяся метафорой тела, могла бы уже оказаться достаточно зрелой для ответственности за половой акт, в котором сочетаются эмоциональные, социальные и психологические отзвуки. Но чтобы очутиться на этой стадии, нужно было бы с самого детства смотреть на это как на факт – ни плохой, ни хороший, а вытекающий из человеческой физиологии, и как на действие, совершаемое ради оплодотворения. Стилль этой созидательной игры коренным образом изменяется с появлением чувства взаимной ответственности двух людей, каждый из которых принадлежит определенному полу... Да еще этому должна предшествовать долгая подготовка – появление чувства ответственности за свои поступки... А пока его и в помине нет: нравственное воспитание ни в малейшей степени не подразумевает структурированной этики желания; существует лишь воспитание-маска, чтобы скрывать от других неназванные желания, уже испытываемые, но утаиваемые. К чему сводится воспитание гражданина в ребенке? Его учат переводить слепых через улицу, уступать место старушке, знать, как надо голосовать... Вот и все гражданское воспитание... Но никто не воспитывает в ребенке чувства достоинства его тела, никто не прививает ему сознания того, что все части его тела благородны; а когда не знаешь, как обращаться с собственным телом, как поддерживать его, способствовать его росту, уважать его ритмы, происходит декомпенсация, а значит, отток человеческих сил... Все это следовало бы иметь в виду и учитывать в воспитании с ясельного возраста. Но ничего подобного не делается: люди сидят на голодном пайке, что усугубляется полным замалчиванием этих вещей в школе; человек о них понятия не имеет и неспособен воспринимать то, что происходит с его телом... Это малоутешительно.

¹⁰ Жюль Франсуа Камиль Ферри (1832–1893) – французский политический и государственный деятель. Участник Парижской коммуны. Премьер-министр Франции (1880–1881 и 1883–1885). В области образования – автор тех двух законов (1879–1883 гг. – Жюль Ферри министр народного образования), которые положили начало коренным переменам в области организации школьного обучения во Франции: 16 июня 1881 года – закон о бесплатности школьного обучения, 28 марта 1882 года – об обязательности его со светской программой. Реформа школьного образования, связанная с именем Ж. Ферри, изменила характер самого обучения, ввела новую мораль. См. подробнее: *Чистяков Ив.* Образование народа во Франции: эпоха Третьей республики (1870–1902). М., 1904.

Из того, как изображают естество ребенка пластические искусства, а также из литературы о ребенке становится ясно, что практически вплоть до нашего века тело отделяли от души. Все предопределено: образованию подлежит «дух», то есть мозг ребенка, а о теле забывают (или даже уличают его во всех пороках, грехах... взваливают на него все зловерное, негативное). О теле забывают, вытесняют его в тень во всех случаях, кроме тех, когда ему достается хлыст или палка или когда ему запрещают двигаться. Естественная активность тела считается грубой, она словно оскорбляет человеческий разум, унижает человеческое достоинство. А между тем у нас во французской культуре существует Рабле, который мог бы быть для нас с ясельного возраста властителем дум и словаря. Рабле посредством языка сублимирует все относящееся к телу, к пище и в то же время все наиболее трансцендентное¹¹, поскольку, что ни говори, а Гаргантюа все же родился «от уха» Гаргамель; именно «от уха», а не «из уха» матери. Он родился от слов, которые слышала его мать. Он рожден от языка... и с рождения принадлежит человечеству. И из языка он сотворил слова, сотворил радость для всех сразу, для всех, кому не нужно скрывать никакой эротики. Это эротика для радости целой группы.

Самая лучшая подготовка к сексуальному просвещению – с раннего детства приобщаться к языку самой жизни, который метафорами рассказывает обо всех функциях тела.

Даже в современном доме, оснащенном всевозможной техникой, остаются обрывки этого метафорического языка: розетка входит в штепсель, окно закрывается при помощи шпингалета, который проникает в гнездо. Все это – метафоры продуктивной сексуальности, которая приводит к сцеплению и в конечном счете приносит удовольствие, счастье, да и гражданскую пользу тоже.

Я думаю, что сегодня в системе воспитания существуют два заблуждения, в силу которых подросток не может прийти к согласию с собственным телом: физические упражнения полностью ориентированы на соревнование, а не на знакомство с собственным телом и радость игры. Ребенку, обучающемуся в школе, тестируемому, обязанному заниматься спортом, точь-в-точь как сдавать экзамены, не хватает радости, которую получаешь от игры, в которой, правда, есть победитель и побежденный, но, если игра была хороша, проигравший не испытывает унижения от своего проигрыша. Второе воспитательное заблуждение – это пренебрежение к рукам и обеднение языка, сказывающееся на понятливости и сноровке. Из словаря удалили все конкретное – все, что относилось и к функциям тела, и к предметам, которыми манипулируют. И это проделывают с ребенком всё в более и более раннем возрасте. Лет двадцать назад в начальной школе арифметика оперировала реалиями (весами, склянками, бассейнами, кранами...). Сегодня даже в математике ребенка очень быстро обучают манипулировать (мысленно) совершенно абстрактными понятиями. Спорт, который полностью сводится к соревнованию, и абстрактный язык, уже у ребенка восьми лет переполненный абстракциями, не могут помочь ему жить в добром согласии со своим телом.

Мы облегчаем себе совесть, говоря: «Теперь дети занимаются спортом... Теперь существует языковая свобода, ведь дети могут говорить родителям или при родителях грубые слова». Но это совсем другое! Таким образом можно высвободить определенную агрессивность, но это совершенно не то, что формирует личность. Этот язык лишен креативности¹².

¹¹ Предельно общие понятия; предшествующее опыту и независимое от него знание, организующее конкретный опыт. – В. К.

¹² Креативность – творческий, созидательный потенциал. – В. К.

У наших детей больше нет словаря. Мы движемся в обратную сторону от того, что могло бы обеспечить подростку равновесие.

Как объяснить этот упорный обскурантизм¹³, который воздвиг стену молчания перед детской сексуальностью и заставляет родителей и воспитателей Третьей республики¹⁴ делать вид, будто никакой детской сексуальности не существует?

Из памяти взрослого изглаживается все, относящееся к доэдиповому возрасту¹⁵. Вот почему общество с таким трудом признало детскую сексуальность. В предыдущие века о ней знали только кормилицы. Родители о ней понятия не имели. Кормилицы знали, потому что, в отличие от родителей, и в буржуазной, и в крестьянской среде существовали на том же уровне, что и дети. Те, кто занимался детьми, всегда стояли особняком: они понимали язык до речи, понимали не словами, а поведением. Когда Фрейд заговорил о мастурбации у детей, родители подняли крик, а кормилицы говорили: «Ну да, конечно, все дети так делают...» Почему же они раньше об этом не говорили? А дело в том, что для большинства взрослых дети играли роль животных, которых не то держат дома на положении четвероногого друга, не то разводят в хозяйстве – смотря по тому, любят их или нет.

В таком обществе, какое существовало еще в XVII веке, многие дети из зажиточных слоев общества воспитывались у кормилиц и довольно благополучно и рано достигали возраста самостоятельности. Возникает вопрос: не потому ли при кормилицах они легче переживали свою детскую сексуальность, что кормилицы не налагали запретов, которые стали налагать на них матери позже – в XVIII веке или в XIX, когда начали сами кормить своих детей?¹⁶

Детство Людовика XIII, о котором упоминает Филипп Ариес, показывает, каким может быть ранний возраст без запретов. До шести лет взрослые вели себя с принцем извращенно: играли с его половым членом, позволяли ему играть с половыми органами других людей, ложиться в постель к взрослым, шалить с ними. Все это было позволено. Но в шесть лет его вдруг одевают по-взрослому, и отныне он должен вести себя как взрослый, повинувшись «этикету»¹⁷.

Такое положение как будто чревато травмами для ребенка, однако было в этом все же нечто изначально спасительное, поскольку за первые годы жизни ребенок успешно пережил свою сексуальность с чужими людьми, а не с родителями. У него было больше шансов благополучно миновать все трудности, несмотря на то что потом его чересчур рано переодевали во взрослое платье. Его пример распространяется только на богатые классы. А как ребенок из других слоев общества в ту эпоху мог подавить и сублимировать желание инцеста? Ему помогало то, что он очень рано начинал работать. Мать беременела часто, один младенец сменял другого на коленях у матери, и привилегия на чувственные удовольствия представлялась старшему уделом малышей, тогда как сам он уже оказывался занесенным в список семейных работников. Он понимал, что права на мать принадлежат тому, кто зачинает детей, а сам он в силу своей половой незрелости должен быть отвергнут матерью. Отец или заме-

¹³ Обскурантизм – враждебная установка к просвещению и науке. – В. К.

¹⁴ Третья республика существовала во Франции с 1870 по 1940 год; у Дольто это синоним довоенной Франции, когда в образовании господствовали принципы, заложенные Жюлем Ферри. – *Примеч. пер.*

¹⁵ Доэдипов возраст – до 3–5 лет. – В. К.

¹⁶ *L'Histoire des mœurs du Moyen Age à nos jours*. Yvonne Knibiehler, Catherine Fouquet. P. 90.

¹⁷ Ph. Ariès, ouvrage cité, I, 5. P. 145.

стителю отца присутствовал постоянно, и все время, пока продолжалась плодотворная, детородная пора жизни женщины, оттеснял ребенка в сторону, поскольку тот уже не мог быть младенцем, но и не мог еще сам производить на свет детей. Неудивительно, что девочки с четырнадцати лет были сексуальными объектами для стариков. Может быть, именно таким образом и выражался инцест, который, в сущности, просто наступал с опозданием: «Когда я вырасту большой, я смогу обладать женщинами возраста моей матери... Когда я состарюсь, я смогу обладать моей дочерью в образе другой женщины...» Ситуация Агнессы в «Школе жен»¹⁸ была, вероятно, совершенно обычной. Я думаю, что открытие Фрейда закономерно пришлось на эпоху, когда дети гораздо чаще стали жить в семье, вместо того чтобы воспитываться у кормилиц или с самых юных лет уходить из семьи и приниматься за труд. В сегодняшней семье-ячейке, прежде всего в городах, трудности и конфликты куда более взрывоопасны, особенно когда протекают в скрытой форме. Сегодня ребенок вступает в контакт с куда более ограниченным числом взрослых, чем в былые эпохи. В XVII и XVIII веках ребенок мог переносить свои инцестуозные чувства на других женщин, которые находили весьма забавным играть в сексуальные игры с маленькими мальчиками и юношами, которым они не приходились матерями. В сущности, легко убедиться, что сплошь и рядом сегодня ребенок, который видится с бабушками и дедушками только изредка, на семейных сборах, во многих отношениях все больше и больше замыкается в триаде: отец – мать – единственный ребенок. Ребенок втиснут в эту ячейку – а ведь сейчас принято говорить, что благодаря телевизору, групповым экскурсиям и путешествиям пространство жизни ребенка расширилось. Но все относительно. Материальное пространство расширилось, а пространство эмоциональных связей сузилось.

Для переживания чувств, сопровождающих отношения между людьми, у ребенка остается куда меньше простора, чем прежде; он стал гораздо ближе к родителю и родительнице – они ему и кормилицы, и воспитатели. Прежде они вообще были не кормилицами, не воспитателями, а коллегами по трудовым и представительским ритуалам. Он действовал, как они, по отношению к миру, по отношению к пространству, а между ними стояло много взрослых-заместителей – с ними он проигрывал свои чувства и свою инцестуозную сексуальность, которая посредством переноса¹⁹ переходила на людей из родительского окружения.

Существовали и такие отдушину, как карнавалы, маскарады.

Эти праздники приносили вседозволенность неосознанных сексуальных стремлений, скрытых под маской, по меньшей мере раз в году, – в Северной Европе были два дня в холодное время года, масленица и средопостье, когда родственники и соседи, жившие бок о бок, ощущали свою анонимность: лица скрывались под масками, и можно было переживать сексуальные желания, игры, фантазии, а иногда и осуществлять их, не отождествляясь с ними, – на то и масленица.

Сегодня последний день карнавала считается праздником отцов и превратился в чисто рекламное мероприятие по продаже всяких безделушек. Взрослые больше не переживают праздников «спускания паров» – даже в тех местах, где хотят продолжать подобные праздники из коммерческих соображений, как в Ницце, или на Севере, или с Жилиями (клоунами) в Бельгии²⁰. В нашем обществе несомненно происходит куда большее подавление желаний, чем раньше. В том числе и на уровне детей. Похоже, что в былые времена не

¹⁸ Имеется в виду комедия Ж. – Б. Мольера «Школа жен» (в другом переводе – «Урок женам»).

¹⁹ Перенос, трансфер – в психоанализе означает процесс, посредством которого бессознательные желания переходят на те или иные объекты в рамках определенного типа отношений, установившихся с этими объектами. См.: Лаплати Ж., Понталис Ж. – Б. Словарь... С. 531–540.

²⁰ См.: *Le Carnaval de Binche*. Samuel Glotz (1975). Ed. Duculot.

было таких, как сейчас, запретов на сексуальные игры ни между детьми (кроме как между братьями и сестрами), ни между детьми и взрослыми (кроме как с родителями).

В XIX веке запреты существовали, но жизнь знает множество путей обойти их. Немало юношей получили первый любовный опыт со служанками. Что до девушек, то их потому и выдавали замуж очень рано, что знали: замужем или нет, они все равно станут для мужчин сексуальным объектом, и пусть уж лучше за это будет отвечать какой-нибудь мужчина, которому отец вручит свою дочь для защиты. Нам с нашими нынешними представлениями странно, что дочь вручали зятю вместе с деньгами, как будто жена – обуза, вместо того чтобы требовать денег у будущего зятя, как это делается в некоторых африканских странах, где жену приходится покупать, потому что она представляет собой ценность. У нас – наоборот: приданое должно было подсластить пилюлю. На Западе в зажиточной среде замужество дочерей было до недавнего времени сродни узаконенному сутенерству. Торг по поводу приданого приносил в брак оттенок продажности. Во-первых, приданое сразу сообщало инфантильность зятю, якобы не способному самостоятельно обеспечить содержание жены, поскольку он не в состоянии даже дать за нее столько, сколько она стоит. Во-вторых, инфантильность придавалась и жене – ей словно говорили: «За тебя надо платить – сама ты ничего не стоишь». Кроме того, этим признавалось, что дочь – предмет владения отца, которому недешево стоило избавиться от этой своей собственности. Давая за дочь приданое, он расписывался в любви к ней, и несмотря на то, что отныне она принадлежала другому мужчине, приданое, выделенное отцом, обеспечивало ему материальное присутствие в семье дочери.

2 глава Вина

«Пустите детей приходить ко мне», или Откуда берется чувство вины

До XIII века дети причащались, начиная с крестин, каплей освященного вина, которую вливали им в губы. В XIII веке мальчики причащались публично в 14 лет, девочки – в 12. После Тридентского собора²¹, в XVI веке, мальчиков и девочек стали допускать к алтарю в 11–12 лет. Папа Пий X, снизивший этот возраст до семи лет и учредивший причастие с глазу на глаз, которому предшествовала исповедь²², преподнес «невинным душам» отравленный дар, хотя полагал, что следует словам Христа: «Пустите детей приходить ко Мне».

Это новшество в католичестве было плодом заблуждения, соединенного со справедливой и великодушной идеей. Оно повлекло за собой очень раннее ощущение ребенком чувства своей виновности и эротизацию признания, сделанного другому лицу, прячущемуся в потемках исповедальни. Чтобы приобщиться к таинству покаяния, ребенок должен проникнуться чувством своей греховности. Ребенок не чувствовал за собой вины перед Богом; с малолетства он знал, что совершил проступок в том случае, когда не угождал взрослому. Он бывал счастлив или несчастлив в зависимости от того, получал ли он от своих воспитателей похвалы, конфеты или наказания, удары палкой. У него не было никакой возможности отделять добро и зло от удовольствия и неудовольствия.

На исходе детства достаточно было единожды исповедаться во всех грехах в момент торжественного причастия, после чего по отношению к Богу, в мистическом плане, человек становился равен своим родителям.

Для западного христианства это новшество оказалось освящением ритуала, утверждавшего ценность чувства вины в том (доэдиповом) возрасте, когда ребенок смешивает воображение и мысль, бессознательное желание и поступок, слово и действие, и, что еще хуже, Бога, и своих родителей, и воспитателей.

Пока причастие с глазу на глаз не испортило все дело, на исходе детства достаточно было единожды исповедаться во всех грехах в момент торжественного причастия, после чего по отношению к Богу, в мистическом плане, человек становился равен своим родителям. Кроме того, это был возраст вхождения в общество. В те времена в Европе многие дети в 12 лет уже оказывались брошены в мир труда, покидали родительский очаг, сталкивались с действительностью и с точки зрения человеческих законов становились подростками, отвечающими за себя. Согласно семейному обычаю, накануне торжественного причастия они просили прощения у родителей за все, чем их вольно или невольно обидели, пока они были детьми. Затем, после этого семейного и общественного, приходского праздника девочки совместно с женщинами, а мальчики с мужчинами включались в жизнь общества. Они принимали участие в беседе во время еды, имели право голоса в семье, чего до сих пор у них не

²¹ Вселенский собор католической церкви, заседавший в г. Тренто (1545–1547, 1551–1552, 1562–1563 гг.) и г. Болонья (1547–1549) установил строгую церковную цензуру, усилил гонения на еретиков. Его работа – начало реставрации католицизма.

²² См.: Декрет Конгрегации Таинств «Quam singulari», 8 августа 1910 г. (Приложения, практические правила I, стр. 523).

было. Во Франции в семьях, где детей продолжали воспитывать как до Пия X, дети еще в 1940-м году получали право разговаривать во время еды только после первого причастия, которое торжественно отмечалось в 11 или 12 лет (в 6 классе лицея). В этих семьях причастие с глазу на глаз не допускалось. Все это – через три года религиозного образования, на первом или втором году обучения второй ступени. Следовательно, до этого не было никакой исповеди: в проступки против мирской морали, «ребяческой и честной», не вмешивали Бога. Таким образом, религия не требовала, чтобы дети, подчиняясь прихотям или неврозам своих родителей или воспитателей, различали добро и зло перед Богом.

Ребенок не знает меры своей свободы в поступках, приятных или неприятных, полезных или вредных для других и для него самого. Когда он это осознает, он обретает и понятие добра и зла, что большей частью не имеет ничего общего с духовным грехом. Чувство вины – мирское чувство.

С точки зрения этнологии допуск к алтарю для причастия может рассматриваться как ритуал перехода.

Когда-то это так и было, но после Пия X положение вещей изменилось.

Есть таинство, установленное Христом, основателем религии, а есть ритуал, сопровождающий дарование этого таинства. Если этот ритуал вводится вовремя, он освобождает и способствует продвижению вперед. Но если то или иное таинство, вместо того чтобы развивать доверие к себе и к другим, развивает чувство вины – оно преждевременно. Смешивать таинство покаяния с таинством святого причастия само по себе нехорошо, но к этому добавляется еще путаница между сутью этих таинств и случайными обстоятельствами ритуалов. Разумеется, все зависело от того, каким образом отцы и матери (особенно матери) готовили ребенка к этой самокритике перед лицом Закона Божьего, а не перед их собственными правилами. Так мало взрослых воспитателей подают в этом пример детям, наблюдающим за их жизнью. Слишком немногие питают доверие к жизни, а значит, и к своему ребенку, и к его интуиции – я говорю здесь только о телесной жизни. Многие взрослые сеют недоверие к себе и к другим, страх перед опытом, страх перед болезнями (хотя люди уже научились избегать заражения). Чувство вины царит повсюду, даже в смерти. Когда-то казалось важным строгое соблюдение полагающегося ритуала – поста. К причастию полагалось идти натощак. Почему бы и нет – считалось, что натощак чувствуешь себя свободнее... Но этим закреплялась определенная двусмысленность, как будто бы духовная, мистическая трапеза, связывавшаяся со Словом Христа, символическое питание нашей человеческой реальности, противостоит пищеварительному комфорту. А возможно ли обойтись без ощущения телесного благополучия, которое служит нашей временной и пространственной жизненной ориентации? Возможно ли без этого изменение себя самих, да, в сущности, и духовное созидание?

Почему причастие начинается именно с семи лет, предполагаемого «разумного» возраста? Почему не с 0 до 7, как у православных? Ребенок участвует во всем, во все вмешивая свои магические интерпретации действий «брать» и «делать», магию оральности и анальности²³. Он не знает меры своей свободы в поступках, приятных или неприятных, полезных или вредных для других и для него самого. Когда он это осознает, он обретает и понятие добра и зла, что большей частью не имеет ничего общего с духовным грехом. Чувство

²³ Оральность – связь проявлений либидо (сексуальности) с полостью рта, анальность – с задним проходом; первые две фазы сексуального развития по З. Фрейду. – В. К.

вины – мирское чувство. Ребенок чувствует, что неразумно поддаваться соблазну неблагоприятных поступков, которые огорчают родителей и на которые наложен родительский запрет. Он считает себя виновным, когда, удовлетворяя какую-нибудь потребность или желание, поранится из-за собственной неловкости. В эпоху телесных наказаний его за это били по чувствительным и подвижным частям тела, и это наказание исходило не от Бога, но от сторожа, охранявшего свое достояние, поскольку испорченное ребенком его тело также было частью этого достояния. Но начиная с того момента, когда ребенок начинал испытывать чувство вины, им руководили веления Бога, которые не следует путать с человеческими приказами. В православии прежде, чем ребенка допустят к причастию, он должен пройти через двухлетнее религиозное обучение, подготавливающее его к торжественному личному причастию. Исповедь происходит на глазах у всех, посреди хоров; священник стоит тут же, но кающийся обращается к иконе Спасителя. Ребенок ничего не говорит о своей частной жизни. Священник спрашивает: «Грешил ли ты против Первой заповеди?» – «Да, грешен». – «Против Второй заповеди?» – «Да, грешен... Я грешен во всем». Но его поступки не передаются в подробностях любопытному собеседнику. Изучив за два года обучения начатки своей религии, ребенок после маленького семейного праздника вновь допускался к причастию – уже как «взрослый, отвечающий за свои поступки».

Многим детям трудно даже разобраться в том, что такое грешить действием, и тем более в том, что такое грешить упущением. Ну а понятие «грешить мыслями» для ребенка вообще не имеет смысла.

У ребенка-католика все не так: с пяти лет его подчиняют малой катехизации²⁴. В детском воображении место родителей занимает Бог. Вместо пробуждения к духовной жизни ритуал низводится до психологического осмысления мистики и до эротизации отношения Бога к ребенку и наоборот. Для взрослых это было способом оказать давление на ребенка, пригрозив ему высшей карой провидения, «смертным грехом», адом. Многим детям трудно даже разобраться, что такое грешить действием, тем более в том, что такое грешить упущением. Ну а понятие «грешить мыслями» для ребенка вообще не имеет смысла. Семилетние дети не знают, что такое мыслить, думать. Мыслить – это добровольный акт. Впрочем, думают очень немногие люди (как сказал господин Тэст²⁵, «никто не размышляет»). Целе-направленная мысль, мысль, которая работает над чем-нибудь, как певец работает над своим голосом, – это акт осознанный, не имеющий ничего общего с фантазмами²⁶. Ребенок принимает за мысли свои фантазмы. Как же в таком случае он может постичь разницу между грехом мысленным и грехом по упущению? Из всего этого он извлекает только страх смертного греха. Постановление католической церкви безо всякой пользы наделило чувством вины все поколения нашего века во имя того самого Христа, к которому детей хотели, так сказать, приблизить! А ведь Он пришел в мир ради ведущих несправедную жизнь, грешников, безнравственных людей, стоящих вне закона или, во всяком случае, тех, кого считают таковыми ревнители порядка.

И как бы мы ни относились к чувству вины, испытываемому по поводу тела и тех его потребностей, что проявляются с наступлением отрочества в новых отношениях, выходящих за границы семейной среды, к взрыву жизненных сил, связанному с созреванием, к

²⁴ Катехизация – приобщение к катехизису – изложению основ католической религии в форме вопросов и ответов.

²⁵ Г-н Тэст – мифический герой французского поэта и блестящего эссеиста Поля Валери (1871–1945), фигура абстрактная. Обладатель универсального ума, «робот абсолюта». См.: «Вечер с господином Тэстом» (1896) в кн.: *Валери П. Об искусстве*. М., 1993.

²⁶ Фантазм – воображаемый сценарий, в котором исполняется – хотя и в искаженном защитой виде – то или иное желание субъекта (в конечном счете бессознательное). См.: *Лапласи Ж., Понталис Ж. – Б. Словарь...* С. 551.

мастурбации, всегда переживаемой как падение и крайнее средство в безвыходном положении, – с какой стати объявлять их грехом по отношению к Богу? С тем же успехом можно объявить грешником прыгуна, не сумевшего перепрыгнуть планку, которую он во что бы то ни стало решил преодолеть, и взбешенного собственным бессилием!

3 глава

Воспоминания детства

Ангел, карлик и раб, или Ребенок в литературе

В средневековой литературе Западной Европы ребенок занимал место бедняка или даже зачумленного – такой париш. Такова воля Церкви. Сочинения средневековых клириков²⁷ напоминают, что ребенок – это существо, которого следует во всем остерегаться, так как он может быть вместилищем темных сил. Новорожденный еще принадлежит к низшему миру, ему только предстоит родиться для жизни духа. Он несет проклятие, навешенное на человека, изгнанного из рая, он платит за грехи взрослых, как если бы он всегда оканывался плодом греха. По отношению к нему используются презрительные, а то и бранные выражения. В течение долгого периода он находится в такой немилости, что его даже крестят с опозданием. Да и после того, как всех детей начинают систематично подвергать обряду крещения, считается, что крещение не уничтожает факта первородного греха. На смену этому обскурантизму приходит гуманизм Возрождения, который положит конец опале божьих уродцев, место которым в чистилище, а то и в аду, рядом с низшими существами, слугами, рабами и животными. В первую очередь вспомним тут мэтра Алькофрибаса с его гениальной притчей о Гаргантюа, который благодаря силе слова рождается великаном. Теперь от взрослых требуется обрести детское простодушие, то самое детское простодушие, которое в XVIII веке превратится в первую христианскую добродетель. Церковь, сначала оттеснив живущего в человеке ребенка в тень, теперь реабилитирует его в сознании людей.

«Церковь возбраняет нам презирать их (детей) в силу глубокого почтения, какое питает к ангелам блаженным, оберегающим их». («Трактат о выборе и методе учения», Флери, 1686).

«Будьте как новорожденные младенцы», – советует Жаклин Паскаль в своей молитве, включенной в свод правил для маленьких пансионеров Пор-Рояля («Правила для детей», 1721).

Возможно, эту реабилитацию подготовил и облегчил культ младенца Иисуса. Во всяком случае, он знаменует собой этап, первый опыт. Ясли были изобретены святым Франциском Ассизским в начале XIII века. До него символической колыбели ребенка не существовало. Ангел или демон, он был или воздушным созданием, или находился среди углей пылающих. Символическое дитя находится между небом и землей, меж двух стульев ханжества, лежит между двумя молитвенными скамеечками. Не то падший ангел, не то будущий герой.

Другая историческая причина реабилитации ребенка – культ маленьких принцев. Он возник в разгар религиозных войн. Во времена противостояния католиков и протестантов Екатерина Медичи вознамерилась объехать Францию в карете, демонстрируя толпам нового короля – Карла IX, которому тогда было десять лет. Это было в 1560 году. Людовика XIII чествовали как короля-дитя. Двор чрезвычайно заботился о его популярности – так никогда прежде не заботились о популярности отпрыска царствующего дома. Все, что касается положения ребенка и его места в обществе, циклично, но диалектика понятий о нем гораздо слож-

²⁷ Клирик – священнослужитель, член служителей культа какой-либо церкви.

нее и тоньше, чем можно подумать, исходя из ведущих принципов эпохи. Поэтому нельзя утверждать, что в средние века дитя как символ невинности и чистоты не существует. Хотя такой взгляд не выступает на первый план в литературе, он существует в народных песнях, в рождественских песнопениях. В XIII веке в лирический репертуар входит прославление материнства. Разумеется, установки, игнорирующие всякую диалектику, способны довести до крайности и неестественности любое явление, лишая его многосторонности и многозначности. Но подобные принципы нельзя считать и чистым вымыслом, произволом. Любой господствующий принцип обращен к человеку, который в конце XX века может претендовать если не на охват явления во всей его полноте, то хотя бы на постижение тайны во всей ее сложности и на умение уважать ее как одну из составляющих реального человека в процессе его становления.

Из преобладающего в средние века мнения становится ясно, что прежде всего в эту эпоху стремились подчеркнуть пластичность, податливость детства и влияние среды, воспитателей на юные умы. В латентном состоянии²⁸ ребенок порочен. Его может спасти только религия. Именно эту концепцию поддерживает Фенелон в своем «Телемахе»²⁹, рационализируя и обмирщая мнение церковников: чтобы ребенок не был порочен, его надлежит полностью сформировать воспитанием. Руссо выворачивает этот постулат наизнанку: ребенок рождается добрым дикарем, порочным делает его общество. Ленин для своих юных пионеров прибегает к модели Телемаха. Эти внутренние противоречия без конца воспроизводятся с каждым новым циклом. Но наследие Руссо воспримут романтики. Эмиль Жан-Жака Руссо открывает путь маленькой Фадетте и Полю с Виргинией³⁰.

В начале XIX века, согласно господствующей диалектике, на первый план выходит ангелизм. Все романтические поэты воспевают ребенка. Но его изображение инфантилизировано. Ребенок плохо воплощен и весьма условен. Это не более чем зыбкий призрак, свидетельствующий о божественной природе человека и об утраченном рае. Взрослому он напоминает о первоначальной чистоте, самом благородном, самом харизматическом состоянии человека.

Романисты XIX века стремятся поместить ребенка в его социальное окружение и драматизируют его участь. Он – жертва общества, он проходит все ступени своего крестного пути: от козла отпущения до мученика.

Право на жизнь и смерть

В Германии, во времена Римской империи, общество, судя по всему, предоставляло отцу право на жизнь и смерть ребенка только в момент его рождения и до первого кормления грудью.

В Риме действовали законы, которые, по решению суда, ограничивали *patria potestas*³¹, являвшуюся фактическим правом.

Во II веке н. э. Адриан приговорил к изгнанию одного отца семейства за то, что тот на охоте убил своего сына, вина которого состояла в прелюбодеянии с собственной мачехой – обстоятельство крайне неблагоприятное для жертвы.

²⁸ Латентный период развития (по З. Фрейду) – период, когда психосексуальное развитие протекает по преимуществу скрытно, неявно. Это период от упадка детской сексуальности (на пятом или шестом году жизни) до наступления половой зрелости.

²⁹ «Приключения Телемаха» (1699) – философско-утопический роман французского писателя, архиепископа Франсуа Фенелона (1651–1715).

³⁰ Называются имена литературных героев: Эмиль – Жан-Жак Руссо «Эмиль, или О воспитании» (1762); Фадетта – Жорж Санд «Маленькая Фадетта» (1848); Поль и Виргиния – Жак Анри Бернард де Сен-Пьер «Поль и Виргиния» (1788).

³¹ Отцовская власть, отцовская воля (от *лат. patria potestas*) – неограниченная власть над детьми – одно из Полных прав римского гражданства.

В начале III века н. э. суд потребовал, чтобы отцы не убивали сами своих детей, а отдавали их под суд.

В начале IV века н. э., по законодательству Константина, отец-убийца должен был нести наказание за детоубийство (L. unic, C., De his parent vel. Lib. occid., IX, 17).

В VI веке кодекс Юстиниана положил конец праву родителей распоряжаться жизнью и смертью детей (IX, 17, loi unique, 318).

Детоубийства

В процессах по детоубийствам, вопреки их впечатляющей многочисленности, бывает трудно отделить этику от юриспруденции.

Следует ли карать за убийство новорожденного менее сурово, чем за убийство ребенка постарше? Больше всего, кажется, на суд производит впечатление способ, которым было исполнено убийство (жестокое обращение, яд, нож). Создается впечатление, что попытка самоубийства преступника, следующая за детоубийством, является смягчающим обстоятельством. Примеры: в 1976 году Жослин Л., 30 лет, убивает своего сына, 10-ти лет, и пытается покончить с собой – в 1977 году приговорена к четырем годам заключения; в 1975 году Элиан Ж. ошпарила своего двухлетнего сына, что привело к его смерти, – пожизненное заключение.

Особо жестокое обращение

Похоже, что суд склоняется к менее строгой мере наказания, учитывая, что наложенные на преступных родителей санкции не решают конфликта с ребенком-жертвой. Заметим, что ребенок-мученик лишен судебной защиты (его интересы не представляет адвокат).

Случаи дурного обращения родителей с детьми чаще всего остаются безнаказанными. Окружающие своим молчанием покрывают преступления или самих преступников. Тревогу поднимают врач, социальные службы, иногда соседи.

Удары и раны, постоянно наносимые из жестокости, караются строже, чем результаты «отеческого воспитания», которые слишком часто считаются прискорбными, но простительными несчастными случаями.

Изнасилование ребенка отцом или отчимом чаще всего скрывается как семейная тайна. Если правосудие вмешивается, нелегко бывает отличить сексуальные сношения по принуждению или вследствие акта насилия от связи, обусловленной покорностью ребенка при соучастии окружения.

Даже умиляясь детством, даже воспринимая ребенка как персонаж романа, литература XIX века на самом деле лишь воссоздает социально-моральную картину или поэтический образ утраченного рая или поруганной невинности. Все это лишь представления взрослых о том, что принято называть «ребенком». Романтизм предъявляет свои требования – авторы, сочувствующие жертвам существующего порядка, выводят ребенка на сцену в сентиментальном и гуманном свете – Гаврош, Оливер Твист, Дэвид Копперфильд. Но и они проходят мимо воображаемого мира первых лет жизни. Взрослые остаются в плену собственной субъективности, идеализируя собственную юность. Это анархический реванш писателей над церковниками; писатели опровергают Церковь, говоря: мы рождаемся безгрешными, нас развращает общество.

С неудержимым наступлением натурализма вновь появляется амбивалентность. Вновь ставится вопрос о врожденной доброте ребенка. Показывая, что дети довольно легко адаптируются в пагубной среде (Диккенс, Гюго), что на улице они чувствуют себя как рыба в воде, романист изображает их сметливость, дар подражать с одинаковой легкостью и добродетелям и порокам взрослых, их хитрости, их притворство, их умение жить среди социальной жестокости, обращая ее себе на пользу, их аморальность. Они на грани маргинализации³², почти маргиналы, и они голодны. Нужда в покровителе сокращает путь к правонарушениям. В глазах писателя-натуралиста (Золя) ребенок перестает быть персонажем, которого романист во что бы то ни стало намерен приукрасить и вознаградить. Натуралист претендует на то, чтобы показать ребенка во плоти, таким, каков он есть: ни плохим, ни хорошим – живым. Бедняк гол и унижен – это страдания человечества в миниатюре. Многие заходят так далеко, что обвиняют человеческую природу и приписывают уличным мальчишкам всевозможные пороки, словно принимая сторону церковников прошлых веков с их негативным отношением к Божьим сиротам³³. Жюль Валлес³⁴ («Ребенок») порывает с натуралистической мелодрамой, повествующей о чахлом заморыше, неизменной жертве-малютке. Да, жертва, но не смирившаяся и не пассивная. Жертва в состоянии обороны. Час мятежа настал. Первые потрясения бунта молодежи совпадают с трагической утопией Коммуны. Ребенок Валлеса на баррикадах продолжает тот штурм, в котором первый камень был освящен Гаврошем.

Наш XX век не изобретет ничего нового в этой области. Он лишь быстрее воспроизводит все тот же диалектический цикл, и два поколения писателей будут по очереди использовать в постромантизме все скрытые и явные темы средневековья. Экзистенциализм принимает наследие натурализма, выражая его в других терминах. В «Словах» Сартра рассказчик восстанавливает годы своей юности как совокупность поз и ужимок, адресованных ближним. Ребенок-хамелеон приспособливает свое поведение к поведению окружающих, чтобы манипулировать ими или чтобы они оставили его в покое. То окружающее, что ему навязывают, настолько ему неприятно, что он просто выбирает себе образец для подражания и следует ему.

Во всей этой литературной традиции, во всех ее проявлениях принимается в расчет, изучается, описывается только социальное поведение ребенка. Единственное новшество у Сартра – это его попытка остаться нейтральным.

Первооткрыватели же, маргиналы, – те смотрят на ребенка иначе: вот дремлет бесильное воображение, вот в бесплодной почве пробиваются ростки креативности, и вся проблема заключается в том, чтобы не позволить взрослым ее задушить. Но как? Кто интересуется сознательным и бессознательным первых лет жизни, воображаемым миром этого безнадежного и в то же время многообещающего одиночества? Кто исследует эти галереи, эти колодцы, эти природные источники, подобные подземной вселенной, невидимой, но реальной?

³² Маргинализация – переход в маргинальные, граничащие с асоциальностью, преступностью слои общества; в более широком смысле маргинал – любой, кто не разделяет принятые большинством взгляды. – В. К.

³³ *Les visages de l'enfant dans la littérature française du XIX siècle, esquisse d'une typologie.* Marina Bethlenfalvai, Librairie Droz, Genève, 1979.

³⁴ Жюль Валлес (1832–1885) – французский писатель и журналист, политический деятель. Участник Парижской коммуны. Автор трилогии «Жак Вентра» (автобиографический роман): 1-я часть – «Ребенок» (1879).

Том Соьер и Гекльберри Финн Марка Твена – первые симптомы того, что произошло открытие ребенка как такового, ребенка как человека, пытающегося приобщиться к жизни посредством своего собственного опыта³⁵.

Далее идет Изидор Дюкас. В «Песнях Мальдорора» нелегко расшифровать метафору, но Лотреамон³⁶ подарил нам наиболее сильный документ о субъективности видения ребенка, написанный на французском языке. Однако в его язык не так-то легко войти. В него проникаешь только посредством поэтической интуиции или вооружась методом психоанализа.

Переворот в литературном подходе к ребенку производит автобиографический роман «Мое прекрасное апельсинное дерево» Хосе Мауро де Васконселоса³⁷. Дерево – наперсник пятилетнего мальчика. Это повествование обладает необычайной инстинктивной силой. Удивительно, как взрослый мог вспомнить и выразить все то, что он чувствовал в этом возрасте. Он рассказывает о горестях всей своей воображаемой жизни в ранние годы – этот возраст очень скудно освещен в западной литературе – во время болезни, которая чуть его не унесла. Ему удастся с субъективной точки зрения описать ребенка, которым он тогда был, – со своей собственной субъективной точки зрения, сохраненной в памяти, – а это совсем не то же самое, что субъективная точка зрения взрослого, его собственная писательская субъективность, сегодняшняя, которая прошла через кастрацию³⁸. Только выбрав себе символического отца, он покинул воображаемый мир, одушевленный его деревом (которое представляло символическую жизнь), чтобы примириться с реальным миром. Он разрешает эдипов комплекс³⁹ посредством детской гомосексуальной фиксации на одном чистом и неиспорченном старике, которого он любит как идеального дедушку и который становится поддержкой его эволюции. Старик погибает от несчастного случая в тот момент, когда собирался усыновить мальчика. Так мальчик открывает для себя смерть, и это открытие означает для него конец воображаемого мира, и его вступление через это испытание-посвящение в мир, где все состоит из торговли и борьбы за жизнь. Это испытание разыгрывается по ту сторону морали и социального протеста. Никакого бунта нет. «Мое прекрасное апельсинное дерево» – в литературе произведение маргинальное, задевающее за живое; совершенно нелогичное и поэтическое, не имеющее ничего общего со всеми романами нравов или социально-обличительными, в которых на сцену выведен ребенок. Жить в этом возрасте – значит жить так, как живет герой «Моего прекрасного апельсинного дерева». А жить, как живут взрослые – это нечто совсем другое: это значит смириться со смертью.

В Европе для такого свидетельства не нашлось бы источника вдохновения. Ребенок слишком стиснут рамками разных учреждений. В стране автора ребенок в три года еще не записан в школу, у него есть родители, но он встречается, с кем хочет. Он ведет жизнь маленького дикаря.

³⁵ *Terres de l'enfance. Le mythe de l'enfance dans la littérature contemporaine.* Paris, P.U.F., 1961, par Max Primault, Henri Lhong et Jean Malrieu.

³⁶ Лотреамон (наст. имя и фамилия Изидор Дюкас) (1846–1870) – французский поэт, автор книги стихотворений в прозе «Песни Мальдорора» (1869) и др.

³⁷ Хосе Мауро де Васконселос (1882–1959) – мексиканский писатель, философ и государственный деятель.

³⁸ Кастрация, комплекс кастрации в психоанализе – один из моментов всей совокупности межличностных отношений, где возникает, упорядочивается и обособляется человеческое желание.

³⁹ Эдипов комплекс (З. Фрейд) – неосознаваемое сексуальное влечение мальчика к матери и связанное с ним агрессивное чувство к отцу; у девочек – комплекс Электры (К. Юнг). – В. К.

Мальчик открывает для себя смерть, и это открытие означает для него конец воображаемого мира, и его вступление в мир, где все состоит из торговли и борьбы за жизнь.

В мемуарной литературе, во всяческих воспоминаниях ребенок – это только проекция взрослого. Достигнув отрочества, мы проецируем наше детство на другого индивидуума, у которого нет нашей истории и чьи переживания мы интерпретируем так, как выгодно нашей собственной истории, или, вернее, тому, что остается от нее в сознательном состоянии. В наши первые годы мы отличались от наших позднейших проекций. И мы никогда не смогли бы быть полностью правдивыми в отношении того, что пережили в детстве. Но если мы предаем даже сами себя, как же нам уважать субъективность других детей? Уничтожение другого существа, коль скоро это существо – ребенок, неизбежно. Это составная часть подавления аффектов, присущих этому возрасту.

Принесение магического мира в жертву рациональному – такой же реальный этап, как потеря молочных зубов. Это составная часть кастрации человека. Ребенок воспроизводит жизненный цикл человечества с момента его возникновения: он верит в магические причины, в то время как мы подчиняемся законам науки, которая все объясняет рационально. В языке он остается карликом. Невозможно абстрагировать ребенка от этноса, в котором он родился. Но вот что оказывается новостью для нас, западных людей: к способам коммуникации и к технологии, которые изобретены нашим этносом, ребенок приспосабливается гораздо скорее, чем взрослые, из-за чего и происходит переворот в отношениях дети – родители. Это хорошо видно во время войны: взрослые ее боятся, в то время как дети – не важно, выживут они или погибнут – ныряют в войну с головой, мобилизуя всю свою энергию. Но настает момент, когда больше не можешь жить как прежде; оказавшись в мире обдуманной и предвиденной реальности, начинаешь чувствовать ответственность за другого: теперь человеку приходится осознать законы реальности. И познакомиться со страхом и с опасностью. Ребенок – это личность, которая до поры до времени не сознает ни своей истории, ни опыта перехода от детства с его нетерпеливой беспечностью к отрочеству, когда приходит пора брать ответственность за происходящее на себя. И это – нормально. В сущности, ребенок – тот же сомнамбула, лунатик. Сомнамбула не падает с крыши, но если проснется и поймет, что под ним пустота, представит себе степень опасности, то он испугается и упадет. А взрослые постоянно хотят разбудить ребенка. Не следует будить его слишком рано, и в то же время когда-то это сделать необходимо, потому что он является частью этноса, который все равно рано или поздно его разбудит. Если посвятить, инициировать его преждевременно – он потеряет свой потенциал. И все равно, рано или поздно эта мутация произойдет у каждого человека.

В «Моем прекрасном апельсиновом дереве» самое важное – это встреча: встреча старика и ребенка. Оба переживают вместе нечто общее и могут понять друг друга: у старика уже нет, а у ребенка еще нет сексуальной эротической жизни, и они переживают свою любовь... любовь между тем, кому предстоит умереть, и тем, кто только что явился на свет.

Есть еще одна прекрасная книга, в которой повествуется об истинных отношениях между очень маленьким ребенком и взрослым: «Воскресенья в Виль-д'Авре»⁴⁰. Общество не принимает такой невинности. И тем не менее как важен этот обмен, эта жизнь, которую дарят друг другу со всей чистотой посредством символического общения эти два существа.

⁴⁰ *Les dimanches de Ville-d'Avray*, Bernard Eschassériaux, Ed. Grasset, 1971.

Ребенок – это личность, которая до поры до времени не сознает ни своей истории, ни опыта перехода от детства к отрочеству. И это – нормально. В сущности, ребенок – тот же сомнамбула, лунатик.

Поле детского воображения совершенно несовместимо с полем рациональности, сквозь которую взрослый воспринимает свою ответственность за ребенка. Рассказать о ребенке аутентично⁴¹, без проекции рассказчика, не повторяя различные клише, без ссылок на социальные модели, отрешившись от какой бы то ни было морали, от какой бы то ни было психологии и не пытаясь превратить это в поэзию, – задача, в сущности, непосильная для взрослого.

Тогда, может быть, правдивая литература – это то, что пишут сами дети (как Анна Франк, которая, правда, не описывает свои первые годы жизни)? Следовало бы ее поощрять. Она бы не была похожа на ту литературу, которая пишется, чтобы нравиться детям. Пускай она не заинтересует соседа, может быть, она будет полезна как письменная психотерапия. Этим исполнятся слова святого Павла: «Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил...» (1-е послание коринфянам⁴²).

И все-таки, книга взрослого автора тоже может иметь ценность свидетельства. «Мое прекрасное апельсинное дерево» доказывает, что попытка реконструировать и воссоздать детскую субъективность достигает цели, сохраняя при этом большую литературную ценность. Если бы у нас появилось побольше таких книг, отличающихся от того, что пишут все известные романисты, которые используют свое детство, прикрываясь выдуманным именем героя, чтобы рассказать историю, перефразировать миф или свести счеты с миром в социальном памфлете, разве это не способствовало бы развитию у читателя уважения к детской субъективности? Разве это не помогло бы нам почувствовать, что в первые годы жизни мы проживаем опыт ощущений и воображения, не имеющий ничего общего с тем, что мы проецируем на эти годы позднее? Может быть. Но так или иначе, в нормальную эволюцию каждого индивидуума входит то, что однажды он деформирует и предаст свою собственную субъективность.

Вплоть до XX века ребенок в большей части литературы выступает только как символ врожденной человеческой слабости, и если отношение к нему позитивно, то это падший ангел, а если негативно, то это маленькое чудовище. Воистину он гадкий утенок, и спасти его может только гуманизм. Уже в сказках, легендах, песнях мы находим то злого ребенка, то ребенка-ангела.

Фольклор собирает и хранит все клише, установившиеся за века существования привычек и предрассудков и нужные для того, чтобы отличить мальчиков от девочек. Девочки – имитация женщин, а мальчики – имитация мужчин. И тем и другим указывается, в какую сторону идти, чтобы не сбиться с пути. Ребенок рассматривается как незрелое, низшее существо и при этом ясной границы между мальчиком и девочкой не проводится. Так когда же появляются в литературе персонажи-девочки? До XX века, бесспорно, маленьких героев мужского пола значительно больше, чем женского. В сказках и легендах Красная Шапочка могла бы в крайнем случае оказаться и мальчиком, если не считать того, что ее съел волк, а волк в конечном счете – старый сатир. Но, как мы знаем, маленьким мальчикам сатиры тоже опасны.

⁴¹ Подлинно, без искажений.

⁴² 1-е Кор., 13, 11.

Круг женских персонажей в романтической литературе долгое время был ограничен ролями матери или девушки-невесты, то есть женщины-матери или будущей жены. Для того чтобы девочка по-настоящему вошла в литературу как главное действующее лицо, пришлось, кажется, преодолеть нечто большее, чем инертность, а именно, сопротивление всего общества. Мы понимаем, что ребенок в сказках – или типичный мальчик, или сексуально не дифференцирован, потому что представляет собой эманацию руководимого мужчинами или даже глубоко женоненавистнического общества. Отметим, что большинство романистов – мужчины. Жорж Санд была авангардисткой. «Маленькая Фадетта» – первая во Франции героиня в юбочке. «Примерные девочки» в розовой обложке⁴³ приносят в персонаж эротическую двусмысленность. Софи – внучка Жюстины⁴⁴.

Графиня де Сегюр писала не для взрослых, а для собственных внуков. Она не считала свое творчество литературой. Только теперь все решили, что это литература.

Ее книжки отчасти продолжают линию сказок, мораль которых должна привести ребенка к приятию норм, но в них достаточно отчетливо выражена тема садизма. Впрочем, это наиболее присущая им изначально черта: существует целая воспитательная традиция романа для юношества, преследующего цель указать молодым, в какую сторону идти, научить их жить, дать им код социальной интеграции. Графиня де Сегюр сожалела, что непослушных детей нельзя стегать до крови. Как иначе истолковать ее слова: «Надо, чтобы наказание внушало ужас»?

Тэсс Томаса Гарди⁴⁵ – это персонаж-предупреждение, мученица бунта второго пола. Совсем маленькую, 11-ти лет, ее отдают в услужение в замок. В 15 лет ее, можно сказать, насилует сын владельца замка. Она уезжает, у нее ребенок. Она выходит замуж. Но она никогда не забудет человека, который взял ее силой и сломал. В конце концов она яростно уничтожит его. Эта женщина-бунтарка – нечто новое в литературе конца XIX века. Но она идет на бунт, лишь достигнув зрелости. В детстве она – жертва общества. Это классовый женский бунт, а не сексистский бунт внутри класса буржуазии, как у Симоны де Бовуар.

Ребенок как жертва общества – это концепция XIX века. В конце нашего века тема женщина – ребенок, разрабатываемая мужчиной, принимает другой оборот и отвлекается от настоящего вопроса – изучения тайного воображаемого в ребенке до десятого года жизни. Неужели литература неизбежно обречена заново сочинять нашу юность, выдумывать такое детство, которого не бывает на самом деле, или обслуживать идеологию, насаждая образцы для подражания? Неужели литература, так хорошо освещающая переход к взрослой жизни, всегда пасует перед запечатлением детства? Если это так, тогда она – главный инструмент подавления, идеологической обработки, удушения художественного чутья, поскольку сам писатель бессознательно поддается мимикрии, которую общество развивает у «хороших учеников» больше, чем креативность.

Неужели литература не в силах ничего сообщить о субъективности первых годов жизни, не в силах призвать к большему уважению к человеку, находящемуся в состоянии наибольшей хрупкости?

Поэзия Лотреамона и Рембо остается в письменном плане тем же, чем в устном вот уже полвека остается детский психоанализ.

⁴³ Имеется в виду повесть графини де Сегюр «Примерные девочки» (1858), в которой действует героиня по имени Софи, упоминаемая далее Ф. Дольто (Перев. на рус. яз. – Одесса: Два слона, 1994). Романы, повести и сказки гр. де Сегюр (урожд. Софьи Ростопчиной), издававшиеся во Франции в т. н. «Розовой библиотеке», имели обложку розового цвета.

⁴⁴ Жюстина – персонаж романа Д. – А. – Ф. де Сада (маркиза де Сада) «Жюстина, или Несчастья добродетели» (1791).

⁴⁵ Имеется в виду героиня романа Томаса Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» (1891).

Кто в наши дни не делится своими детскими воспоминаниями! В современной французской литературе этот нарциссизм⁴⁶ значительно сужает вселенную романа, и для того чтобы обнаружить более эпические, более космические сюжеты, приходится читать иностранные книги. Мишель Турнье добросовестно пытается вернуться к великим мифам⁴⁷, но в общем сегодняшний французский роман черпает вдохновение в детстве, которое пережил или не пережил его автор.

Возможно, это дело рук психоанализа, входящего сегодня в культуру интеллектуалов. Они более чем когда-либо догадываются о том, как важны их первоначальные впечатления.

Эта «колыбель» воображаемого, возвышающаяся в кабинетах наших современных романистов и романисток, означает лишь все более и более значительное место, которое общество шестидесятых годов отводит проблемам детства. Мода, культ?

Ребенок еще остается в плену всех символов, носителем которых является: взрослый проецирует на него все свои мечты и видит в детстве утраченный золотой век.

Если культ детства, то давно ли он появился в нашем западном обществе? Не думаю, что мы вправе говорить о культе ребенка в современном понимании (скажем, американском), хотя бы даже в первой половине XX века: скорее, ребенок изображается в качестве совершенно особого персонажа, но тем не менее он окружен ореолом символов. На этом основании мы не можем утверждать, что ребенка воспринимают как такового, изучают ради него самого, с позиции нейтралитета, и что его показывают таким, каков он есть, без поэтико-мифологического хлама. Он еще остается в плену всех символов, носителем которых является: взрослый проецирует на него все свои мечты и видит в детстве утраченный золотой век. Но даже сегодня можно ли говорить о культе ребенка? Трудно утверждать, что права ребенка как личности надежно защищены. В этом «культе ребенка» тоже есть нечто весьма мифическое. Из того очевидного факта, что ему отведено сегодня весьма значительное место, еще не следует, что представления о ребенке стали точнее. Мне кажется, что понятия о ребенке по-прежнему остаются в зависимости от культурного и мифологического наследия.

Если бы позиция взрослого (как мужчины, так и женщины) в отношении детей изменилась, может быть, оздоровились бы и супружеские отношения.

Ребенок с большой буквы не существует точно так же, как Женщина с большой буквы. Это абстрактные понятия, маскирующие индивидуальность. И анализ, произведенный с этих позиций, делает очевидной параллель, просматривающуюся между отношениями ребенок – общество и мужчина – женщина, свидетельствующую об общем источнике всех невротизмов. Подобно тому, как родители проецируют на детей те явления в окружающем мире, которые они отвергают, или то, чего не находят в себе и хотели бы обнаружить, – точно так же мужчина проецирует на женщину свои фантазии, несбывшиеся надежды, недовольство жизнью. Женщина-мать делает то же самое, опекая спутника жизни, ищущего защиты у нее под крылом. Супружеские пары сползают в инфантилизм. Если бы позиция взрослого (как

⁴⁶ Здесь термин «нарциссизм» используется в самом общем смысле: самовлюбленность. – В. К.

⁴⁷ Современный французский писатель Мишель Турнье (р. 1924). Имеется в виду его роман «Гаспар, Мельхиор и Бальтазар» (М.: Радуга, 1993) – модификация мифа о трех царях-волхвах, которых звезда Вифлеема привела к колыбели Христа. Оригинальная версия М. Турнье опирается на сложившуюся иконографию и полученное с детства христианское воспитание.

мужчины, так и женщины) в отношении детей изменилась, может быть, оздоровились бы и супружеские отношения. Сексизму⁴⁸, мнимому соперничеству и психозу отчуждения мужчин наступит конец, когда к личности ребенка начнут относиться с большим уважением, когда ему предоставят автономию, что повлечет за собой большую сексуальную и любовную активность между обоими взрослыми, его родителями.

«Ослиная шкура» и «Голубая планета» (Волшебные сказки а-ля научная фантастика)

Авторы сказок и легенд, те, кто переложил устные предания, идущие от общего фольклорного источника, делали это, похоже, не без задней мысли: помочь юным читателям перейти из состояния детства во взрослую жизнь, приобщить их к изучению риска и средств самозащиты. Бруно Беттельхайм⁴⁹ намечает демаркационную линию между волшебными сказками и мифами. Мифы выводят на сцену идеальных героев, действующих согласно требованиям «сверх-Я», между тем как волшебные сказки отражают интеграцию «Я», разрешающую удовлетворение тех желаний, которые испытывает «Оно»⁵⁰. Эта разница подчеркивает контраст между душераздирающим пессимизмом мифов и фундаментальным оптимизмом волшебных сказок.

Мифы предлагают пример героя, с которым невозможно себя отождествить, потому что это бог или полубог, он совершает невообразимые подвиги, на которые никто из нас не может претендовать. А в волшебных сказках говорится о повседневной жизни; главные персонажи – мальчики, девочки, взрослые, феи и т. д. – часто даже не названы по имени; про них говорят: «один мальчик», «одна девочка», «один пастух». У них нет истории, нет родителей. Это просто люди из неизвестных семей. Не принц такого-то царства, не король такой-то страны. В героях мифов есть нечто, не допускающее подражания. Когда перед вами неприступная гора – это не обнадеживает. Герои мифов играют для ребенка роль подавляющего отца.

Не всех греческих героев постигает, как Прометея или Сизифа, трагический конец. Одиссей возвращается на Итаку. Для очень юных читателей это важно. Если персонаж, с которым он себя отождествил, умирает или обречен на вечную муку, у ребенка, который должен продолжать жить, может появиться искушение отказаться от борьбы. Хеппи-энд необходим ему, чтобы поощрять к усилиям, поддерживать в нем боевой дух.

Как бы то ни было, мифы для юного читателя имеют значение инициации⁵¹: на их материале постигают понятие испытания: если делаешь усилия, то часто, хоть и не всегда, тебе удастся преодолеть испытания, которые неизбежны в жизни.

Я полагаю, что хеппи-энд волшебных сказок дает ребенку образ испытаний, которые, разумеется, далеки от реальности, но позволяют ему на некоторое время отождествить себя с героями, выдерживающими тяжкую борьбу и несмотря ни на что одерживающими верх над препятствиями.

⁴⁸ Сексизм – сексуальная дискриминация женщин; мировоззрение, отводящее женщине роль не партнера, а лишь объекта сексуальной жизни мужчины. – В. К.

⁴⁹ *Psychanalyse des contes de fées*, Bruno Bettelheim (The uses of enchantment). R. Laffont, 1976. P. 39 et 58.

⁵⁰ «Оно» (Id) – по З. Фрейду, это комплекс бессознательных побуждений и влечений, действующих по принципу удовольствия. – В. К.

⁵¹ Здесь: посвящения во взрослую жизнь.

Как бы то ни было, мифы для юного читателя имеют значение инициации: если делаешь усилия, то часто, хоть и не всегда, тебе удастся преодолеть испытания, которые неизбежны в жизни.

До телевизионной эры малыши из поколения в поколение читали или слушали, как им читают волшебные сказки. Теперь смотрят на маленьком экране «научную фантастику».

Я думаю, что происходит замещение. Доказательство: детям нужен хеппи-энд. На днях я смотрела по ТВ войну НЛО и сказала себе: «Но это же в чистом виде эквивалент волшебной сказки: тут есть и мучительное ожидание, и герой, с которым ребенок себя отождествляет; роботы играют роль злых или добрых фей, а сюжет по-прежнему совершенно человеческий». В этом фильме была женщина – так называемая представительница внеземной цивилизации, которая внезапно превращалась в прекрасную девушку, выступавшую вперед из-за спины исчезающего робота. Однако для телезрителей младше пяти лет ничто в этой «научной фантастике» не заменит мальчика и девочку из волшебных сказок.

Бруно Беттельхайм, который не так уж склонен к пассаизму⁵² и вовсе не произносит беспощадного приговора телевидению или кино, все же не видит, чем можно заменить волшебные сказки малышам младше пяти лет. В детских телепередачах еще показывают инсценировки волшебных сказок, но при этом усиливается линия гротеска, буффонады. Ребенок уже не находит там этики, которая поддерживала бы в нем желание отождествлять себя с героем.

Давайте взглянем на волшебные сказки в их социальном контексте. Создавались ли они для детей? Не думаю. Волшебные сказки создавались для ночных посиделок, предназначаясь как детям, так и взрослым. Они были посланием. Получить его могли «все возрасты», но при этом услышать жестокие истины. От Ослиной шкуры дети испытывают потрясение: преследуемая своим инцестуозным отцом, она вынуждена перерядиться в ослицу, чтобы помешать отцу овладеть ею. «Ослиная шкура» – это история девочки, спасающейся от инцестуозных вожделений своего отца. Взрослые понимали это в чисто эротическом смысле, дети тоже. В то же время, здесь же давалось понять, что если мать умирает, дочери опасно оставаться в контакте с отцом.

Большей частью мы смешиваем сказки для детей с теми сказками, которые взрослые рассказывают детям, с теми, которые любят рассказывать детям родители или бабушка с дедушкой.

История Мальчика-с-пальчик, история Ослиной шкуры обнаруживаются в Китае: это архетипы⁵³. Золушка родилась в Тибете. Об этом свидетельствует ладакхский⁵⁴ фольклор, собранный Нгавангом Сёна для тибетских беженцев Старого Дели (Индия): «В глубине долины жил один король. А высоко на склоне горы жила старуха вдвоем с дочерью...» Тема Золушки обозначена. В этой тибетской версии Золушка, обольщенная мачехой, собственными руками убила свою мать: пока та молола ячмень на мельничном жернове, дочь отпустила колесо мельницы и оно раздавило мать. Ее грязная работа и жизнь отцебенки – средство признания вины или заблуждения ее предыдущего существования.

⁵² Пассаизм – привязанность, пристрастие к прошлому при безразличном или отвергающем отношении к настоящему и будущему. – В. К.

⁵³ Архетип – термин, введенный в психоанализ К. Юнгом: система наследуемых бессознательных первичных образов и психических структур, на основе которой строится личность в ее отношениях с миром. – В. К.

⁵⁴ По названию горного хребта в Гималаях (Ладакх).

Все это истории эволюции ребенка, испытывающего трудности по отношению к взрослым, космосу, природе, реальности. Изобразить ребенка в соотношении с великаном вовсе не значит показать маленькое, незрелое существо; в сущности, это прекрасная метафора перехода, который неминуемо предстоит каждому будущему взрослому: его можно обойти стороной, его можно миновать, не отдавая себе отчета. Но если вы отдадите себе в этом отчет, вам придется это пережить. И даже если текст написан в расчете на взрослого, он возвышает именно ребенка.

Не исключено, что миф преподносит скорее судьбу человека вообще, то есть все то, что встречается на своем пути каждый, между тем как волшебная сказка призвана поддерживать отдельных людей на некоторых определенных стадиях их существования. Мифы, пожалуй, рассказывают о ребенке как личности в его отношениях со всем человечеством, о космическом ребенке перед лицом природных сил, перед лицом того непостижимого, что есть в природе, показывают ребенка в столкновениях с реальностью, которую нам никогда не понять до конца. А волшебная сказка – это скорее изображение исторического и социального ребенка. Но «ребенок» при этом берется – если не считать испорченных, то бишь воспитательных, сказок, – в самом безличном, деперсонализированном виде, и во всей своей целостности.

В мифах никогда не встречаешь больных персонажей; в волшебных сказках то и дело фигурируют больной ребенок, больная мать, раненый отец, страдающие из-за порчи, которую на них напустила колдунья. В мифах персонажи бывают пленниками враждебных сил, но не болеют.

Еще один специфический аспект: мифы часто изображают истоки человеческого рода – в них часто говорится о конфликтах и родственных отношениях между богами. Может быть, в этом и заключена собственная функция мифа – то, чего мы не найдем в обязательном порядке в волшебных сказках... Это обнаруживается у индийцев, во всем Средиземноморье: речь идет о битвах между богами, о детстве богов, об испытаниях богов, о войнах богов, о ненависти, зависти, любви, инцесте между богами. Это – история или предыстория; волшебные же сказки разыгрываются в пространстве воображаемого.

«Жили-были на свете давным-давно...» – так начинаются сказки, мифы же всегда актуальны, это проявление антропоморфизма⁵⁵ вечных космических и теллурических⁵⁶ сил.

В этом смысле можно сказать, что мифы – первые шаги в постижении метафизики и религии, в изучении космического человека и его отношений с внешними силами, напоминание об истоках, тогда как волшебные сказки – скорее первые шаги в подготовке к социальной интеграции. К тому же волшебные сказки, существуя во всем своем многообразии в самых различных странах, живописуя предметы, обстановку, уклад жизни, отражают определенные типы обществ. Но самое поразительное в мифах – это константы: инцесты, проклятия, нарушенные табу: все это недвусмысленно отражено в индийских, греко-римских, африканских мифах. Удивительно, что в мифе о сотворении мира у масаи⁵⁷ обнаруживается смесь христианских, библейских и чисто анимистских⁵⁸ архетипов. Бог создал мужчину и женщину вместе с быком.

Возможно, интереснее было бы поговорить с нашими детьми не об Одиссее и Прометее, а о Луне, о Плутоне, о Марсе, – словом, рассказать им о космическом пространстве.

⁵⁵ Антропоморфизм (от греч. *antropos* – человек и *morphe* – форма) – перенесение присущих человеку свойств и особенностей на внешние силы природы и приписывание их вымышленным мифическим существам (богам, духам и т. д.).

⁵⁶ Теллурические силы (от лат. *Tellus* – Земля) – здесь: энергия, рождающаяся при встрече космических влияний с Землей. – В. К.

⁵⁷ Масаи – народ в Кении и Танзании.

⁵⁸ Анимизм – вера в существование духов, в одушевленность всех предметов, в наличие независимой души у людей, животных, растений.

Может быть, это как раз и есть та литература, которую следовало бы использовать, тем более, что основы ее уже существуют; достаточно просто привлечь побольше легенд, пришедших из Азии, Америки и Африки.

Мишель Турнье с помощью своих «Волхвов»⁵⁹ пытается подхватить традицию, создавая вольный парафраз легенды. Его изобретение – четвертый волхв, который приходит в Вифлеем исключительно для того, чтобы найти новый рецепт лукума: он большой гурман. Такой юмор очень нравится сегодняшним детям.

А еще я полагаю, что волшебные сказки Перро по разным причинам уже не выполняют своего назначения (во-первых, больше нет контекста, необходимого, чтобы их рассказывать, во-вторых, нет больше дедушек и бабушек, которые бы их рассказывали... Да и вообще, мир изменился). Я задаюсь вопросом, не происходит ли взаимовлияния и взаимопроникновения между научной фантастикой, завоеванием космического пространства и великими мифами; может быть, настал тот миг, когда дети могут утолить жажду по планетарным архетипам и напрямую вступить во взаимодействие с великими мифами, причем уже с другим словарем и с другим пространством. Мультфильмы уже подготовили их к этому.

В противоположность волшебным сказкам мультфильмы – это истории без слов, но с красками и звуками. Это язык в действиях (активных и пассивных), в природных или созданных руками человека декорациях, но упрощенных, абстрагированных: это обрамление для истории, в которой герой (не обязательно человек) должен разрешить проблемы жизни, выживания, добрососедства, соперничества, престижа, зависти, недоброжелательства, недоразумений, жестокости, принесения слабого в жертву сильному, – но все эти испытания если и не разрешаются, то компенсируются за счет любви. Мультфильмы пришли на смену историям, которые взрослые рассказывали детям. Герои, карлики и животные позволяют детям младше пяти лет отождествлять себя с ними, а упрощенный текст понятен малышам, у которых словарь еще скуден. Жаль, что рядом отсутствует любимый человек, с кем вместе можно было бы выразить словами пробудившиеся эмоции, которым эта история в картинках сообщает форму отзвуков реального опыта или фантазмов⁶⁰, которые дети представляют себе в моменты одиночества.

Ребенок-сэндвич

Когда я была маленькой, в рекламе отсутствовал образ маленького мальчика: все младенцы были того же пола, что и ангелы. Поди догадайся: дитя на рекламе мыла «Кадум» – мальчик или девочка? На рекламных щитах и в проспектах фигурировал младенец-объект. С тех пор как изобрели фотографию, фотографировать новорожденных принято голенькими, но лежащими на животе. Чтобы никакой пипки и в помине не было. В семейных альбомах маленькие мальчики утопают в крестильных платицах до пят. Эта неразличимость – или эта двусмысленность – сохранилась практически до самой Второй мировой войны.

Первые иллюстрированные объявления, касающиеся младенцев, относятся к выбору няни. Демонстрируются кормилицы. Позже появились первые рекламные объявления о консервированном молоке. О муке для детского питания. «Фосфатин Фальера» изображался в виде огромной супницы, на край которой карабкалась ватага ребятишек. Это был эрзац ангелочков былых времен. Первое изображение девочки в рекламе появляется на картинке, рекламирующей шоколад Менье – маленькая девочка старательно пишет на стене почерком прилежной ученицы, согласно требованиям той эпохи: «Шоколад Менье».

⁵⁹ Имеется в виду роман М. Турнье «Гаспар, Мельхиор и Бальгазар».

⁶⁰ Фантазм – это не мир фантазий и не деятельность воображения в целом; это особый продукт воображения. Подробнее см.: Лаплати Ж., Понталис Ж. – Б. Словарь... С. 551–553.

Этот прецедент – вторжение примерных девочек в рекламу – долго не имел продолжения.

Можно заметить, что начиная с того момента, когда на рекламной картинке становится ясно выражен пол ребенка, и до самых пятидесятых годов в рекламе доминируют мужские изображения. Как будто выбирать сорт или цвет, глядя на рекламу, было делом мужчин – больших или маленьких. Параллельно из семейных альбомов исчезает длинное крестильное платьице, в которое наряжали маленького мальчика, а сам этот мальчик все чаще красуется на стенах домов в качестве образцового дитяти-потребителя, или, вернее, посредника при покупке.

В социологии давно считается банальной истиной, что самых юных зрителей среди всех передач более всего привлекают и удерживают у телевизоров рекламные ролики. После мая 1968-го это культурное «растление малолетних» вызвало всплеск негодования: «Какой позор! Ребенка принимают за потребителя». Так оно и есть, но заинтересованное лицо реагирует совсем не пассивно. Ребенка не проведешь, он сохраняет критическое отношение к увиденному: смеется, только если шутка его рассмешила, а запоминает только рекламные лозунги, в которых его ухо ласкают игра слов, забавная абракадабра, да рифмы. Реклама играет с языком, изобретает комические эффекты. Повседневность давит на людей, лица взрослых искажают озабоченность и усталость. Веселые люди становятся редкостью, и игра слов, в свое время так забавлявшая школьников, замещается ономатопеями⁶¹ комиксов. Рекламные ролики снимают драматизм с ежедневно чередующихся «метро – работа – кровать» и помогают ребенку при помощи смеха и веселья освободиться от многих конфликтных ситуаций.

Не исключено, что язык рекламы своими зрительными и словесными трюками развивает в ребенке способность к критике в большей степени, чем школа. Он может сказать: если я буду выбирать, то выберу самостоятельно, а не так, как мальчик на экране.

Не исключено, что язык рекламы своими зрительными и словесными трюками развивает в ребенке способность к критике в большей степени, чем школа. Он может сказать: если я буду выбирать, то выберу самостоятельно, а не так, как мальчик на экране. Отныне общество признает за ним право выбора.

Девочка с шоколада Менье была авангардом века масс-медиа. Она заглянула на пол-века вперед и предрекла, что ребенок моложе десяти лет станет играть роль телезвезды для миллионов. Это завоевание осуществлялось поэтапно: сначала наступило торжество пары мать – дитя, затем ее сменила семья-ячейка, сияющая от счастья благодаря товару такой-то и такой-то марки, мускулистого холостяка сменил папа-наседка, а затем реклама усадила на трон уже одного маленького принца. «Дитя-сэндвич!» – возопили рекламофобы. Но, в сущности, место, которое ему отвели, скорее его возвышает. Отныне общество признает за ним право выбора. Он входит в число тех, кто принимает решения о покупках. Его изображаютмышленым, находчивым, умелым, он обладает хорошим вкусом и легко его выказывает. Стереотипные представления о ребенке-«наказании» изгоняются. Эксплуатация ребенка в средствах массовой информации – мнимый процесс.

⁶¹ Ономатопея – звукоподражание. – В. К.

4 глава Заточение

Пространство ребенка

Насколько изменилось пространство, в котором эволюционирует ребенок? В наше время оно более замкнуто, чем в эпоху Средневековья, вследствие разделения социальной и семейной сфер. В XIX веке и вплоть до середины XX заточение оставалось уделом мальчиков из среды зажиточных семей, из мелкой и средней буржуазии. Сегодня даже величайшая мобильность семей почти не размыкает этого чересчур охраняемого пространства, потому что детей перевозят от дверей до дверей; самые дальние перемещения по каждодневным делам происходят все быстрее и быстрее, поэтому пройденная дистанция становится как бы нереальной, не происходит ни малейшего контакта с обитателями тех мест, которые остались за спиной.

Откуда взялось представление о буржуазном доме, где живут взаперти, замыкаясь в себе? Чтобы это понять, нужно обратиться к эпохе феодализма, когда коллективную безопасность обеспечивал сеньор, князь.

Иметь стены, за которыми можно окопаться, запасы, позволяющие выдержать осаду, оружие, чтобы защищаться, – это была прерогатива господина: ему платили налоги, а взамен получали защиту. По примеру властителей целого региона более мелкие хозяева хотели создать такой же уклад, хоть и в уменьшенном виде. Дом – это замок в миниатюре, внутри него все могут чувствовать себя в безопасности. Постепенно в буржуазном доме появляются отдельные комнаты для его обитателей, «как в замке».

Образ владельца замка пробуждал в других людях желание модифицировать внутреннюю архитектуру, оградив целостность жизни от внешнего мира. Но, возможно, в деревне это сказывалось еще заметнее, чем в городе. Города были обнесены стенами, большие ворота которых запирались на ночь; вдоль стен патрулировала оплачиваемая стража, обеспечивавшая защиту людей; в эпоху Возрождения частные богатства распределялись уже между более многочисленными владельцами, чем в начале Средневековья.

Приватизация пространства – феномен нового времени, хотя уже с XV века, в частности, в итальянских палаццо и даже в домах нотаблей⁶² архитекторы отводили больше комнат для жизни узкого круга семьи. Тем не менее внутренние дворы, открытые лоджии по-прежнему доступны для толп посетителей. Всегда остается общедоступное место, где перемешиваются все классы, где ребенок эволюционирует и очень быстро приобретает огромный опыт социальных отношений.

В интерьерах жилища ремесленников и крестьян роль общей комнаты надолго остается преобладающей. Не следует забывать, что социализация пространства имеет и практический смысл. Понятно, что в деревне пространство будет приватизировано значительно позже, поскольку техника проникнет в деревенские дома на век позже, чем в городские.

⁶² Нотабль – во Франции XIV–XVIII вв. представитель высшего духовенства, придворного дворянства и городских верхов – член созывавшегося королем собрания – собрания нотаблей.

Тепло от очага, человеческое тепло: долгое время очаг был единственным источником тепла, который вечерними часами собирал взрослых и детей в холодном доме. Работали и отдыхали в одном и том же помещении. Техника положила конец семейной скученности. Но одновременно она изгнала общительность. Как только появилась возможность отапливать несколько комнат, детей стали помещать отдельно от родителей.

Ребенку привить настоящий иммунитет против опасностей, угрожающих его психической целостности, может только опыт риска.

Приватизация пространства сопровождается эволюцией семейной жизни. Если ребенок справится с болезнями первых лет жизни, он должен прежде всего служить защите интересов родительского дома и сохранять родительское достояние. В период Средневековья семилетних детей считают уже почти взрослыми; им полагается уже сейчас приносить пользу обществу, то есть своей социальной группе, корпорации своего отца, а не только семье. В XIX веке семья менее склонна – не считая разве что самых ранних лет жизни ребенка – вверять его внешнему миру, едва он достигнет того возраста, когда может послужить родительскому дому, и не спешит отдавать его «в люди» с семи лет. Его оставляют дома.

Тем самым жизненное пространство ребенка сокращается, и если он и выигрывает в смысле более тесного общения с родителями, которые уделяют ему больше внимания и больше заботятся о его здоровье, то значительно теряет при этом в смысле автономии, контактов с другими людьми.

Защита, которую дает ребенку это заточение внутри буржуазного дома, иллюзорна, потому что привить ему настоящий иммунитет против опасностей, угрожающих его психической целостности, может только опыт риска.

4000 лет школьной комедии

«Школьник, куда ты пошел с самого нежного возраста? – Я пошел в школу. – Что ты делал в школе? – Рассказывал то, что записано на моей табличке для письма, завтракал, приготовил новую табличку, написал на ней урок, дописал до конца; потом мне задали учить наизусть, а после обеда дали задание по письму. После уроков я пошел домой, вошел в дом, там сидел отец. Я рассказал отцу про упражнение по письму и рассказал ему выученный урок, и отец был очень доволен... Когда я проснулся рано утром, я повернулся к матери и сказал: «Дай мне поесть, мне надо идти в школу». Мать дала мне два хлебца, и я отправился. В школе дежурный мне сказал: «Почему ты опоздал?» Я испугался, сердце у меня забилося, я вышел вперед, стал перед учителем и почтительно ему поклонился. Он побранил меня за опоздание. Потом он наказал меня за то, что я встал во время урока... Я показал ему мою табличку, и он сказал: «У тебя плохой почерк». Меня опять наказали плетью. Школьник сказал отцу: «Пригласи в дом учителя». Отец прислушался к тому, что сказал школьник. Пригласили школьного учителя, и, когда он вошел в дом, его усадили на почетное место. Ученик стал прислуживать ему, и окружил его заботами, и при отце продемонстрировал все свои успехи в письме. Отец налил учителю вина, одел его в новое платье, подарил ему подарок, надел ему на палец кольцо. Учитель сказал ученику: «Молодой человек, поскольку вы не пренебрегли моими словами и не прекословили мне, вы смогли достичь вершин в искусстве переписчика, вы вполне способны этого добиться... вы можете

руководить вашими братьями, начальствовать над вашими друзьями: вы достигнете самого высокого положения среди школьников... Вы хорошо выполняли ваши школьные задания, и вот вы стали ученым человеком».

(Реконструкция текста на шумерских письменных табличках, проведенная наиболее выдающимися ассириологами и опубликованная в «Journal of the American Oriental Society».)

Чем больше становилось школ, тем окончательнее ребенок превращался в узника. «Это вина Карла Великого». И это не просто легенда. Все началось в его царствование. В первых монастырских школах взрослые ходили на уроки вместе с детьми и слушали церковнослужителей. Но в конце Средневековья на Западе возникает прообраз современных циклов обучения: ученики группируются в классы по возрастам, а не смешиваются с теми, кто старше или младше, сообразуясь только с изучаемыми предметами и уровнем подготовки⁶³.

Дольше других заточения в школе избегали самые богатые. Сыновья сеньоров продолжали изучать военное искусство, они пользовались всеми социальными контактами, которые предоставляла им жизнь, открытая внешнему миру; существовала солидарность касты, но возрастной и классовой сегрегации не было: они участвовали в играх и состязаниях бок о бок с простонародьем. В школах хорошими учениками были бедняки, а плохими – богачи. Потому что те, кто с рождения обладали средствами политической власти, менее прилежно слушали клириков, наделявших властью интеллектуальной. Богачи посвящали себя жизни воинов. Сыновья простых людей приучались к усидчивости: это могло помочь их продвижению. Их в первую очередь выделяли преподаватели, желавшие превратить свои школы в питомники клириков. Книжное знание, эрудиция были далеки от рыцарства. Здесь можно усмотреть те дрожжи, на которых всходит революция. Потому что именно этим путем политическая власть переходит в другие руки.

То, что происходило в Галлии и в средневековой Франции, имело место и в черной Африке в XIX и XX веках. В наших бывших колониях первые дети, охваченные школьным образованием, были гриоты⁶⁴, дети самых бедных, незаконнорожденные, у которых не было никакого будущего. Сыновья знатных людей, признанных вождей не испытывали потребности повысить свою значимость с помощью школы, чтобы быть признанными обществом. Им достаточно было престижа имени и власти, принадлежавшей их касте. А для обездоленных единственным шансом социального роста было согласие получить образование, которое давали черным детям французские оккупанты. Чернокожие ученики, обучавшиеся в школах, где преподавание велось на французском языке, стали хозяевами страны. Эта школьная сегрегация, отодвинувшая старую элиту, обладавшую наследственным правом, легла в основу настоящей социальной революции во франкоязычной черной Африке. Как в средневековой Франции.

Открытие школ, где преподавали клирики, было для церкви средством подсчитать свои стада, взять в руки овечек с самого детства. В самом деле, клирики принимали только тех учеников, которые носили христианские имена, данные при крещении. На то имелись внутренние политические причины: как контролировать прилежание, если нельзя звать каждого ученика по имени? Вплоть до империи Каролингов детей не спешили крестить: достаточно посмотреть на купели, которые были размером чуть не с ванну. Они предназначались явно не для новорожденных, а для детей, которые уже успели подрасти.

⁶³ *Huit siècles de violence au quartier Latin*. André Coutin, 1969. Editions Stock.

⁶⁴ Гриот – поэт, музыкант и колдун в Западной Африке. – *Примеч. пер.*

Но как только церковь убедила французов в том, что детям необходимо давать образование, посылать их в школу, церковные книги стали заполняться и люди перестали тянуть с крестинами.

Отголоски этого явления, берущего свое начало на средневековом Западе, мы наблюдаем в колониях, в странах, куда христианство было принесено католическими миссиями. И сегодня в Бразилии родители не могут отдать в школу ребенка, если он не вписан в книгу актов гражданского состояния. Те, кто не регистрирует рождение ребенка, подлежат штрафу. Чем позже был записан ребенок, тем строже наказание. И вот родители, чтобы поменьше платить, указывают возраст ребенка меньше, чем он есть на самом деле, и ребенка, который мог бы уже ходить в четвертый или пятый класс, отдают в первый. Руководители школ, довольные, что у них есть ученики, смотрят только на возраст, указанный в документах. Эти махинации приводили к самым плачевным ошибкам в диагностике. Врачи констатировали преждевременное половое созревание. Например, пубертатный период у восьмилетнего мальчика. Таких детей лечили эндокринными препаратами, не установив, что родители снизили их возраст на пять лет, чтобы заплатить штраф поменьше.

Географическое отдаление богатых и бедных детей в европейских городах относится к XIX веку.

В Средневековье демонстрация богатства представляла собой спектакль. Богатый без раздумий приходил в приюты для бедняков или в убогие лачуги в пышном одеянии. На улице и в общественных местах происходило смешение общественных классов. Сегрегация не делила город на красивые кварталы и гетто, где ютилась нищета. Все жили в одинаково нездоровых условиях, происходило постоянное перемешивание населения Европы. Иностранный студент из знатной семьи приезжал в Париж со слугой или с молочным братом и, поскольку общежитий не было, снимал жилье у обитателей Латинского квартала, не ища дома, подобающего его сословию⁶⁵.

Кого не могли содержать родители, тех принимали как собственных детей клирики, обреченные на безбрачие. Учащиеся жили у них во время учения. За это они должны были впоследствии пополнить собой число служителей церкви. Только во второй половине XVIII века богатые начали замыкаться в отдельных кварталах и отделяться от трудового населения. Кто бы сказал до XIX века: «Пойдем в трущобы якшаться с простонародьем»? Буржуазия без конца соприкасалась с населением Парижа.

Покуда церковники за счет выходцев из бедноты становились все многочисленнее, дворянство пристраивало юношей, как того требовал обычай.

Сыновья высокопоставленных лиц с семи до четырнадцати лет отправлялись на службу к другим знатым людям, чтобы позже тоже стать сеньорами, господами, которым будут служить другие. Здравая идея состояла в том, что для того, чтобы научиться принимать услуги других, надо сперва научиться служить самому.

Бедные дети, отданные в услужение, могли остаться на службе у господина и после четырнадцати лет, а могли и перейти к другим хозяевам. Но они тоже пользовались годами учения. С восьми лет они помогали во всем, что относилось к практической жизни, детям хозяев, которые были младше их, и, подрастая, учились тому же, что их юные господа. Когда слуга прислуживал за едой, господин рассказывал ему, что узнал сам, и, если слуга был понятлив, учил его. Слуга слушал, как учится хозяин, и сам тоже учился. У девушек все было по-другому: они помогали на кухне или в бельевой и учились только домоводству. В пятнадцать лет их выдавали замуж. Девушки, разлученные с семьей, получали образование

⁶⁵ Id., ouvrage cité. *Huit siècles de violence au quartier Latin*.

только в том случае, если им предстояло постричься в монахини; тогда они становились питомицами пансионеров.

Церковь немало содействовала тому, чтобы детям приписывались все грехи в мире, и поддерживала идею, что дети должны внушать подозрения уже в силу своей уязвимости: они поддаются влиянию злых духов. Церковь учила и провозглашала, что даже крещение не избавляет от бремени первородного греха. Ребенок рождается отмеченным. Он отмечен неуклюжестью, неловкостью, слабостью. Он достоин недоверия, а то и презрения. И поскольку он таков, каков он есть, его надлежит полностью переделать, полностью перекроить, чтобы ускользнуть от влияния зловредных сил, которые охотно избирают своим вместилищем эту легкодоступную жертву.

Первое причастие – это ритуал перехода. До этой инициации почти во всех слоях общества – и так до самой Второй мировой войны – дети за столом не разговаривали в присутствии отца, если их не спрашивали. Они не имели права говорить, пока им не предложат. Они могли только слушать других. Это были остаточные явления религиозного воспитания их предков, и только с того момента, как дети были допущены ко вкушению святых даров, им разрешалось разговаривать во время обычных трапез за родительским столом. До первого причастия в них не было жизни духа. В 1914 году, когда мне было пять с половиной лет, в нашей семье все происходило именно так. В среде «благовоспитанных детей» это продолжалось до 1939 года.

Почитание отца было уделом не только буржуазных семей. Даже в крестьянских домах дети обращались к отцу на «вы». И только в шестидесятые годы происходит разрыв с прошлым – теперь ребенок может за столом перебить старшего и выразить свое несогласие. В семьях ремесленников и рабочих все происходит по-другому – подмастерье, даже если ему еще нет десяти, ест за одним столом с мастером. В сущности, больше всего условий для развития сообразительности и изучения жизни было у детей, принадлежавших к низам социальной и экономической структуры.

В буржуазной среде за стол родителей допускали только подростков. Дети и родители ели в разное время. Ребенок ел в обществе «мадмуазели», гувернантки, которая руководила его трапезой, как правило, разделяя ее с питомцами, и была обязана прививать детям хорошие манеры. Сидеть прямо, руки на столе, но только не локти, вилка в левой руке, нож в правой, и держать их надо за самый конец. Никогда не жевать с открытым ртом и так далее.

С этим двойным заточением – домашним и школьным – пространство, отведенное городским детям, все больше и больше сужалось. Да и то, что оставалось, находилось под замком, было обставлено множеством правил и запретов.

По дороге в школу деревенские жители сохраняли известную свободу инициативы, встречали разных людей, придумывали себе ниши и игры. Теперь их всех собирают вместе и лишают контакта с природой и с жизнью взрослых людей. Путь в школу превращается в автобус, везущий от дверей до дверей. Уже нельзя пойти более длинным путем, и не бывает никаких встреч по дороге. Матери приезжают за своими малышами на машине, или их, как заказные бандероли, развозит специальный автобус. Ребенок приравнен к пакету, ему некогда наблюдать, некогда глазеть по сторонам.

Именно в деревнях, где скопление детей не столь велико, удается достичь на уроке большей сосредоточенности. Путь в школу, проделанный пешком, позволяет детям видеть существующий вокруг них мир. Благодаря этому они больше прислушиваются к словам учителя. Они хотят учиться, они больше уважают книги.

На недавней конференции, посвященной неудачам школьного образования, учителя констатировали, что в сельских условиях им легче удастся завладеть вниманием школьников, чем в городских. Они заметили, что именно в деревнях, где скопление детей до сих пор еще не столь велико, им удастся достичь на уроке большей сосредоточенности. Путь в школу, проделанный пешком, позволяет детям видеть существующий вокруг них мир: в этом мире есть и холод, и жара, и ветер, и снег, и дождь; есть земля под ногами, и она твердая, или покрытая грязью, или сухая – не говоря уж о том, что есть еще птицы, звуки и шумы природы, ручьи, животные и т. д. Все это позволяет детям лучше почувствовать суть вещей, например, понять, почему надо надеть такую-то одежду, защищающую от непогоды. Благодаря этому они больше прислушиваются к словам учителя. Они хотят учиться, они больше уважают книги. Городским детям книги покупают родители, поэтому они не очень их ценят. Деревенские дети, когда они приходят в школу, больше устают физически, но умственно остаются восприимчивыми; к тому же они хотят преуспеть в социальном отношении, и поэтому будут работать усерднее.

Между прочим, то же самое происходит с детьми, которые «проходят» материал школьного года за месяц «снежных» классов⁶⁶. Как правило, учителя добиваются великолепных результатов. Вне помещения дети подвергают свое тело разным испытаниям, у них есть пространство, в котором они сами за себя отвечают, а потому, когда они возвращаются в класс, их ум становится восприимчивее, ибо их потребность в движении уже вполне удовлетворена. К тому же им не надо вечером возвращаться к моральному статусу ребенка, выслушивать бесконечные «скажи папе то», «скажи маме это», докладывать каждый вечер, что делали днем. В деревне, где устроены их «снежные» классы, они по-настоящему автономны и не обязаны по вечерам отчитываться в своих поступках перед родителями. Можно подумать, что для родителей нет ничего важнее, как только выслушивать то, что им рассказывают дети. К тому же, их восприятие меняется, в деревне оно не сводится к соображениям безопасности. Конечно, детям приходится обращать внимание на лыжную, ухаживать за инвентарем, слушать тренера, зато исчезают всяческие «ты можешь встретить садиста, который предложит тебе конфетку», «товарищи могут уговорить тебя поиграть на игровых автоматах». Нет запретов типа «несовершеннолетним нельзя то, нельзя это», «ты можешь попасть под машину»... Городское пространство полно запретов, так как оно полно соблазнов, которым ребенок не может последовать – ведь у него нет денег, а потому он отдан на милость любого, кто подарит ему игрушку, если он остановился перед витриной, полной предполагаемых опасностей.

В деревне во время «снежных» классов тоже, конечно, существуют известные ограничения и запреты, но они распространяются и на взрослых: например, надо правильно вести себя на лыжне.

По мнению многих учителей, в «снежных» классах результаты учения лучше главным образом за счет того, что дети отделены от родителей, которые постоянно нарушают порядок детской жизни, между тем как в классах этот порядок структурирован... Но я не думаю, что это единственное объяснение. По-моему, дело в том, что привольная жизнь, самовыражение, интенсивная физическая активность помогают ребенку преодолеть последствия заточения. После больших физических усилий, крика, смеха, переживаний ребенку легче сосредоточиться. Преподаватели сказали мне: «За этот месяц ребенок проходит материал целого учебного года».

⁶⁶ «Снежные» (аналогично – «морские») классы организуются в рамках экспериментальных «открытых школ». Поначалу замыслились как мера по борьбе с последствиями перегрузки учащихся. Подробнее см.: *Джуринский А. Н.* Школа Франции... С. 40–45.

Дети вновь обретают воображаемое пространство, требующееся их телу; вот они видят гору: «Я заберусь на самый верх!» Они отождествляют себя с другими людьми; они вновь обретают право на свое воображаемое детское время, не такое, как у родителей. Разумеется, они обязаны посещать и занятия по лыжам, и школьные уроки. Но для их тела это не обязательная дисциплина, а игра, удовольствие. И даже школа становится для них удовольствием. Само обучение приносит им радость. Мобилизуется все – и потребность в движении, и воображение, и жажда успеха. То, что ребенок овладевает лыжами, возвышает его в собственных глазах и в глазах товарищей.

Если полицейский замечает ребенка, который бродит один по улицам во внешкольные часы, он имеет основания с ним заговорить, узнать, где он живет, и предложить ему вернуться домой. И если выяснится, что ребенок предоставлен сам себе, этим могут заинтересоваться органы социальной защиты. Во Франции не существует полицейских ограничений в передвижении по улицам, но фактически представитель правопорядка может ограничить свободу передвижения во имя защиты несовершеннолетних. К тому же страховые компании могут отказать в страховании от несчастного случая, если школьник отклоняется от маршрута, которому должен следовать по дороге в школу и из школы. В результате официальные опекуны ребенка или провожают его, или следят за ним по часам и тем самым заставляют ученика ходить в соответствующее время прямо в школу и из школы, не отклоняясь от заданного пути. Такого закона нет, но если страховка на ребенка не предусматривает более широких условий, то она становится решающим аргументом, призванным ввести ребенка в рамки и удержать его от одиноких прогулок.

Мой муж испытал на себе такие ограничения в передвижениях для школьников в России до войны 1914 года. Когда люди встречали ребенка на улице в неположенное время, его спрашивали, что он здесь делает, и отводили домой. Закон запрещал детям ходить куда вздумается после школы, а городская полиция при содействии жителей города следила за его соблюдением. Детям разрешалось ходить только в школу и из школы. И это правило не было введено на период беспорядков, а действовало постоянно. В наше время такая мера свидетельствует о чрезмерном надзоре за воспитанниками. А в России в те времена все считали это нормальным. Чтобы нарушить это правило, приходилось переодеваться и обзаводиться сообщниками. В шестнадцать лет мой муж, который был уже в выпускном классе, захотел пойти в театр, чтобы посмотреть на жену своего учителя, актрису, в которую он был влюблен. Мать разрешила ему наклеить фальшивые усы и надеть пальто и шляпу отца. Этот маскарад его и спас. Надзиратели гимназии специально ходили в театр ловить учеников, которые являлись туда контрабандой. А ведь речь шла о выпускниках. К счастью, ученикам этой мужской гимназии помогали и сочувствовали две пожилые женщины-вдовы; они были членами педагогического совета и по мере сил поддерживали общественную жизнь... и лучшие традиции галантности.

По свидетельству инженера одного исследовательского бюро, который ездил в командировку в Заир, полицейские Киншасы, радея о своих доходах, систематически задерживают в течение дня детей, играющих вне дома. Полицейские прекрасно знают их родителей, которые находятся на работе, и вовсе не предполагают, что дети бродяжничают. Возвращаясь вечером домой, родители обычно догадываются, где искать «похищенных» детей: разумеется, в полиции, где их вернут в обмен на звонкую монету. Это своеобразная дань, взимаемая в пользу стражей правопорядка.

То, чем с неуместным рвением занимаются граждане Заира – оставляя в стороне коррупцию – представляет собой карикатуру на деятельность полицейских во Франции: теоретически любой ребенок, который играет вне дома, может быть доставлен в полицейский участок. Если при нем нет денег, ему в любом случае можно вменить бродяжничество. С точки зрения многих почтенных родителей, парижская улица – это гиблое место. Родители мальчика, который поджег коллеж Пайерона, жили в недавно выстроенном муниципальном доме с умеренной квартирной платой на площади полковника Фабьена. Оба работали и воспитывали сына согласно принципу, что тот, кто водит знакомство с дурной компанией, ничего не добьется в жизни. Мать каждое утро твердила: «Возвращайся быстрее, тебя ждет бабушка, и, главное, ни на что не отвлекайся по дороге. И больше на улицу не ходи: это джунгли». Здесь налицо явная конфискация пространства. То небольшое, что остается в распоряжении ребенка, испещрено оговорками: «смотри, чтобы с тобой ничего не случилось», «иди прямо домой, никуда не сворачивай», «повнимательнее выбирай себе друзей», «ни с кем не разговаривай»... Итак, весь день ребенок заперт в школе, и дома он тоже оказывается взаперти. А бывает и наоборот: если семья живет в тесноте, мать сама посылает ребенка на улицу, чтобы дома было тише. Сколько детей в больших городах не знают, куда себя деть после уроков! У одних никого нет дома, другие не слишком-то нужны своим домашним, а у чрезмерно опекаемого ребенка нет ни малейшего желания возвращаться домой сразу после школы.

В общеобразовательных коллежах, вроде коллежа Пайерона, разбитых на секции, с галереями, нависающими одна над другой, во время перемен закрыты не только классы, но и коридоры. Все должны находиться во дворе. Точь-в-точь тюремный двор в часы прогулок заключенных. Дети это чувствуют, им неприятно⁶⁷.

В интернатах спальни на весь день запираются. Дети не могут пойти и взять у себя в шкафу нужную вещь, не могут прилечь на кровать и немного отдохнуть. Это все равно что запрещать хозяину дома входить в собственную спальню до захода солнца. Но разве эта комната не предназначена для того, чтобы человеку было где привести себя в порядок, собраться с новыми силами, если он устал, если у него плохое настроение? Почему это решается взрослым, но не детям, которым это, может быть, еще нужнее?

Вернувшись домой, школьник прилипает к телевизору. И это всех устраивает. Поскольку он загипнотизирован происходящим на экране, он, по крайней мере, никому не мешает. Экран – это окно, которое выходит во внешний мир, лежащий вне того замкнутого пространства, где его держат взаперти. Но эта пасть, извергающая мешанину образов и сведений, может непоправимо травмировать ребенка, которому никто ничего толком не объясняет, потому что всем некогда. Он подвергается массовой бомбардировке, он не производит никакого отбора, а родителям некогда помочь ему в этом.

Это приватизированное пространство – воистину шагреновая кожа. Современное общество мало-помалу изменило и разрушило пространство, в котором дети могут знакомиться со строением своего тела, наблюдать, фантазировать, испытывать опасности и удовольствия. Заточение в четырех стенах лицемерно воспроизводит идею жизни в тюрьме. Неограниченная власть взрослых, с помощью которой они сужают цивилизацию ребенка, есть бессознательный расизм взрослого по отношению к расе детей.

⁶⁷ *Les Cahiers au feu*. André Coutin. Ed. Hallier, 1975. P. 164–165.

Дорога из школы

Дороги летних каникул и даже путь из школы, особенно в сельской местности, давали когда-то шестилетнему ребенку возможность познакомиться с миром за пределами его маленькой территории. Чтобы освоить маршрут, ведущий из места, где он живет, в места новых контактов, ему нужно было, чтобы пейзаж проходил перед его глазами не слишком быстро. Это было возможно, пока он шел пешком или ехал в повозке со скоростью лошадиной рысцы, соизмеримой с возможностями человеческого восприятия, но теперь, когда его везут по шоссе в автомобиле, ребенку приходится проделывать чересчур долгий путь, прежде чем сменяющие друг друга пятна внезапно сложатся для него в кусочек пейзажа и ему удастся связать этот пейзаж с собственными представлениями. А самолет и вовсе делает перемещение нереальным. Путешествие из Парижа в Лион еще имело смысл, когда ехали поездом, причем поезд шел не слишком быстро и останавливался на каждой станции, но теперь, когда мы даже не видим мест, по которым проезжаем, оно становится бессмысленным. Мы больше не чувствуем, что сами меняемся в ритме перемещения, и в результате этих блошинных скачков в пространстве сегодня мы знаем некоторые маленькие участки земной поверхности, не зная ни как они связаны между собой, ни что нас с ними связывает. Для малышей века скоростей отсутствует разница между расстояниями, которые они преодолевают на поверхности планеты, и межпланетным пространством вне нашей галактики. Еще вчера младенца доставляли с места на место в ритме ходьбы, почти так же, как в то время, когда он еще был зародышем. Теперь детей перемещают в пространстве в ритме, совершенно отличном от ритма носившей его матери. Во всех этих перемещениях дети полностью зависят от коллектива или от какого-нибудь учреждения, организации. Когда-то школьник сам изобретал свои маршруты и шел себе по полям. Возвращение из школы не было столь банальным. Сегодня юный телезритель, странствующий в пространстве с помощью воображения, гораздо меньше путешествует на своих двоих.

Еще до того, как Андре Рибо в своей «Утке в сетке» заговорил о «странных иллюминаторах», я называла телеэкраны «странными окошками». Пока телевидение не вторглось в каждый дом, первым странным окошком было для ребенка зеркало, в котором он обнаруживал другого ребенка. Сначала этот «незнакомец» ввергал его в изумление. Но потом ребенок понимал, что это он сам. А потом появилось телевидение, которое привнесло в человеческое жилище полностью деформированных людей: совсем маленьких, то видимых только до пояса, то целую группу. Крошечные человечки суеются на экране, дерутся, иногда для смеха, а иногда и вправду умирают. В результате мир оказывается насыщен странными зрительными образами, которые постепенно становятся настолько привычными, что их бессознательно усваивает каждый ребенок, и незаметно для самого ребенка мир предстает ему «остраненным». Для нас все эти новшества означают прогресс: они подкрепляют нашу память, удовлетворяют любознательность. Мы не родились перед телевизором: прежде чем сесть перед экраном, мы успели получить образование. Вспоминаю моего младшего брата Жака. Когда мы были детьми, у нас не было граммофона, но по вечерам дома мы много музицировали. У Жака была корзинка с откидной крышкой – это был его «проигрыватель». Он делал вид, что ставит пластинку, и принимался петь какую-нибудь оперу. Если «исполнитель» ему не нравился, он говорил: «Месье, дайте слово даме, теперь не ваша очередь!» Он открывал корзинку и разговаривал с певцами и певицами, убежденный, что они сидят там, у него в корзинке. Мама любила «Манон». Реплики Манон он пропускал и исполнял только партию де Грие. В те времена я не занималась изучением детского языка, но именно мой младший брат пробудил во мне интерес к этому. Ему было около трех с половиной лет. В четыре он уже не стал бы так играть, потому что научился пользоваться настоящим проигрывателем. А

теперь? Теперь есть даже телевизоры-игрушки. Я видела мальчика лет четырех-пяти, у которого был деревянный фотоаппарат, очень похожий на настоящий «кодак», на ремешке, чтобы вешать на шею. Этот смысленный мальчик целыми днями кричал: «Щёлк-щёлк, готово!», хотя на его аппарате даже не было кнопки. Он был только с виду как настоящий. А мальчик веселился куда больше, чем если бы у него был настоящий фотоаппарат.

Источник и сточная яма

Когда-то, если у людей накапливалось много такого, что нужно выкинуть, они шли на общественную свалку, но в то же время у каждого был свой персональный сортир, своя куча дерьма; общественных уборных не существовало. Экскременты оставались дома. Зато люди ходили к колодцам, брали воду в источниках. Скорее всего, вокруг таких источников складывалось своеобразное сообщество, поскольку все ходило по воду в одно и то же место. А сточная яма была у каждого своя. Экскременты, которыми животные помечают свою территорию и тому подобное, все дурно пахнущее не становилось общим – на общественную свалку сносили только слишком громоздкие вещи, то, что не нужно и что нельзя сжечь. Теперь все наоборот: образовалось некое ложное подобие сообщества вокруг отбросов, которые собирают у всех и вывозят, а источник воды у каждого свой.

Источник и сточная яма представляют собой своеобразный фундамент, на котором складывается социальная личность с самого рождения. И если у одних и то и другое личное, а у других – общее со всеми, то можно не сомневаться, именно здесь заложены существенные различия. Обучение искусству общежития проходит совсем не одинаково для тех, у кого в доме были свой водопроводный кран и свой клозет, и для тех, у кого этого не было. Быть может, для общества это очень важная перемена – приватизировать одновременно и источник, и сточную яму. Существовали и по-прежнему существуют общественные бани, способствующие созданию сообщества тел, их дезротизации. Такой обычай до сих пор сохраняется в японском обществе с его небольшими общественными ваннами, где может одновременно мыться целая семья.

На Западе говорят «частное» или «публичное», привнося в каждое из понятий дополнительный смысловой оттенок: «частному» соответствует значение целомудрия, «публичному» – бесстыдства. А японцы четыре или пять веков назад изобрели одну очень интересную формулу, примиряющую эти понятия, которые у европейцев всегда считались антагонистическими. Они нашли кажущееся немыслимым равновесие: точно так же как в традиционном доме с раздвижными дверьми нет понятий «внутри» и «снаружи», так нет и непроницаемой перегородки между частным и публичным. Ребенок, таким образом, имел возможность развиваться в куда менее закрытом, куда менее ограниченном пространстве, и одновременно отношение к его телу и к телу других людей было гораздо менее эротичным, но при этом тело оставалось достаточно близким к природе, вполне социализованным и совсем не постыдным: его и не думали скрывать. Опыт японцев достоин изучения.

Безопасность. А зачем?

В обществе, как мне кажется, все делается из подражания власть имущим. Зажиточные буржуа хотят жить – пусть в более скромном масштабе, но как князья. Рабочие хотят жить по образцу зажиточных буржуа. Это не классовая борьба, это идеализация образцов: идеализируется сильный. С одной стороны, то, что демонстрирует сильный, желанно для других, и он этому рад, а с другой – те, кто хочет ему подражать, возлагают на него чувство ответственности: он не пользуется преимуществами своей силы в одиночку, а частично распределяет их среди тех, кто его окружает. И я полагаю, что об этом еще никогда не говорилось

применительно к классовой борьбе: как примириться с противоречием, которое состоит в том, что человек выступает против своего господина, но этот господин является для него образцом и, сам себе обеспечивая безопасность жизни, делится этой безопасностью с другими. Он словно владеет элеватором, а люди могут складывать туда свое зерно, но за это они платят ему налог своим временем и трудом. Вдобавок тем людям, которых сильный отличает, он дает возможность достичь этой безопасности. То же самое происходит и в школьном образовании: некоторых учеников выделяют и назначают им стипендии, чтобы обеспечить безопасность их обучения, а затем, после успешного прохождения конкурсного отбора, им предоставляют государственную должность, тоже надежную и безопасную, – ведь теперь им не надо рисковать, занимаясь свободной профессией или работая у частного предпринимателя, не имеющего отношения к государству.

Безопасность, надежность! Эти слова не сходят с языка у всех родителей, которые приводят к нам детей с нарушениями и не желающих учиться. Все родители – будь то служащие или те, кто хотели бы ими быть, – в ответ на мой вопрос: «А зачем им (их детям) учиться?» – говорят: «Чтобы иметь хорошую работу!»

– Такую же хорошую, как у вас?

– Ну, как вам сказать...

– А вы любите вашу работу?

– Не то что люблю, но она надежная!

Итак, мы желаем для наших детей чего-то надежного. Пусть так. Но ради чего эта надежность и безопасность?.. Если платой за безопасность оказываются отказ от воображения, от креативности, от свободы, то, полагаю, что, хоть безопасность и относится к первоочередным потребностям, ее не должно быть слишком много. Переизбыток безопасности подсекает тягу к риску, которая необходима человеку, чтобы чувствовать себя «живым», «значительным». А тот взрослый, который до такой степени помешан на безопасности, что начисто утратил воображение, – как знать, не был ли он когда-то малышом, которому с первых годов, с первых дней жизни мучительно не доставало этой самой безопасности?

Переизбыток безопасности подсекает тягу к риску, которая необходима человеку, чтобы чувствовать себя «живым», «значительным».

Все мы таковы: малыши, лишенные безопасности, если ее лишены наши родители. Психопсихиатрия показывает, что этот страх распространяется на много поколений: такой-то, думающий только о безопасности, происходит от родителей, которые в детском возрасте сами не получили чувства безопасности от родителей, которые в свою очередь были его лишены. Я думаю, что нужно рассматривать общество на протяжении многих поколений, потому что любое человеческое существо чувствует себя незащищенным, если взрослый не передает ему чувства безопасности. Ребенок выживает только потому, что в самом начале жизни взрослый обеспечивал ему эту безопасность и, главное, разрешил ребенку добывать ее самому ценой опыта. Невозможно самостоятельно добиться безопасности, пока зависишь от других людей. В начале жизни такая зависимость неизбежна, но затем эта зависимость от тех, кто тебя вскормил, если она продолжается, препятствует развитию веры в себя. А ведь дело не только в материальной безопасности ребенка, но еще и в безопасности его родителей, унаследованной ими в свою очередь от их родителей, и я думаю, что она-то и передается ребенку и позволяет ему проявить свой потенциал. Приведу в качестве примера саму себя (что вообще свойственно психопсихиатрикам): почему мне захотелось заниматься медициной? Причиной тому война четырнадцатого года... Вокруг себя я видела множество женщин, сходявших с ума от чувства незащищенности, и множество детей, страдавших от душевных потрясений и социального крушения из-за того, что их отцы пропали без вести или погибли,

а им самим со дня на день будет нечего есть и их матери не имеют никакой профессии. И я, тогда совсем еще маленькая, сказала себе: когда я вырасту, у меня во что бы то ни стало будет профессия. Коль скоро несешь ответственность за своих детей, надо уметь что-то делать, чтобы заработать себе на жизнь, если останешься без мужа... Позже появились органы социального обеспечения, медицинское страхование, пенсии для всех. А кроме того, появилась безработица. И вот теперь у всех есть страхование труда, то есть в случае безработицы всем полагаются пособия и все располагают относительной защищенностью, даже если ничего не делают. Сегодня даже в случае, если отец ушел из семьи, мать получает пособие на детей и т. д. И все эти законы появились потому, что другие люди прошли через то же, что и я; все люди, когда были так же малы, как я, не испытывая на себе, но наблюдавшая такую незащищенность, узнали ее на собственном опыте. После катастрофических наводнений в окрестностях Лиможа в 1982 году страховые компании обязаны заключать договоры о страховании на случай климатических катаклизмов. До этого существовало страхование только от индивидуальных бедствий, но не от всеобщих социальных и природных катастроф. Теперь с этим покончено: страховые компании уже не имеют права уклоняться от такого страхования. Получается, что опыт предыдущего поколения служит следующему, чтобы победить незащищенность, которая слишком дорого обошлась старшим. Чувство незащищенности у малыша возникает не столько оттого, что мать боится, что не сумеет его вырастить, сколько оттого, что она опасается, что в сознательном возрасте, от девяти до двадцати лет, он не сможет реализовать свой потенциал по причине социальной катастрофы или раннего исчезновения отца в обществе, не страхуя его от этой опасности.

Старики заставляют молодых испытывать чувство тревоги, если те должны, как это было когда-то, брать на себя ответственность за них. Такое общество, как наше, сумело с этим справиться. Но беда, если оно зайдет в этом слишком далеко: оно превратит в нахлебников всех своих членов. А это опасно: если человек не рискует, он утрачивает либидо. Между тем, когда молодые люди отправляются путешествовать в одиночку, они часто сталкиваются с непониманием окружающих, которые вопрошают: «К чему вести себя так вызывающе?»

Эта жажда приключений часто живет по ту сторону реальности. Желательно, чтобы она вступала в единоборство с повседневными опасностями, которым подвергаются определенные группы людей, поставленные в неблагоприятные условия. Показателем опыта одной молодой австрийки, которая поселилась среди индейцев ваяпи в Гвиане. Первые месяцы они терпели ее присутствие, но ею самой, казалось, не интересовались. На самом деле ее изучали. Им требовалось время, чтобы ее проверить. Так, она захотела половить рыбу в местной речушке, насадила на крючок червяка и вернулась с пустыми руками. Ваяпи не сказали ей, что рыба в этой речушке травоядная и, чтобы ее поймать, надо насаживать на крючок дикие ягоды. Что же делать, как привлечь их внимание? Показать свою храбрость. Прекрасно умея управляться с лодкой, она привезла с собой байдарку. Однажды утром она спустилась в лодке по порогам, где индейцы плавать не отваживались. Она благополучно миновала все пороги. Индейцы же посмотрели на нее с легким недоумением... Просто потому, что, она, как оказалось, не вызвала у них ни малейшего восхищения своей отвагой. Они сказали ей: «Но ведь ты рисковала без всякой пользы». В лесах Амазонии и без того шла непрерывная борьба за выживание, поэтому индейцам и в голову не приходило совершать лишние подвиги⁶⁸.

⁶⁸ Wayapi, ein Jahr im Djungel Guyanas. Elfie Stejskal, Urac-Pietsch Verlag. Wien, 1981.

Человек должен получать свою долю риска в отношениях с себе подобными и в отношениях с космосом, но, удовлетворяя свою потребность в риске, ему нет необходимости рисковать ради прихоти.

Молодая австрийка прекрасно поняла, что для того, чтобы не оставаться больше вне племени, ей следует идти лишь на тот риск, который необходим для выживания, а не изобретать дополнительные испытания.

В средневековой Европе князь, не выходя из дома, имел возможность удовлетворить и свое любопытство, и свою любознательность: трубадуры, шуты, бродячие торговцы приносили ему вести из внешнего мира и обогащали его все более. Для всех и каждого князь являл собой вершину развития. Подражая ему во всем, люди превратили жилье в собственность; собрав все свое добро, обзаводились обстановкой. Но одновременно с этим они утратили чувство защищенности, достаточной безопасности перед лицом незваных гостей. Если к государю проникал какой-нибудь вор, в доме всегда было человека три-четыре, чтобы выставить его за дверь. Для частного лица это было невозможно... И вот буржуа оказались вынуждены разыгрывать из себя господ, на самом деле ими не являясь, то есть не обогащаясь за счет встреч с внешним миром. Я думаю, что они стали сокращать контакты с посторонними, и именно это создало ту удушливую атмосферу буржуазной жизни XVIII и XIX веков, атмосферу, которая внушала людям все большее недоверие к чужому образу жизни. Примечательно все же, что, искренне желая следовать примеру господина, который широко пользовался своим либидо⁶⁹ и своей сексуальностью, путешествовал, интересовался искусством, принимал художников, артистов, ученых, они, напротив, жили так закрыто, что это вообще мало напоминало жизнь, разве что время от времени они отворяли двери каким-нибудь, к примеру, бродячим торговцам пряностями, которые заглядывали к ним и мимоходом делали ребенка-другого их заброшенным женам.

Социальное заточение, будучи следствием приватизации жилища, процветало в пору открытых границ. И гадкие утята из хороших семей, в которых они чувствовали себя маргиналами, несмотря на все богатства своего либидо, уезжали в колонии, в неведомые страны. Не всем было по душе во имя безопасности все время подавлять в себе свои собственные желания. Эти люди и отправлялись на поиски приключений или, оставшись дома, вступали на стезю правонарушений. В последнем случае от них избавлялись, высылая в Америку или в Гвиану. Преодолевая испытания, рискуя, проявляя изобретательность, они расселялись по свету. Кто были эти правонарушители? Изначально – такие же люди, как и их соседи, просто их либидо задышалось в границах нормы.

Откуда берутся дети-правонарушители или дебилы? Они или получили травму в раннем возрасте, или генетически наделены такими потребностями и желаниями, что их личность не вмещается в установленные рамки. Тогда они и начинают хитрить, обманывать, и от них так или иначе избавляются... или они сами избавляются от рутины и принуждения, отправляясь на поиски приключений. Всегда были войны, на которые можно было пойти наемниками, рискнуть жизнью... Можно было уплыть на корабле в какие-нибудь неведомые страны и т. д. Если бы не было приватизации, не было бы, может быть, и великих путешественников, эмигрантов, уезжавших в Новый Свет... Сегодня мы живем в совсем другом обществе, границы которого закрыты. Куда деваться тем, кому не подходит кодекс обязательной безопасности? Это серьезная проблема, и именно по этой причине люди стараются поменьше рожать. Они упираются в этот барьер. Говорят: «Ох, нет... с кучей ребятишек нас ждет чертовски необеспеченное, ненадежное существование». На самом деле все не так: чем больше детей, тем больше способов переменить жизнь открылось бы перед ними. Именно это могло бы изменить общество.

⁶⁹ Здесь: влечением к жизни.

Государства замкнуты в самих себе, колониальной экспансии больше нет; иностранный легион уже не тот, что раньше, каторга упразднена, тюрьмы переполнены, и люди справедливо опасаются как строить новые тюрьмы, так и отпереть те, что перенаселены. Даже те, которые уже есть, содержат очень неохотно: заключенные обходятся недешево.

Положение безысходно; чистилища тоже больше нет, поскольку никого не посылают в ад; вот почему закрытые общества взрывоопасны. Те, кто не соглашается стать послушной копией, уже не могут вырваться на простор, и отовсюду изгнанные маргиналы предаются озлобленному ничегонеделанию. Именно поэтому люди сейчас в планетарном масштабе регрессируют в сторону мальтузианского⁷⁰ мышления. Следствие этого – ограничение рождаемости и усиленное сведение к норме тех, кому удастся родиться и кто собирается родиться. От них всё настоятельнее требуют, чтобы они подчинились общему кодексу.

Когда-то существовала солидарность «касты». Это было, так сказать, единение братьев по ремеслу, к какому бы классу они ни принадлежали. Так братались на войне рядовые и офицеры. В настоящее время эта потребность в единоклубии сместилась. Люди обретают ее только в требованиях, сообщая добываясь права на удовлетворение общих потребностей и желаний. Таким образом, маргиналы остаются сегодня без поддержки: переводятся помогавшие им реализовывать либидо через музыку, живопись, путешествия, экспедиции меценаты – могущественные покровители артистов, изобретателей... И эта ощутимая потеря несомненно вредит культуре. Либидо, вовлеченное в творчество, в искусство, невозможно подчинить закону большинства, жаждущего не новизны, а стандарта... Стало быть, массе не дано поддержать творца, создающего нечто новое. Почему это делали меценаты? Вероятно, их либидо влекло их не только к защите собственных исключительных прав; они были скованы обстоятельствами, но тем не менее и им были не чужды занятия искусствами или страсть к путешествиям, и они платили людям, которые были способны делать это вместо них и от их имени, будучи не в состоянии зарабатывать себе на жизнь самостоятельно и пользоваться авторитетом без княжеского покровительства. Меценатство давало возможность реализовать стремление идентифицировать себя с художниками, по крайней мере, позволяло быть с ними рядом и иметь доступ в другой мир – мир духа. В большинстве же своем класс буржуазии желал причастности к этому миру лишь в силу обладания реальной властью. Богатые знали, что им нечего желать, кроме воображаемого. А простой люд, стремясь «причаститься», хотя бы через те крохи внимания, какие выпадали на его долю «сверху», прислуживая богачам, ощущал собственную значимость.

Иметь хорошего хозяина и быть хорошим слугой было делом профессиональной чести. Слуги гордились своей ливреей.

Несправедливо было бы утверждать, что такое положение было для всех уничительно и невыносимо: прежде всего, это зависело от хозяина, а также, разумеется, и от индивидуальных побуждений; некоторым людям это, в сущности, нравилось. К тому же, сменить можно было хозяина, но не сословную принадлежность. Слуги хотели гордиться своим господином, своим домом и входить в члены семьи.

Помню, в детстве, когда я проводила каникулы в Довиле, хозяйских шоферов, которые отвозили машины на стоянки, выкликали по громкоговорителю. Шоферов звали по именам их господ, например: Ротшильд... Ларошфуко! Кто служил в таких семьях, принадлежал к их Дому. Этим гордились. Но последние полвека узаконили мнение, что работа прислуги – социальный позор; при этом забылась средневековая традиция отдавать юношей из богатых семей в учение. Люди посылали своих сыновей к другому сеньору.

⁷⁰ Мальтузианство – теория Т. – Р. Мальтуса (1766–1834), согласно которой перенаселение подрывает ресурсы средств существования человечества. – В. К.

До XIX века богатые фермеры отдавали своих сыновей с двенадцати до шестнадцати лет в услужение к другим фермерам. В Нормандии, например, носильные вещи припасали сыну на три года вперед и складывали в так называемый шкаф слуги – огромный сундук, разделенный на две части: с одной стороны вешалки, а с другой – полки для сложенной одежды и нижняя полка для обуви. На шкафу было выгравировано имя юноши: Жан-Мари... Лоик, и т. д. Этот сундук погружали на телегу и отвозили сына, наряженного в праздничное платье, в учение. Наиболее уважаемые люди отправляли сыновей к равным себе. Взамен принимали как равного сына другого фермера. Часто слуга женился на дочери своего хозяина. Юноша уезжал к людям, равным ему по положению, чтобы изучить ремесло, которым позже будет заниматься в доме собственного отца. В Шаранте «стажер» привозил с собой шкаф, который назывался «стоящий человек». «Стоящий человек» выше, чем нормандский «шкаф слуги»: примерно 1 метр 70 сантиметров в высоту, в человеческий рост... В нем дверца на петлях сверху, посередине ящик, а внизу еще одна дверца. Это не то же самое, что «свадебный шкаф», широкий и двустворчатый – такой шкаф давали в приданое девушке вместе с постельным и столовым бельем. Эти две разновидности шкафов, «стоящий человек» и «шкаф слуги», многое говорят нам о нравах эпохи: слуга не находился на содержании у господина, он приезжал к хозяину со своим платьем; все было оплачено его родителями, что свидетельствовало об их богатстве...

Судя по всему, образование молодежи во всех зажиточных слоях общества происходило без участия школы; только клирики как самые бедные получали школьное образование у священников. Внутри касты жизнь познавалась через совместную со взрослыми деятельность и слушание их разговоров. Постепенно такая организация образования все больше и больше изживала себя, оттого что образование клириков не было тем образованием, что приобретается вместе с культурой, то есть тем, что входит в плоть и кровь молодого человека благодаря общению со взрослыми и с их друзьями. Ученики существовали таким образом, что только школа давала им что-то новое, а семья не давала ничего. Но что такое культура? Это встречи с людьми, которые переживают то, чему учат. Однако преподаватели не переживают то, чему они учат. В процессе уроков, на которых в определенные часы присутствует целая группа, ни ученики, ни учителя не переживают предмета изучения. Это полное оскудение. Либи́до не вписывается в пережитое ребенком, как это было раньше, когда он был еще маленьким; либи́до не помечает культуру; информация не впечатывается в тело, по мере того как протекает жизнь этого тела. Как будущий учитель получает образование? Через речь какого-то человека, который сидит перед ним неподвижно, как мертвый. Книжная культура – мертвая буква. Дети с большим опозданием начинают понимать, что посредством школьного учебника к ним доверительно обращается его автор. За книгой есть человек из плоти и крови. Даже если это учебник истории, или физики, или арифметики. В детстве я всегда читала предисловия к учебникам, другие этого не делали. И меня очень удивляло, что в этих предисловиях я встречала живых людей. Предисловие к грамматике – это потрясающе! Именно читая все эти введения и вступления, я поняла, что есть люди, которые ставят перед собой проблему преподавания грамматики, что они, как видно, любят грамматику (удивительно, но, кажется, и в самом деле любят...) и что они вкладывают в каждый параграф свои размышления и сомнения, ради того чтобы мы лучше поняли и усвоили правила языка. И все предисловия к учебникам представляют для детей большой интерес. Почему не предложить детям: «Давайте для начала прочитаем предисловие»? Не тут-то было, предисловий как раз детям и не читают, потому что они, мол, предназначены для взрослых. Учитель мог бы первым делом знакомить учеников с автором. Разве учебники не называют очень часто по фамилиям их авторов? Говорят: «Возьмите вашего Жоржена...», «Возьмите вашего Бледа!» Все видели месье Бледа по телевизору, это прекрасный человек. А вот книга его, признаться, ужасно скучная.

По-моему, все это утрачено нашим образованием, между тем как можно было все это сохранить без малейшего ущерба для необходимой эволюции.

Приучение к риску

Для очень маленького ребенка изучение пространства – это приучение к риску. Очевидно, что пространство, которым располагал европейский ребенок до 1939 года, значительно изменилось, поскольку семья-ячейка во многом живет по-другому: она стала менее оседлой и гораздо более мобильной. В наших странах ребенок теперь лучше защищен теоретически, законом, но, с другой стороны, в силу изменений, претерпеваемых пространством, которое он для себя открывает, ребенок подвергается большему риску. У него под рукой вредные вещества, которые он может проглотить, опасные приборы, с которыми при нем управляют его родители и которые он из подражания также может попытаться включить, даже не понимая принципа их действия; он делает те же движения, что и родители, но при этом подвергается гораздо большей опасности, чем когда-то. Он, быть может, больше склонен считать игрушками предметы сугубо утилитарного назначения, представляющие, однако, для него опасность... И впрямь задуматься: пожалуй, по сравнению с ребенком индустриального общества, ребенок, принадлежащий к обществу сельского типа, которого раньше начинают в быту считать взрослым, которому приходится брать на себя часть взрослой работы, скажем, на ферме, получает лучшее представление о том, что такое огонь, холод, почему опасно играть инструментами и совать палец в агрегат...

В настоящее время ребенок очень нуждается в вербализации⁷¹, объясняющей ему устройство и назначение вещей. Иначе он будет думать, что вся опасность для него сводится к наказанию. Для него отец и мать властны над всем, что происходит... и если розетка бьет его током, то он (точь-в-точь как сказал бы древний человек: «Там внутри Юпитер») говорит: «Там папа». Приведу поразительный пример. Мой муж сказал одному из наших сыновей, которому было тогда 9 месяцев: «Нельзя трогать розетку» – ведь все родители говорят так своим детям... И, как водится, все дети пытаются нарушить запрет, чтобы самоутвердиться и на своем опыте проверить, что такое опасность, – такова человеческая натура. Итак, первый раз, когда он прикоснулся к розетке и его дернуло током, он обратился ко мне и, показывая на розетку, сказал: «Папа там». Он как раз начинал говорить и уже мог сказать «папа», «мама», «там», «нет»... Ходить он еще не умел. Он приближался к гостям и, привлекая их внимание, показывал розетку и сообщал: «Папа там». То же самое он говорил и отцу, когда тот был дома. И отец повторял: «Да, это нельзя трогать, опасно». Отец находится там, где происходит подтверждение его слов, – иначе говоря, получается, будто ребенка ударил отец, а не то, о чем малыша предупреждали отцовские слова. И это очень интересно с точки зрения детского бессознательного. Все предметы, которыми манипулируют родители, являются для ребенка продолжением родителей. Итак, если родители манипулируют какими-либо предметами, и если эти же предметы, когда их трогает ребенок, оказываются опасными и представляют собой угрозу для ребенка, для него это означает, что отец и мать сидят там, внутри, и запрещают ему проявлять инициативу и подвижность, что они чинят препятствия его очеловечиванию по их образу и подобию. Мне пришлось объяснить сыну, что его ударил не отец, а электрический ток, и что если бы отец или я сунули палец в розетку, как это сделал он, нас бы тоже ударило током; я объяснила, что электричество – это полезная сила, имеющая свои законы, которые надо соблюдать и взрослым и детям, и что отец не наказывал его и не сидел в электрической розетке. После этого опыта и объяснений, раз-

⁷¹ Вербализация – оречевление. – В. К.

веявших его несколько навязчивые ложные умозаключения о родительском присутствии во всех электрических розетках, наш сын научился выключать лампы и тостер так же ловко, как взрослый, избегая в обращении с электричеством ненужного риска. Магию сменило техническое знание. Ребенок обрел доверие к себе, а когда он хотел поступать, как взрослые, но у него не получалось, то присматривался, а также глазами и голосом просил взрослых, чтобы они объяснили ему, в чем тут дело.

Если объяснить ребенку, что отца тоже может ударить током, он уяснит себе реальность угрозы. Эта маленькая история с розеткой подтверждает, что все запреты имеют для ребенка смысл только в том случае, если то же самое запрещено и для родителей. Между прочим, это способ подчинить его закону Эдипа⁷². Если маленький мальчик объявляет, что мама – это его жена, это означает, что, отождествляя себя с отцом, он хочет вести себя по отношению к матери как муж. Но только если он поймет, что его отец никогда не вел себя по отношению к своей собственной матери так, как ведет себя по отношению к жене, только тогда ребенок воспримет законы биологического становления и запрета на инцест, общего для всех людей по отношению к их родительнице. Правда, для ребенка это очень трудно, потому что в начале жизни и на протяжении первых лет он вовсе не представляет себе, что его отец и мать сами были детьми и относились к своим родителям так же, как он относится к ним. Изменения массы тела также ускользают от его понимания. Когда он видит на фотографиях своих папу и маму в младенческом возрасте, это для него факт, лишенный реального смысла. Ему говорят: «Это твой папа, когда он был маленький». А он понимает это так: «Это не папа, а я». Пока ребенок не достигнет возраста пяти-шести лет, он не может усвоить, что его отец или мать были детьми.

Чтобы постепенно ребенок начал понимать, что реальность не такова, какой он ее воображает, необходимо вводить ее в язык. Язык возвращает утраченные воспоминания о прошлом, а также планы на будущее и реальные факты, которые ребенок воспринимает только органами чувств, причем часто – ошибочно. Ребенок не может понять отношений отца с другими людьми. Он не может представить себе отца другим, чем тот предстает перед ним. Если он слышит, что отец был маленьким, для ребенка это оскорбление величества. Вообразить, что отец был младенцем, для ребенка до семи-восьми лет значит выставить отца в смешном свете. Но если ему посчастливится услышать, как его отец обращается к своим собственным родителям «папа» и «мама», эти слова подготовят его к тому, чтобы, еще не понимая родительских объяснений, принять их к сведению. Вот почему детям так важно часто общаться с дедушками и бабушками, по-разному их называть в зависимости от того, мамыны это родители или папины; важно, если их уже нет в живых, или если они далеко, или если в ссоре со своим сыном или дочерью, – упоминать о них в семье и объяснять, по каким причинам ребенок их не знает. Всякое умолчание относительно дедушек и бабушек, точно так же как относительного одного из родителей, с которым ребенок незнаком, толкуется ребенком в символическом преувеличенном смысле и оставляет в его бессознательном (то есть в телесно-языковой структуре) длительные отголоски на уровне сексуальности в фрейдовском смысле этого термина (плодотворное выражение в обществе творческой или производящей энергии либидо).

В наше время, вместо того чтобы точными словами посвятить ребенка в правила безопасности, объяснив ему, как обращаться с каждым предметом, его оберегают от опасности, помещая в загон. Детский манежик был изобретен не так уж давно, когда в городах распространились вертикальная архитектура, электрическое освещение, отопление жидким топливом. Изобрели дополнительные способы страховки, чтобы ребятишки не свали-

⁷² Закон Эдипа – в эволюции индивида – запрет инцеста.

вались с лестниц в многоуровневых квартирах и не обжигались, трогая то, чего трогать не следует.

Да, но вместо того, чтобы посвящать его во все это с помощью языка, с ним все больше и больше начинают обращаться, как с вещью, которая представляет опасность сама для себя. Это препятствие нам еще предстоит преодолеть в нашем сегодняшнем обществе. С другой стороны, не следует и недооценивать риск, которому безусловно подвергается маленький ребенок. Потому что окружающее пространство для него – то же самое, что мама: он ему полностью доверяется, а следовательно, подвергается серьезной опасности. От матери требуется огромный труд указать ему все, до чего он не должен дотрагиваться – как взрослые, – и при этом у нее должно быть полное взаимопонимание с ребенком; если он не почувствует, что запрещенное ему является запретным и для нее самой, он не преминет нарушить ее запреты. Например, когда мать запрещает ребенку трогать или пить жавелеву воду⁷³, она говорит:

– Жавелева вода опасная: с ней хорошо мыть посуду, когда ее совсем немножко... Я с ней обращаюсь очень осторожно: неразбавленная жавелева вода меня обожжет, она прожжет одежду, а если я ее выпью, я отравлюсь.

Ребенок не станет трогать жавелеву воду, потому что понял, как к ней относится мать. Но слишком часто она просто говорит: «Не трогай» о том, что трогает сама, не объясняя ему, как она этим пользуется и какие меры предосторожности при этом принимает и она сама, и другие люди, и ребенку тоже надо будет принимать те же меры, если ему придется иметь с этим дело. Если угодно, постоянные запреты привносят Эдипа⁷⁴ во все вокруг. Родителям по отношению ко всем явлениям жизни, в которых дети могут подражать им словами или делом, следовало бы подчиниться тому же закону, что и дети, а они вместо этого продолжают вести себя таким образом, как если бы они играли роль могущественных существ перед существом, совершенно беспомощным. На самом деле ребенок, каким бы он ни был маленьким, может то же, что и они... Но только при условии, что они ему помогут, объяснят приемы, которыми пользуются, и помогут ему понять и усвоить реальность опасностей, которые на самом деле грозят и им самим, растолкуют, каковы причины этих опасностей. Тогда ребенок не побоится рассказать своему взрослому воспитателю о любом, даже самом мелком инциденте, который произошел в его отсутствие, тогда он будет понимать, что причина этого инцидента в том, что он не соблюдал технологии, которой его научили, и впредь будет относиться к своему надежному руководителю с полным доверием. Если взрослый заранее объяснил, что, нарушив правила обращения с предметом так, как это сделал ребенок, он и сам подвергался бы той же самой опасности, – в этом случае ребенок не чувствовал бы себя униженным и виноватым. Воспитывать ребенка – это значит информировать его заранее о том, что ему докажет опыт. Таким путем он узнает, что не надо производить такое-то действие не потому, что ему это запретили, а потому что это неразумно, в силу природы вещей, потому что таков всеобщий закон, а еще потому, что ему недостает опыта, сноровки, которую следует приобрести заранее в присутствии надежного руководителя.

⁷³ Жавелева вода – то, что в бытовом русском языке называется раствором хлорки. – В. К.

⁷⁴ Эдип – это, в общем, половой орган родителей, который нельзя трогать; инцест запрещается совершать в реальности, но не запрещается желать и воображать. Это целый мир. Можно сказать по-другому: мир, воспринимаемый на вид, недоступный для ребенка, не имеющего права касаться его и хватать руками. Это священный предмет, который находится для ребенка под абсолютным запретом; он не зависит от опыта, которому ребенок время от времени бросает вызов и который учит его, что он может справиться со всем этим при помощи разумных и целесообразных приемов, которые ему предлагаются бесстрашно усвоить по примеру взрослых. – Ф. Д.

Воспитывать ребенка – это значит информировать его заранее о том, что ему докажет опыт.

Сегодня городской ребенок, которого везут от дверей до дверей, из одного уютного дома, снабженного кондиционером, в другой, совершенно лишен возможности на собственном опыте испытать, что такое жара или холод.

Ему недостает, с одной стороны, возможности самому испытать этот опыт, а с другой – слов об этом опыте, он нуждается и в том и в другом; ему недостаточно того, что в ходе этого опыта, который проделывает он сам, органы чувств информируют его тело о том, что приятно, а что неприятно; ему нужны слова взрослого, объяснения, а не упреки и не осуждения вроде: «Глупенький... Брось это... Не трогай... Укройся, а то простудишься...» и т. д.

Наказывают, ворчат, шлепают – иногда в те самые моменты, когда ни с чем не сравнимую пользу мог бы принести разговор. В следующий раз, когда ребенок окажется в той же ситуации, он снова не сумеет избежать неприятностей, потому что опасность не была им осмыслена и его не считают способным самому обеспечить свою безопасность. Если ребенок проделал неудачный опыт с теплом или холодом, ему не пойдут на пользу «наставления» взрослых, даже если они хотят «уберечь» его от насморка. Например, с холодом: ребенку не позволяют идти на улицу, как он хочет, без теплого пальто, а надо бы, если он настаивает, отправить его гулять, одев полегче – он от этого не умрет, но зато, когда вернется с прогулки замерзший, можно будет ему сказать: «Вот почему я тебе говорила утром, чтобы ты надел теплое пальто, тем более оно у тебя есть». Когда наступают первые холода, ребенок уходит в школу, как всегда, рано, а возвращается только днем или даже вечером. И вот мать не находит себе места от тревоги из-за того, что утром он отказывается от теплой одежды. Часто доходит до ссоры. Ребенка подавляет материнская забота – она кажется ему чрезмерной, раздражающей. Когда-то у него была возможность поставить опыт самому, на несколько минут выскочив в уборную. Не хочешь надевать теплую одежду? Как тебе угодно! Он выбегал, возвращался, отогревался у печки, – но он проделывал собственный опыт, и раза через два-три он, как мама, уже надевал шаль, трико, – словом, что-нибудь теплое. Он понимал: все так делают, понимал, что ему велят надеть одежду, которую он не хочет надевать, не для того, чтобы утвердить над ним свою власть, а потому что все люди подчиняются этой необходимости, а он такой же человек, как другие. То же и с голодом. Обязанность есть, обязанность спать. В наше время ребенок не знает, что существует в тех же условиях, что все люди на земле, – его оберегают от проверки этого на опыте. Его тащат за собой, торопят, оберегают от всего на свете и мешают ему ставить собственные опыты... В результате современный ребенок уже не находится в безопасности!

Парадокс нашей эпохи, страхующей от всякого риска: дети и молодежь становятся всё более уязвимыми, потому что у них отсутствует опыт, приобретаемый изо дня в день.

Все, что обеспечивает безопасность, приобретается опытом, а технику безопасности необходимо облекать в слова. Это как раз те ключи, которых не дают детям. Вместо того чтобы точными словами выразить опасности, подстерегающие ребенка в повседневной жизни, взрослые через средства массовой информации неустанно твердят об опасностях планетарного масштаба. Поначалу для очень маленького слушателя и телезрителя это, возможно, ничего не значит... А потом, и очень скоро, он замечает, что какой-то человек на экране постоянно вещает о конце света, о том, что все человечество вот-вот взлетит на воздух, о кризисе богатых стран, о том, что деньги обесцениваются, будущее неясно... Пожалуй, дети оказались в этом климате всеобщей незащищенности относительно недавно. Разумеется, благодаря тому, что мы как никогда долго жили без войны, без огня и крови. Но экономическая война и курс на вооружение породили более глухой страх; они мешают нам

разглядеть более конкретные и реальные опасности. В эпоху феодализма бывали моменты, когда приходилось укрываться в замке от проходивших орд. Завоеватели, иноземные войска... все, вплоть до маленьких эльзасцев времен франко-прусской войны. Тогда в самом деле был конкретный враг – причем он был врагом и для взрослых, и для детей. А теперь все твердят о всемирной опасности, но эта опасность совершенно невидима.

Это напоминает мне случай с моим вторым сыном: в детском саду им рассказали об атомной бомбе. Дело было в 1947 году, ему было три года. Он пришел домой и сказал:

– Мама, атомная бомба – это правда?

– Да, правда.

– А правда, что атомная бомба может разрушить весь Париж?

– Да, может.

Он помолчал, а потом спросил:

– А она это может сделать до завтрака или после завтрака?

Я сказала:

– Да, это может случиться, если будет война, но сейчас нет войны.

Он настаивал:

– Это может случиться и до завтрака, и после завтрака?

– Да.

– Тогда пусть это лучше будет после завтрака.

А потом мы позавтракали, и с этим было покончено. Вот каким образом он поборол эту воображаемую картину. Для безопасности он выторговал себе туго набитый живот.

– Ну и ладно, пусть это лучше будет после завтрака.

Это типично для современного человека: он подкрепляет свое тело, чтобы легче вынести любое испытание. Так поступает солдат. Солдат на передовой научается жить минутой и спастись таким образом от страха смерти. Этому в наше время учит общество. Очевидно, что существует огромная разница в отношении к смерти у сегодняшнего ребенка и вчерашнего. Сегодняшние подростки гораздо больше боятся безработицы, чем смерти: они рискнут жизнью ради удовольствия, зная, что рискуют, потому что, как мне кажется, у молодых есть потребность рисковать, а делать это с пользой или просто ради игры у них нет возможности. Нарушить законы благоразумия, заплатить, быть может, жизнью за удовольствие испытать сильные ощущения. Во все времена молодежь играла с опасностью. Чем она хуже в наше время? Быть может, ни в одну эпоху не наблюдалось такой, как теперь, утраты вкуса к жизни, толкающей молодых на попытки самоубийства, и слишком многие преуспевают в этих попытках, так и не рискнув жить и не попытавшись рискнуть жизнью ради благородной цели.

То же самое происходит со взрослыми, хотя у них есть традиционное чувство семейной ответственности.

Из мира труда почти изгнан полезный риск – и людям остается бесполезный. Почему так трудно заставить рабочих на заводе соблюдать нормы безопасности? Если с кем-нибудь уже произошел несчастный случай, – только тогда месяца два-три его товарищи по цеху стараются соблюдать правила безопасности. А потом снова начинают ими пренебрегать.

Как может выжить либидо в процессе монотонного и скучного труда? Благодаря нарушениям правил, благодаря рискованному поведению. Впрочем, если произошел несчастный случай – виновато общество, а не тот, кто не принял требуемых мер предосторожности. Когда мирное время затягивается, не испытывают ли люди искушения подвергаться ненужному риску? Когда смерть оказывается слишком далекой, слишком абстрактной, быть может,

либидо испытывает потребность вновь ощутить ее близость, бросая ей вызов? У человека не остается другой лазейки в обществе, где воспитание не подтолкнуло своих соперничающих членов к достижению уровня, на котором испытываешь радость от постижения истины, от творчества; труженик чересчур приучен к исполнительности, а исполнительность, лишенная риска, противна человеческой натуре; это нудная судьба вьючного животного. Чтобы прервать эту унылую и смиренную рысцу, совершить индивидуальный поступок, человек втайне предпочитает свободу нарушения правил безопасности. Водители, рискующие на дорогах, рискуют собой, но также и теми, кто сидит у них в машине, и теми, кто едет по той же дороге. Их счастье состоит в риске; может быть, они поплатятся за это головой, но в конечном итоге это им больше по душе. Похоже, что лихачество распространено среди тех, у кого было недостаточно испытаний, недостаточно опыта смерти⁷⁵ и у кого недоразвито чувство семейной и гражданской ответственности.

Морис Трентиньян говорил, что все автогонщики во время соревнований подвергаются риску, и этот риск, хотя его и можно рассчитать заранее, все же остается огромным – смертность среди автогонщиков довольно высока, – зато на дорогах с ними никогда ничего не случается, потому что они не идут ни на малейший риск: у них нет желания рисковать. Они и так играют со смертью, поэтому им незачем вести эту игру на общем шоссе, за счет других людей и без правил.

Возникает вопрос: лишая детей «опасных игр», не толкаем ли мы их на то, чтобы они или потеряли вкус к жизни, впали в депрессию, или вели как можно более опасную жизнь? Все эти нормы безопасности, оговариваемые для каждой игрушки, ведут к тому, что родители больше не чувствуют необходимости быть опекунами и покровителями своих детей.

Если ребенок жалуется, что ребята в школе его бьют, это означает, что у него нет нормальных социальных отношений. Существовали бы они, никто из одноклассников не мог бы издеваться над ним одним, потому что у него была бы своя компания приятелей, и эта компания дала бы отпор компании обидчика. Но этот ребенок выпадает из общества, даже если занимается дзюдо... Дзюдо не помогает ему войти в общество, потому что это индивидуальный, а не коллективный вид спорта.

Трагедия нашего сегодняшнего общества состоит в том, что у детей, плохо успевающих в школе, есть социальная жизнь, а хорошо успевающие дети ее лишены. Родители отстающих в школе детей не снабдили их ни словарем, помогающим ориентироваться в жизни, словарем межличностного общения, ни словарем технологии, сноровки и телесной ловкости. Эти дети живут на свой страх и риск, и в них еще много животного; они не обладают идентичностью⁷⁶ человеческого индивидуума, они обладают стадным инстинктом и идентифицируют⁷⁷ себя с группой в совместных действиях и, в частности, в насилии. Прислушаемся к разговорам юнцов – в «бандах» или вне их: мы даже толком их не понимаем, настолько не разработан их синтаксис; зато их группа в высшей степени приспособлена

⁷⁵ «Недостаточно» – не всеобщая мера, которую можно установить для всех и каждого, но соотнесение с целостным индивидуальным опытом переживания жизни и развития – то же самое, что мы подразумеваем, говоря: «Что достаточно для одного, недостаточно для другого». – В. К.

⁷⁶ Живут, не осознавая себя как сущность, отличную от других. Идентичность – чувство непрерывности своего бытия как сущности, отличной от всех других.

⁷⁷ Заимствуют свою идентичность от группы. Идентификация – процесс, посредством которого человек или распространяет свою идентичность на другого, или заимствует ее от кого-либо, или смешивает или путает свою идентичность с идентичностью другого. (Термин «идентификация» в аналитических работах никогда не подразумевает установление подлинности своей или кого-то другого.)

для нападения и защиты. Это общество племенного типа, состоящее из жестоких, независимых друг от друга членов, которые находятся между собой в социальном согласии, но являются потенциальными правонарушителями, потому что не владеют языковым кодом и не способны к культурной сублимации⁷⁸ архаических побуждений (чему учат в школе). Когда они учились брать, делать – одновременно они не были обучены соответствующим словам. Таким образом, в том, как они берут, как делают, имеется отклонение от общепринятой нормы, зато это отклонение – групповое. Те, у кого нет друзей и кого мамы принудительно записывают в секцию дзюдо, часто бывают воспитаны как маленькие индивидуумы, лишенные социальной жизни. И вот классический сценарий: если одного из таких одиноких юнцов при выходе из школы задирает кто-нибудь из ребят, он, исполненный обиды, идет рассказать об этом маме. А мама говорит: «Защищайся!», что очень глупо, поскольку само собой разумеется, что он на это не способен. Мне кажется, лучше всего в этом случае было бы сказать: «Ну что из того, что к тебе пристаёт твой товарищ? Это повторяется ежедневно, раз так – значит тебе это нужно. Без всяких сомнений, этот опыт тебе необходим. Присмотришься, вместо того, чтобы жаловаться».

Надо разговаривать о том, что происходит, вместо того, чтобы говорить «Защищайся!»... Как защититься от того, кто на вас нападает, пока этому не научишься, не присмотришься к другим, не поговоришь с ними? Этому и учит жизнь в обществе. Ребенок должен сам открыть, что он будет менее уязвим, если объединится с несколькими товарищами, найдет себе друзей. Развитие взаимовыручки, социальных отношений входит в жизненные интересы человека. Каин и Авель существовали до того, как появилось общество. Авель оказался не у дел, потому что не умел защищаться...⁷⁹ И роль основателя города Бог поручил Каину. Каину, имевшему друга, брата, которого он (Каин) убил. Испытывая тяжкую вину, Каин спрятался от Бога. Он пребывал в сильнейшем отчаянии, и было ему очень тоскливо, потому что не с кем стало и слова сказать. И тогда Бог сказал ему:

– Ты будешь начальником, строителем города, и никто не тронет волоса на твоей голове.

Это означало, что вместо того, чтобы в одиночку бороться с опасностью собственных побуждений, он объединится со множеством людей, которым грозит беда, будет вместе с другими противостоять внешней опасности. И вот он становится основателем города, обеспечивает защиту отдельных людей, которые на общее благо заключили подкрепленный договором и законом союз против внешней опасности. Но прежде ему надо было пройти через опыт внутренней опасности, связанной с его жестокостью. История Каина и Авеля – прекрасный пример. В ней братоубийство описано как эксперимент, как испытание в обряде инициации. Это шаг в ходе эволюции, давший возможность убийце почувствовать, что такое «зло»: он страдает оттого, что рядом больше нет брата, а один он ничего не может, да и вдвоем тоже: всегда существует опасность впасть в подражание или в соперничество. Такова первобытная сексуальность, толкающая убивать, пожирать, уничтожать... Но как только люди собираются, хотя бы втроем, – они мобилизуют свои силы на защиту, объединяясь против внешней опасности.

Наказание-продвижение или виновный-ответственный

Все свидетельства единодушно утверждают: индейцы ксингу (Амазонка) никогда не бьют детей. Однажды один из детей поджег хижину. Огонь быстро распространился, и вся деревня выгорела. Ребенка-

⁷⁸ Сублимация – преобразование энергии сексуального влечения, при котором она направляется не на сексуальную, а на какую-то иную цель (творчество, социальные преобразования и проч.). – В. К.

⁷⁹ Основываясь на Библии (Быт., 4, 17), автор приводит здесь собственную вольную интерпретацию того, что произошло с Каином. – *Примеч. пер.*

поджигателя не побили. Его просто называли «вождем огня». Вспомним историю Каина и Авеля. Каин убил своего брата Авеля, и Бог назначил его ответственным за безопасность города.

Сегодняшний школьник, оказавшийся козлом отпущения для другого мальчишки, подвергается внутренней опасности, потому что лишен социальной жизни. Его обидчик – его помощник: в том смысле, что он подталкивает этого ребенка к осознанию грозящей ему опасности остаться в одиночестве, вообще не иметь друзей. Сила в единении. Разве тот самый мальчишка, который над ним издевается, не передает ему очень полезный опыт? А мать или отец, которые не находят ничего лучше как сказать: «Защищайся!», не в силах объяснить ему это. Спорт, вроде дзюдо, не вводит детей в группу. Заботливым родителям очень трудно смириться с тем, чтобы их ребенок вошел в группу наравне с другими. Они его защищают и даже чересчур хорошо защищают. Улица, пустырь – это для тех детей, которыми не занимаются родители.

Чтобы обеспечить детям безопасность, мы отнимаем у них возможность рисковать, которая может навлечь на них опасность, – это факт. Безопасность, обеспеченная родителями, а не добытая с их помощью, не формирует у ребенка такой идентичности, которая порождала бы в нем ответственность за свое тело, идентичности, включающей право на инициативу, которая компенсируется его ответственностью за самого себя, идентичности, подкрепленной опытом самозащиты, поставленной на службу целостности его тела, идентичности, общей со всеми его товарищами-ровесниками с самого раннего возраста.

В европейских странах ребенок сегодня более подвижен, ведет более кочевой образ жизни, чем его дедушки и бабушки в том же возрасте; он больше ездит, слышит больше разговоров о путешествиях, видит изображения далеких стран; но в то же время гораздо хуже знаком с природой. Городская жизнь не учит его, что такое земля, времена года, что такое небо, звезды, место человека в живом мире. Такое географическое расширение потребовало бы все более и более богатой социальной жизни, к которой, пока он мал, его не приобщают. Теперь ребенок может преодолеть это исключительно посредством социальной жизни, а не в одиночку. Он слишком долго остается замкнутым в семье.

Если сравнить путешествия пятидесятилетней давности, которые были реже, но приносили больше неожиданностей, с теми поездками, какие совершаем мы в наше время, мы увидим, что в смысле опыта ребенок ничего не выиграл. Сегодня во время путешествия для него все подготовлено, все разжевано. Едет ли он в автомобиле, летит ли самолетом, он остается в своем коконе. Раньше он участвовал в гораздо менее быстром и менее комфортабельном путешествии, в котором были отдельные перегоны, был большой риск аварии. А теперь то же заточение – просто переносится из одной точки в другую.

И взрослый сегодня испытывает те же ограничения. Не то было с его предшественниками. Ребенок во время путешествия находится теперь в точности на том же уровне опыта, что и взрослые. Разницы вообще не осталось, не считая того, что дети не знают, как добыть документы или деньги. Но безопасность, даруемая удостоверением личности, весьма относительна. Если поезд остановится, большинство пассажиров не будут знать, как им быть дальше. Их перевозят из одного пункта в другой просто потому, что у них есть деньги и документы. Взрослые не умеют передвигаться самостоятельно, точно так же как дети, и при малейшем непредвиденном обстоятельстве они, так же как дети, теряют голову. Это лишает путешествия всякой воспитательной ценности. И ликование руководителей, уверяющих: «Сегодня у ребенка больше шансов обрести автономию, найти свое место, чем раньше», – ни на чем не основано. На самом деле наблюдается регрессия.

Ребенок может обрести автономию, если родители поделятся с ним своим знанием... ведь все, касающееся передвижений по городу, дети знают не хуже взрослых: чуть не с трех лет они умеют пользоваться и автобусом, и метро... Но что поделаешь, если взрослый только и думает, как бы оставить ребенка без пространственной свободы, лишить его права на инициативу и на свободу передвижения, чтобы как можно дольше удерживать его под властью взрослых? Похоже, что даже техника, которую дети могли бы эффективно использовать, если бы их правильно проинформировали, как нарочно оборачивается против ребенка только потому, что взрослые желают сохранить над детьми неограниченную власть. Родители настолько инфантилизированы, что им нужны дети еще более инфантильные, чем они сами.

Не так опасны сами инструменты, которыми обзавелось общество, как позиция родителей, которые, быть может, пользуются всеми этими инструментами, чтобы запугивать детей и садистично помыкать ими. Современная техника, возможно, успокаивает их совесть, подсказывая, что их детям больше повезло, чем предыдущим поколениям: они-де и свободней, и автономней, и это в конечном счете позволяет родителям, находя себе массу оправданий, оказывать на детей большее давление, не испытывая при этом угрызений совести. Выращивание детей в неволе, воспитание в тесных рамках – это новая язва так называемого цивилизованного общества.

На стадии вскармливания обучение ребенка проходит очень плохо, тем хуже, чем меньше еда соответствует желанию малыша. Его не спрашивают ни чего бы он хотел получить от матери, ни хочет ли он есть вообще. Он *должен* есть. Если он не ест «хорошо», то бишь в тех количествах, в каких это предусмотрено взрослыми, ему угрожают, как будто он поступил очень плохо. В наших западных обществах у него даже нет права на собственном опыте испытать голод: человечество в целом испытывает нехватку пищи – а мы пичкаем детей насильно.

– Если не будешь есть, доктор будет делать тебе уколы!

Доходит до того – трудно поверить! – что ребенку угрозами и дрессировкой хотят при-
вить не только потребность в пище, но и по желанию взрослого – выделение экскрементов!

Еще одна угроза: ты не вырастешь.

В дело вмешивается медицина, своей властью насаждая насильственное кормление... И у ребенка уже нет выбора. Он лишен права быть голодным или хотеть той еды, какой хочется ему. Кстати, потому-то в перерывах между едой он и набрасывается на автоматы, торгующие сладостями... Они возвращают ему былую радость сосания, и к тому же он испытывает потребность поесть в не отведенные специально для этого часы. Многие семьи удивляются, видя, что у ребенка в положенные часы нет аппетита, нет влечения к пище. В некоторых школах вместо завтрака ровно в полдень, как принято в интернатах, введено самообслуживание, и результаты прекрасные. Повар видит, какие блюда остаются несъеденными, то есть что детям нравится меньше. Детям предлагается на выбор одно из двух блюд. И ребенок с аппетитом съедает то, что сам выбрал. Бывает, что выбранный им завтрак не слишком похож на обычный, но он доволен. В довершение всего можно и поменяться: он с этим блюдом, что сам выбрал, может делать что хочет, – может сказать кому-то из сидящих напротив товарищей: «Ладно, хочешь – бери... два десерта в обмен на... сыр...» и т. д.

А почему бы и нет? В семье это было бы сложнее. Хотя везде, где восстанавливают в правах свободу и право выбора, гуманизма куда как больше.

Но общество убеждено, что дети, как солдаты, должны получать свой паек, и подкрепляет это мнение авторитетом медицины. Диететика превратилась в принуждение есть то, что полезно для здоровья, сбалансировано и т. д.

Ребенку трудно отстаивать свою автономию в перемещениях, жестах, инициативе, когда его любопытство, изобретательность, тяга к открытиям не находят отклика. Например, когда ребенок причинил себе боль и со слезами приходит сказать об этом, многие ли матери спросят: «А ты понял, почему ударился? Отчего так получилось?»

Многие ли матери позаботятся узнать, извлек ли ребенок опыт из случившегося, чтобы в следующий раз оказаться в безопасности? Если мать поговорит об этом с ребенком, то в дальнейшем он воспользуется своим скромным опытом относительной незащищенности, которую не предусмотрел в прошлый раз. Но, как правило, мать не позволяет ребенку вернуться к опасному занятию и закрепить добытый опыт. «Ах, раз так, ты больше туда не пойдешь», – и мать разрушает плоды опыта, приобретенного ребенком. Если после того, как он подвергся какому-либо риску, с ним поговорили, не ругая его, он застрахован на будущее. Как часто матери-наседки поступают наоборот! Ушибся во время катания на лыжах? – «Ну хорошо же, больше ты на лыжах кататься не будешь!» Упал, сбегая по лестнице? – «Все, с сегодняшнего дня едешь только в лифте!» Застрял в лифте? – «Будешь ходить по лестнице!»

Если он сам после своего опыта предпочитает больше не ездить в лифте – это его дело, но с какой стати мать должна мешать ему повторить опыт, из которого он вышел с честью и извлек пользу? Он такой же человек, как другие.

Очень часто матери налагают запрет на двухколесные велосипеды. Дети все с более и более раннего возраста, лет с десяти, хотят ездить на велосипеде старшего брата или приятеля. Многие матери в ответ на это желание говорят: «Нет, только не это! И не мечтай!» – и запрещают мотоцикл даже восемнадцатилетним юношам, совершеннолетним.

Самый конструктивный путь – очень рано предупреждать детей об опасности, ничего не запрещая.

Это недоверие к человеку. У каждого своя судьба. Все люди рождаются, чтобы умереть, и за страхом преждевременной смерти всегда мерцают фантазии о желании умереть. Самый конструктивный путь – очень рано предупреждать детей об опасности, ничего не запрещая. Для ребенка это лучший способ избежать неизбежных опасностей, хорошо изучить свой велосипед или мотоцикл и правила движения на дорогах, научиться управлять собой, развить наблюдательность и пытливость. Почему бы не сказать ему: «Слушай, ты должен знать: страшна не столько смерть на месте, сколько то, что можно остаться инвалидом на всю жизнь. Каждый из нас – хозяин своей жизни». И привести в пример жертвы несчастных случаев из центра Гарш. Неплохо, вообще говоря, информировать об этом ребенка, лишь бы не мешать ему действовать самостоятельно: «Ты предупрежден. Теперь делай, как хочешь».

После несчастного случая можно остаться калекой – это правда. Увы, тому есть много примеров. Тем не менее это не причина запрещать ребенку кататься на двухколесном велосипеде в возрасте, в котором это разрешено законом. Теперь, когда ребенок знает, что рискует, это его проблема. И если он сам увидит, как другой ребенок перевернулся, он почерпнет много больше, чем если бы ему рассказали об этом. Гуманистическое воспитание – это опыт, основанный на пережитом.

Когда-то смерть находилась поблизости от нас; ее удалили из жизни детей, причем опять-таки подчиняясь маниакальному стремлению их оберегать, которое сводится к тому, чтобы скрывать от детей все, чего боятся взрослые: одряхление, болезнь, смерть. Детей надо допускать к смертному одру. Речь не о том, чтобы тащить их к постели усопшего, достаточно нескольких слов в ответ на вопрос ребенка: «А я увижу мертвого дядю?»

– Ты хочешь сказать, покойника? Если хочешь, можешь пойти со мной.

Пускай ребенок, если желает, посмотрит на покойного (особенно если это его родственник), не подвергая этим взрослых в негодование. Как часто детей избавляют от этого опыта, когда речь идет об их отце, дедушке, бабушке или матери, и даже не пускают на похороны!⁸⁰

Недавно доминиканский монастырь в Тулузе пригласил меня рассказать о смерти; в программе были лекции Филиппа Ариеса «Смерть в истории», Шварценберга «Смерть раковых больных», Жинетты и Эмиля Рембо «Смерть неизлечимо больных детей». В тот вечер, на который была назначена моя лекция о смерти, в огромной церкви оказалось больше трех тысяч человек. Я была потрясена: столько молодых людей пришли послушать человека, знающего об этом не больше, чем они!

– Я не больше вашего знаю о смерти, а вы хотите меня слушать!

Какой интерес слушать, как человек рассказывает о том, чего сам не знает? Да, это поразительно. Сущий сюрреализм.

– Может быть, вы знаете ответ на вопрос, почему столько народу привлекла тема вашей лекции?

– Вот вы и ответили мне на него сами!

Смерть выключена из потока существования; с ранних лет жизни она существует только в виде фантазма. И вот кто-то будет о ней говорить, и мы поверим, что этот человек не находится в плену фантазма. О смерти нам, не столкнувшимся с нею, знать невозможно.

В книге Раймонда Моуди «Жизнь после жизни»⁸¹ собраны свидетельства тех, кто побывал в продолжительной коме, в приходящей у смерти, тех, кто подошел к смерти вплотную.

Именно о том опыте сообщали мне люди, побывавшие в коме. Они пережили точно то же самое. Мне знакомы три-четыре человека, в том числе одна женщина, которая впала в глубокую кому после рождения дочери, без каких бы то ни было видимых физических причин, – причем при рождении сына ничего подобного с ней не было. В сущности, эта женщина пережила то, что пережила в свое время ее мать при ее появлении на свет. Она никогда не знала, что ее мать, когда она родилась, повредила в уме, – та тоже не хотела видеть свою дочь, хотя и не испытывала желания ее убить. Подобные расстройства относят к послеродовым неврозам. Тогда их разлучили: девочку поручили гувернантке; ей говорили, что мать больна туберкулезом и лечится в Швейцарии. Девочка выросла, стала взрослой женщиной и после появления на свет второго ребенка, дочери, перенесла послеродовой нервный кризис, воспроизведя, в сущности, то, что некогда произошло с ее матерью, хотя ничего об этом не знала; она была на волосок от смерти, оставаясь, однако, во вполне ясном уме. Родители молодой женщины приехали навестить дочь. Но мать не вошла к ней, не в силах видеть умирающую дочь: это была фобия⁸². Отец навестил ее один и увиделся с зятем. Он рассказал ему историю рождения своей дочери. Молодой муж, который когда-то проходил курс психоанализа, пришел ко мне в полном отчаянии:

– Я этого не вынесу! Если жена, выйдя из комы, на всю жизнь останется калекой, я лучше ее убью! Вы еще увидите мое имя в газетах!

Его жена была молодая красивая женщина, он ее обожал. Он отказывался примириться с тем, что она на всю жизнь останется полностью парализованной, – таков был посткоматоз-

⁸⁰ «Оберегая» детей от переживания смерти, их, по существу, лишают возможности переживать и проявлять свое отношение к умершему, совершить ритуал прощания – то есть отвести умершему иное, новое место в своей картине жизни. Нередко это становится источником глубоких невротических проблем у ребенка. – В. К.

⁸¹ Моуди Р. Жизнь после жизни: Исследование феномена выживания после физической смерти. Л.: Лениздат, 1991.

⁸² Фобия – здесь: невротический страх. – В. К.

ный прогноз при условии выхода женщины из комы, что было сомнительно, учитывая плоский след электроэнцефалограммы. Она находилась в реанимационной палате, а он переживал глубокую драму и пришел ко мне за поддержкой! Я велела ему пойти поесть, потом поспать – вот уже два дня он не делал ни того ни другого, – а потом навестить жену и, несмотря на то, что она продолжает находиться в коматозном состоянии, рассказать ей историю ее рождения. В то самое время, что он ей все это рассказывал, кривая электроэнцефалограммы поползла вверх и женщина очнулась. Ее первые слова были: «По-моему, я знаю, почему я не имела права иметь дочь».

Потому-то она и впала в коматозное состояние, хотя у нее не было никаких симптомов эклампсии⁸³, вероятность которой не исключалась. Кома наступила ровно через двенадцать часов после рождения дочери. В ее случае, вопреки видимости, это была чистая истерия, но если бы ей не объяснили смысл ее симптомов, она бы умерла. Позже она рассказала мужу, как она переживала свою кому. Она находилась где-то на потолке, в углу, и, свидетельница происходившего, наблюдала за мужем и хирургом-реаниматором, которые суетились вокруг какого-то силуэта из бумаги, напоминавшего ей картину, и это плоское изображение была она сама, та, какою она сама себя представляет. Они произносили, она слышала, слово («означающее», как говорит Лакан⁸⁴) – слово «плоская». (Речь шла о кривой электроэнцефалограммы: «след плоский».) Она их слышала. А ее слышали? Ведь она была там, под потолком, одновременно любопытная и равнодушная к тому, что происходило в палате.

– Она плоская, верно, совсем пло-пло... – думала она. – Что они будут с ней делать? Как они ее утолстят? Это же бумага, у нее внутри ничего нет.

Потом, спустя какое-то неопределенное время, – рассказала она мужу, – она уже не знала, где находится, но вокруг была чудовищная темнота с ощущением сильной физической и душевной боли. Она вернулась в собственное изображение, проникла в него через череп и с чудовищной болью заполнила собой свое тело; и с «воплощением» она вновь обрела чувствительность. А как приятно было до того находиться вне тела и ничего не чувствовать. И в этот миг она почувствовала, как муж сжимает ей руку, она открыла глаза и сказала ему: «По-моему, я знаю, почему я не имела права иметь дочь...» А потом: «Я хочу посмотреть на дочку».

Муж рассказал реаниматору о «пробуждении» жены, и тот сказал: «Ни в коем случае! Объясните ей, что малышка осталась в родильном доме, и что она сама туда вернется, но только после того, как полностью поправится».

Реаниматор констатировал возобновление ритма электроэнцефалограммы.

Итак, эта женщина полностью поправилась, без каких бы то ни было последствий, после того, как дважды след энцефалограммы становился плоским. Опыт, который она пережила, заключался в том, что она, находясь вне собственного тела, была свидетельницей всего происходившего с ним, не испытывая страданий, не помня, что она только что родила, не помня, кто она такая. Она смотрела на своего мужа, но не как на мужа, а просто как на человека, проявлявшего внимание к ее плоскому изображению. Полагаю, что подобное ощущение стороннего наблюдателя существует также и у маленьких детей, когда они лишены любви и ласковых слов родителей. Я думаю, что дети – свидетели, и что это как раз формирует в них понятливость и сообразительность. Когда они слушают разговоры, – не слушая,

⁸³ Эклампсия – тяжелый токсикоз второй половины беременности, характеризующийся внезапно возникающим бессознательным состоянием с припадками судорог.

⁸⁴ Лакан Жак (1901–1981) – французский теоретик и практик «структурного психоанализа». Основатель и глава парижской школы фрейдизма (1964–1980), к которой принадлежала и Ф. Дольто. Триада основных понятий Лакана: «реальное» – «воображаемое» – «символическое». «Символическое» у Лакана – это структурирующая сила, господствующая и над «реальным», и над «воображаемым». «Символическое» объективно и материально представлено в «означающем». «Означающее» – материальные формы языка. См.: Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис, 1995.

и все-таки слушая, — они являются свидетелями в качестве абстрактных живых существ. Такое состояние возможно не только после смерти — все мы, живые, можем в нем находиться. Любой может оказаться в таком, якобы, «посткоматозном» состоянии, причем окружающие об этом не подозревают, полагая, что младенцы и совсем маленькие, бессловесные дети ничего не понимают.

Возможно, дети, будущие взрослые, наделены особым даром восприятия, особыми способностями, характерными для этого этапа становления.

У детей нет никакого страха смерти. Почему родители не хотят, чтобы дети вступали в какой бы то ни было контакт со смертью, коль скоро они ее совершенно не боятся? Для детей смерть — это факт, по поводу которого они задают себе вопросы. И их не пугает то, что они не могут ответить: они ищут.

Чего боятся взрослые? Им страшно, что их дети, у которых нет страха смерти, захотят на собственном опыте испытать, что это такое, и тогда они, взрослые, останутся без потомства. По-моему, дело именно в этом. Но дети не боятся смерти. Я знакома с несколькими маленькими пироманами⁸⁵. Их пытаются вылечить. Но они не боятся сгореть. Они хотят на опыте попробовать, что это такое, и возможная смерть ничуть их не смущает. И другие пускай тоже сгорят, почему бы и нет... В конце концов, почему бы не предоставить другим людям возможность испытать то же, что хочешь испытать сам. «Что будет, если огонь меня сожжет?» У ребенка нет опыта, но он хотел бы приобрести этот опыт, пусть даже ценой собственной жизни. Для него жизнь имеет смысл только если он может удовлетворить свое ненасытное любопытство. И думаю, что родители этого и боятся, потому что для ребенка цель смерти только в одном: как всё, о чем при них говорят, она может оказаться способом позабавиться. Я вспоминаю заявление Жилля Вильнева, автогонщика, который погиб на гонках на Большой приз Канады. Он множество раз переворачивался со своей машиной и залечивал бесчисленные переломы, но не мог вообразить, что погибнет в результате несчастного случая: «Я никогда не погибну от несчастного случая, — сказал он по радио. — Да, возможно, я еще попаду в переделку, ну и что? Каждый раз я выкарабкиваюсь и чувствую себя еще лучше, чем прежде!»

У него не было чувства ответственности за жену и двоих детей. Мне это интервью показалось идиотским, в особенности сопровождавший его комментарий. На другой день после передачи он разбился во время гонок. Нельзя делать героя из взрослого человека, который, будучи отцом семейства, ведет такие речи и демонстрирует свою безответственность. Следовало сказать: «Этот гонщик застраховал свою жизнь на такую-то сумму, чтобы его дети, несмотря на гибель отца, получили образование благодаря его заботе; он подумал и о жене: она получит крупную сумму по страховке». Нельзя ставить в пример человека, который, занимаясь опасной работой, не желает сознавать последствия своих поступков. В сущности, у этого гонщика осталось детское сознание. Но ведь он уже был не ребенок. Другое дело — готовность рискнуть всем ради идеи, которая послужит другим. Но риск этого гонщика не служил никому, кроме него самого: быть первым, опередить всех. Дети и в самом деле не испытывают страха перед тем, чего не знают, потому что именно неведомое их возбуждает: это эпистемологическое⁸⁶ влечение — познать и возродиться в этом новом знании... И в конце концов, здесь все те же корни, что у желаний. Желание — это тяга к новому. Но существует структура, которая появляется в нашем разуме, когда он становится сознатель-

⁸⁵ Пиромания — болезненное, неодолимое и импульсивное влечение к поджогам. Здесь автор использует термин в расширительном смысле. — В. К.

⁸⁶ Эпистемология — теория познания.

ным: это ответственность. Чувство принадлежности к социальной системе, за которую мы ответственны: сначала оно ограничено семьей, потом распространяется на всех, кого мы любим, а потом – на все общество. Есть ответственность каждого по отношению ко всем. И я полагаю, что человек, не прошедший этой стадии эволюции – ответственность каждого за всех – остался несовершенным существом. И в его жизни остается нерешенным конечный вопрос. Есть ли у него духовная цель – или все сводится к тому, чтобы превратиться в труп? Прах и тлен...

В этом, как мне кажется, состоит различие между людьми, в том числе и между психоаналитиками... Что до меня, то я не думаю, что эволюция человека, поскольку мы существа плотские, заканчивается кладбищем. Я полагаю, что здесь участвует теллурическое, планетарное в нашем существовании. Но кто может мне сказать, права я или нет? Я думаю, что есть и другая часть, есть что-то другое, потому что слово не является частью земли. Слово не является чистой символической формой. Не относится оно и к тому, что происходит из материальных элементов земли; потенциал слова содержится в человеческом роде, но человек помимо своей телесной эфемерной жизни на планете Земля наделен словом, наделен смыслом. И мне могут возразить (причем это будет сущая правда, я не отказываюсь): «Вы говорите так, потому что вы христианка».

Это правда! Но я думаю, что все цивилизации построены на духовности. И под страхом смертной казни я не могла бы думать иначе.

Даже для самого упорного скептика и агностика⁸⁷ очевидно удивительное совпадение между тем, что выявляет психоанализ (на основе опыта, на основе пережитого), и тем, что сказано в Ветхом Завете и в Евангелиях: это динамический строй человека.

Символическое показывает, что слово действительно распространяется по ту сторону, несет в себе потустороннее, доносится из потустороннего и из посюстороннего. Но значение слова этим не исчерпывается. Существует еще тонкая и творческая связь между людьми, которая словно ускользает от физических законов, преодолевая время и пространство.

Родители боятся и опасаются говорить с детьми о смерти как раз потому, что дети еще не обладают чувством ответственности за свою жизнь по отношению к другим людям, – у них есть только желания. И мне представляется, что в каждом из нас должен всегда оставаться ребенок, но в то же время каждый взрослый, мужчина и женщина, если он произвел на свет живое существо, должен обладать чувством ответственности. Необходимо и то, и другое. Пикассо рисует, как ребенок – но ребенок, усвоивший техническое мастерство и совершенство взрослого художника-труженика, способного к безупречному воспроизведению формы. И в то же время в нем остается ребенок с непосредственным взглядом и способностью к восхищению; руки искусного взрослого способствуют постоянному созиданию форм, не имеющих ничего общего со статическими «механическими» формами; это формы его внутренней жизни, взволнованной и трепещущей от соприкосновения с действительностью, которую он воспроизводит со свободной изобретательностью ребенка и в то же время с техническим мастерством человека, который не малюет как попало, а абсолютно владеет композицией, линией, цветом, чтобы сознательно выразить живущий в нем дух желания, в то время как ребенок, гениально или неуклюже, выражает свое желание бессознательно, не ведая, что творит. Он рисует для собственного удовольствия, поскольку его еще нисколько не коснулось ни чувство ответственности перед другими, ни влияние современного ему искусства.

⁸⁷ Агностик – сторонник агностицизма: философской концепции, отрицающей познаваемость того, что не может быть непосредственно представлено в опыте, и утверждающей на этом основании непознаваемость мира.

«400 ударов», или Эмоциональная безопасность

Люди забывают, что ребенок – это самостоятельная личность, а не зависимое существо и не яблоко раздора. С самого рождения и уж, во всяком случае, после него. Например, при разводе, когда решается, с кем ему оставаться. Судьи не думают, что на самом деле единственный «судья» – это ребенок. Считается, что лучший родитель – тот, у кого больше денег, больше свободного времени и больше места в квартире. Между тем для ребенка важно другое: важны терпимость к тем трудностям, которые возникают у него в процессе адаптации к жизни, и любовь, с которой ему помогают осознать эти трудности. Надежное материальное положение гораздо менее важно, чем эмоциональная безопасность. Это отлично разглядел Трюффо⁸⁸ в «400 ударах». Юный Антуан Дуанель, не щадя сил, ищет взрослых, которые были бы достойны получить над ним власть. Ребенок может согласиться с тем, что кто-то имеет над ним власть, если чувствует, что игра стоит свеч. Это как у боксера, который смиряется с тем, что за три недели до соревнований менеджер запрещает ему вести половую жизнь. В этом есть смысл. Но ребенок не понимает, зачем нужна так называемая воспитательская власть, если человек, который наделен этой властью и претендует на то, что прививает питомцу нравственность, сам не подчиняется законам этой самой нравственности. Прежде всего Антуан Дуанель ищет в родителях внутренней честности.

В фильме Трюффо ребенок прежде всего – обуза. Он лишний. Мать родила его, не будучи замужем; она хотела сделать аборт, но ее собственная мать, бабушка ребенка, ее отговорила. Бабушка и воспитывала малыша, пока мать не вышла замуж за симпатягу, которому нужна жена как предмет обихода и который упивается сплетнями, циркулирующими у него в цеху (секретарша с бригадиром...). И вот он женился на этой женщине, у которой уже есть сын. Он не слишком заботится о ребенке. Он с ним мил и равнодушен, даже не без легкого гомосексуального общности. Однажды вечером мать по телефону предупреждает, что задержится у себя в конторе. Ее супруг обедает вдвоем с ребенком: «А, наконец-то остались одни мужчины, сейчас мы вдвоем похозяйничаем...» Болтают всякие глупости, обмениваются тычками. Когда приходит с работы жена, он закатывает ей скандал: «Зачем ты задержалась, тебе даже не заплатят за сверхурочные...» А ребенок видел, как она, выходя из конторы, целовала какого-то мужчину, и она видела, что он видел. Он не говорит ей ни слова и не мешает обманывать отчима, а она за это платит ему снисходительностью.

Однажды, желая избавиться от придирок учителя, который избрал его козлом отпущения, мальчик сказал: «У меня умерла мать». Учитель: «Бедняжка, я виноват перед тобой... Что ж ты мне раньше не сказал?..» Он очень расстроился из-за того, что целую неделю травил мальчика своими придирками. На самом деле учитель донимал его потому, что был недоволен его успехами и считал, что этот понятливый ученик мог бы стать одним из лучших в классе. Родители вместе идут в школу. И мальчик получает трепку от отчима за то, что сказал: «У меня умерла мать». Но на самом деле то, что его мать умерла – это правда! И самая настоящая правда то, что он начисто лишен ощущения изначальной безопасности. И вот он убегает. Чтобы прокормиться, ночами ворует бутылки с молоком. И, что самое удивительное, продолжает ходить в школу. Он даже написал родителям письмо, в котором сообщил, что больше не желает мешать их семейной жизни. Когда он устроит свою жизнь, то есть достигнет достойного уровня, – тогда он их навестит. Родители идут в школу и убеждаются, что он на месте. Изумление. Видно, что мальчик явно стремится преуспеть в обществе, поскольку продолжает ходить в школу несмотря на все трудности, несмотря на то, что

⁸⁸ Франсуа Трюффо (1932–1984) – французский кинорежиссер, один из зачинателей направления «новая волна». Фильм «400 ударов» создан в 1959 году.

ночует на холоде и почти ничего не ест. К школе-то он привязан, хотя школа его топит. Отец идет к судье по детским правонарушениям: «Мы больше не выдержим, это выше наших сил...» И мальчика отправляют в исправительный дом. Я думаю, что даже у таких неумелых родителей, как родители Антуана Дуанеля, сын мог бы не стать правонарушителем, если бы чувствовал, что его любят.

В японской школе

В Японии учитель подвергает восьмилетних мальчиков тяжелейшему испытанию: перед всем классом наказывает одного из первых учеников за провинность, которой тот не совершил: «Ты украл у меня из кармана деньги» или: «Ты жульничал».

После наказания он дает объяснение этой «судебной ошибке»: «Знай, что лучший из учителей, лучший из отцов может быть несправедливым. Ты должен научиться переносить несправедливость мира, сам оставаясь справедливым человеком». Бывает, что после такой встряски ребенок заболевает. Второй смысл этого испытания в том, чтобы отказаться от обожествления, от культа второго отца, безупречного героя. Иногда приходится расставаться с иллюзиями, переживать утрату своего идеала, терпеть эмоциональные разочарования. Это напоминает технику унижения, которую вынуждены испытать на себе ученики индийских гуру. Восхищение всегда бывает временным. И разве не преодоленные печали облагораживают динамику сюжета: от желания – к любви?

5 глава Ребенок – подопытный кролик

Научная литература

Наука о ребенке, все более и более многословная, позаимствовала инструментарий из естественных и гуманитарных наук – биологии, экономики, статистики, экспериментальной психологии. Ей не больше века. Первые публикации по педиатрии относятся к середине XIX столетия. Пожалуй, можно сказать, что исследование поведения новорожденных – нуждается ли он в первую очередь в питании или в любви? – дело совсем новое; последовательное изучение подобных вопросов началось всего несколько десятилетий назад. Не окажется ли при таком научном подходе, что мудрость бабушек, волшебные сказки, мифология, передаваемые из рук в руки идеологии полностью переместятся в область литературы? Или, напротив, ученые доищутся до корней интуиции, питающей творчество поэтов и романистов? Положение детей от этого выиграло бы. Можно было надеяться, что наука, на которую возлагались такие надежды в XIX веке, придет на службу ребенку.

Но этого не произошло. Наука не стала служить ребенку. Она поступила на службу установленным порядкам, общественному образованию, полиции. Или самой Науке. Исследования для исследований. Здесь, к сожалению, снова не обошлось без идеологии. Сталкиваются разные течения мысли, разные тенденции. Детство как объект исследования превратилось в яблоко раздора для современных ученых: одни, социопсихологи, выпячивают роль среды, окружения, другие – биохимические и генетические факторы. И первые подозревают вторых если не в реакционности, то, по крайней мере, в объективном содействии новым правам. Тяжба намеренная, нейробиологи опровергают их, пользуясь их же аргументами, отстаивая свои права с голубиной невинностью.

По словам профессора Эмбера, руководителя лаборатории нейробиологии развития в Парижском университете Paris-Sud (Орсэ), у детей любого происхождения, из любой среды, обеспеченных и не обеспеченных, есть нечто общее, и это – мозг.

С точки зрения наук о нервной системе, ребенок – это не взрослый в миниатюре, и разница заключается не только в количественных показателях. Состояние детства обусловлено не только социальными условиями, под которыми подразумевается семейная, юридическая, экономическая зависимость несовершеннолетних.

Центральной нервной системе ребенка присущ ряд особенностей: нейрофизиология показывает, что это, прежде всего, огромная хрупкость, необыкновенная чувствительность к потрясениям, исходящим из окружающей среды. Но эта хрупкость играет не только отрицательную роль. По сравнению со стадией взрослости она несет в себе такое преимущество, как пластичность, большая способность к восстановлению в случае травмы. У взрослых афазия⁸⁹ вследствие поражения мозга неизлечима. А у ребенка она излечима. Отмечалось, что после некроза⁹⁰ или удаления участка полушария детский мозг способен создавать замещающие структуры.

⁸⁹ Афазия – группа расстройств речи при сохранности речевого и слухового аппарата. – В. К.

⁹⁰ Некроз – омертвление в живом организме какого-либо органа, его ткани или клеток.

Наибольшее внимание нейробиологов теперь привлекает как раз не крайняя хрупкость новорожденного, а его пластичность, то есть способность его мозга и нервной системы возмещать и создавать обходные пути в случае травмы. У ребенка до шести лет можно удалить даже целое полушарие, и если, скажем, произошла травма, то удалить его целесообразнее, чем оставить, потому что оно мешает развитию второго полушария. Ребенок, перенесший такую ампутацию, развивается так же, как ребенок с двумя здоровыми полушариями, а если ему оставить полушарие с анатомическими повреждениями или нарушенным кровообращением, то другое полушарие перестает работать. Это чудо: оказывается, одно полушарие – лишнее! Может быть, клетки мозга всю жизнь мешают друг другу; они словно дублируют работу друг друга, готовясь к несчастному случаю, когда им придется принять эстафету. Мы не используем всех возможностей мозга; у него всегда остаются резервы.

Науки о мозге подтверждают фундаментальную интуитивную догадку психоанализа о потенциале грудного младенца и о важности первых мгновений жизни.

Было сказано: все происходит до шести лет, затем решающими годами в формировании личности были провозглашены первые три года.

Но может быть, все совершается за неделю, за первую неделю жизни. Время первых неизгладимых впечатлений, первых рубцующихся ран следует, возможно, отнести к перинатальному⁹¹ периоду.

Нейробиологи убеждены – так утверждает г-н Эмбер, – что ребенок сразу после рождения отличает языковые, речевые звуки от неречевых. Более того: он уже узнаёт голос матери среди всех других голосов.

Он узнает голос отца, который слышал в материнской утробе: звуки низкой частоты в утробе слышны лучше – и отличает отцовский голос от материнского. В Питивье был поставлен классический опыт, подтвердивший, что человеческий зародыш реагирует на звуковые импульсы, идущие от будущего отца, когда отцу предлагают вступить с ним в контакт⁹². Г-н Эмбер из Коллеж де Франс отзывается на этот счет сдержанно: «Это еще надо доказать». Надо сказать, что исследования в этой области продвигаются вперед крайне медленно. Работу тормозят прежде всего препятствия методологического характера; и всякий раз, когда одну из таких трудностей удастся преодолеть, к известным до сих пор возможностям новорожденного в области мышления и восприятия добавляется нечто новое. Напрашивается вывод, что потенциал ребенка скорее всего выше, чем принято думать. Можно предвидеть, что в будущем у новорожденных обнаружатся еще более значительные способности, чем те, которые мы ему приписываем теперь.

Младенцы прекрасно умеют сидеть

«Обычное неврологическое исследование использует далеко не все сенсомоторные возможности новорожденных». Педиатр из Больничного центра в Байонне д-р А. Гренье сконструировал приспособление для новорожденных в возрасте от 15 до 20 дней и произвел над этими младенцами опыты с целью освободить новорожденных от некоторых принуждений, скрывающих реальные возможности их моторики.

Фильм, который он отснял со своей командой, показывает, что ему удалось рассадить новорожденных за маленькие столики, поддерживая им головки только двумя пальцами. Общаясь с няней, эти дети могут – что видно

⁹¹ Перинатальный период – внутриутробное развитие плода начиная с 28-й недели беременности, период родов и первые 7 суток жизни ребенка.

⁹² См., например, БертинА. Воспитание в утробе матери, или Рассказ об упущенных возможностях. М., 1992. – В. К.

на пленке – схватить предмет, который им показывают. Никто не подозревал, что новорожденные уже способны на подобное моторное поведение.

Дети-манекены

Я знала молодую женщину, которая жила на то, что зарабатывал ее ребенок. Но самому ребенку это было совсем не на пользу. После смерти своего спутника жизни эта женщина оказалась без средств к существованию. Поскольку они не состояли в браке, ей пришлось съехать с квартиры, которая перешла к законным наследникам. Что делать? Кто-то подал ей мысль продавать для рекламы мордочку и попку ее малыша. С 6 месяцев и до двух с половиной лет дважды в неделю этот очаровательный малыш работал моделью. И на деньги, которые он зарабатывал, мать могла жить, содержать ребенка и осваивать профессию. Когда днем у малыша были съемки, ночью он не мог заснуть; он был очень неуравновешенный, нервный, цеплялся за мать; он чувствовал себя очень незащищенным, словно с него содрали кожу, особенно пока он был совсем еще мал. Тогда я его не видела, я познакомилась с ним, уже когда он стал из-за этого страдать, то есть в два с половиной года. Я поговорила с малышом. Я объяснила ему, что его мама живет только благодаря ему. Немного позже она рассказала мне, что было дальше: ребенок стал гораздо лучше переносить работу в студии, после того как мама ему сказала: «Знаешь, та тетя сказала тебе правду... Мы получим деньги...» И как я ей посоветовала, она показала ему деньги, которые получила благодаря ему. Она приняла решение: «Как только ему исполнится три года, я перестану водить его на съемки, потому что кончу к этому времени курсы и получу профессию».

Для ребенка это серьезное испытание – находиться в свете прожекторов, надевать одни одежды за другими, давать себя фотографировать, по команде улыбаться, брать игрушку, словом, самому быть игрушкой операторов и людей на площадке, которые на него смотрят. В этой ситуации первым делом необходимо придать смысл тому, что ребенок должен делать: «Видишь, какая польза от этого маме, когда у нее нет денег: каждый раз, когда ты надеваешь костюмчик и снимаешься для рекламы, ей платят...» Я посоветовала матери показать ему рекламу, на которой он изображен совсем маленьким. Итак, ему все же объяснили, какую пользу приносит матери и ему самому его «работа», но с запозданием, только после того, как съемки стали вызывать у него сильное нервное напряжение. Если бы с ним начали говорить об этом раньше, начиная месяцев с шести, он бы страдал меньше.

Если ребенка привлекают к кино- или фотосъемкам или к каким-либо другим испытаниям, весьма возможно, что его волнение можно значительно уменьшить обстоятельными разъяснениями – предупредить его, что на него будут смотреть, пока он работает, играет и ест, а кроме того, сказать ему, зачем и кому это нужно. Исследователь сам может подтвердить ребенку, что ему в самом деле нужно снимать на пленку детей для продолжения своей работы. Бессмысленно заявлять экспериментаторам: «Ставьте опыты на своих детях, а не на чужих!» В сущности, почему подопытными кроликами должны служить дети исследователя, а не кто-то еще? В конце концов, дети биолога или психолога – не его личная собственность.

Но может, нелишне было бы призвать их к известной деликатности, предлагая в каждом случае один нехитрый вопрос: «А проделали бы вы этот опыт над своими собственными детьми?»

Кинокамера-насильник

Сколько поколений в XX веке были убаюканы сказочкой о долгой ночи, в которую погружен новорожденный! Педиатры и психологи, специалисты по раннему возрасту, установили правила на всё – на первую улыбку, на первое узнавание собственного отражения в зеркале. И на подражание жестам воспитателя.

Рене Заззо, блистательный продолжатель дела А. Валлона, своего учителя на отделении психологии в Сорбонне, считая, что французские коллеги чересчур увлечены теоретическими спорами, уделял больше внимания своим англо-саксонским и канадским собратьям, ценя их экспериментаторскую работу.

Однажды он сообщил своим коллегам о том, что заметил, наблюдая за собственным внуком: представьте, в возрасте трех недель тот показал ему язык.

Померещилось? Вольная интерпретация случайной мимики? Чтобы удостовериться, Рене Заззо провоцирует реакцию. Он показывает младенцу язык. Тот отвечает тем же.

Даже его учитель не поверил в этот факт. На протяжении двадцати лет руководители психологической службы во Франции не желали принимать в расчет этого жеста у младенцев, хотя он повторялся постоянно. Двадцать лет голос Рене Заззо был гласом вопиющего в пустыне. Ему возражали, что этого не может быть, потому что ребенок не может видеть того, кто строит ему гримасы, даже если лицо наблюдателя находится совсем близко от его лица⁹³.

Думаю, мы не можем говорить о поле зрения у грудного младенца, но на очень коротком расстоянии он наверняка располагает неким полем восприятия.

Сегодня официальная экспериментальная психология допускает, что грудной младенец способен имитировать мимику взрослого.

Эксперименты скорее подтверждают то, что мы знали раньше, а не открывают нам новые факты. Я давно утверждала, что ребенок узнает свою мать при помощи обоняния, но встречала только насмешки и скептицизм. И вот, наконец, на одном конгрессе меня окликают профессор Монтанье, проводящий в Безансоне опыты в детском саду (первый и второй год): «Мадам Дольто, а я доказал, что вы были правы насчет запаха матери. Тридцать лет я считал, что вы сочиняете, что этого не может быть. Но сейчас вы увидите фильм, который подтверждает, что это бесспорный научный факт». Что показывает нам фильм профессора Монтанье? В детском саду, в помещении, где идут занятия с детьми, легко отличить маленьких лидеров, детей с лучшей адаптацией к внешней среде, тех, которые уже овладели своей сенсорной системой, от других, более пассивных. В какой-то момент ставят опыт на запах матери. На маленький шкафчик кладут белье, которое носила мать лидера. Реакции всей группы снимают на пленку. Мы видим лидера, который отделяется от остальных, прекращает игру, начинает кружить по комнате, а потом забивается в уголок, сворачивается клубочком в позе зародыша и сосет палец... Потом мы видим, как девушка убирает белье с запахом его матери, и ребенок потихоньку встает, вынимает изо рта палец, как будто очнувшись от сна, начинает вести себя, как обычно, и вновь обретает свой авторитет у других. Это поразительно! Но если ребенок-лидер, когда в окружающем его пространстве помещают запах его матери, теряет интерес ко всем занятиям, то пассивный, плохо адаптированный, заторможенный ребенок, наоборот, отказывается от прежних привычек и становится веселым, бодрым, живым; он увлеченно играет с другими детьми, он активен, подвижен... Стоит лишь убрать из комнаты запах его матери, он тут же впадает в обычную пассивность.

⁹³ Où en est la psychologie de l'enfant? Denoël, Méditations.

Все это я знала. Нужно ли было прибегать к таким средствам, чтобы это доказать? Я считаю, что этот опыт, странный и излишне опасный, может обернуться травмой для детей-подопытных кроликов. Я напрямик сказала профессору Монтанье: «Но ведь это то же самое, как если бы вы показали какому-нибудь взрослому, сидящему в компании друзей, призрак его матери, какой она была, когда ему было пять-шесть лет: и вот перед ним этот провоцирующий и невероятный призрак, и человек перестает понимать, где он... Вы полностью отрываете ребенка от действительности, подвергая его такому испытанию, заставляя встретиться с призраком той особой, исключительной связи, которая существовала, когда ему было от ноля до трех месяцев и когда с другими его связывало только обоняние. Неудивительно, что бодрый, продвинутый ребенок, которого внезапно насильно подталкивают к такой регрессии, принимается сосать палец – замену материнской груди, и ищет прибежища в позе зародыша. По моему мнению, этот ребенок на две минуты был превращен в аутиста⁹⁴. Запах исчезает, и он возвращается к реальности. А другой ребенок, зависимый и пассивный для своих лет, испытывает что-то вроде галлюцинаторного возбуждения: его мать, от груди которой он был оторван (в достаточной степени страдая от этой оставшейся в прошлом фузионной⁹⁵ связи), – внезапно оказывается здесь, с ним. Он чувствует себя в полной безопасности... Но затем он возвращается к ущербному состоянию отрешенности, в котором привык черпать безопасность. В этой манипуляции есть нечто пугающее.

Профессор Монтанье ответил мне, что таков единственный способ проверить на опыте научную интуицию. «Может быть. Но, – возразила я, – каковы последствия для ребенка?» В психологии, как и в медицине, прежде чем экспериментировать над человеком, необходимо удостовериться, что тем самым не наносишь вреда. В противном случае следует воздержаться от опыта.

Не лучше ли было бы, исследуя ребенка, привлекать самого ребенка в союзники? Если и впрямь, чтобы не застрять на функциональном этапе обучения мышлению по Пиаже⁹⁶, необходимо изучать скрытые возможности ребенка и приобретенные им на разных стадиях психического развития свойства, – не лучше ли, во избежание большего зла, делать это с ведома ребенка?

Если бы врач, опекающий ребенка, по крайней мере объяснял ему сразу после окончания опыта, что происходило и зачем надо было «играть в эту игру»!

Если обследование ребенка никак не согласовано с его желанием, это значит, что ребенка просто подчиняют желанию взрослого; его заставляют играть роль предмета, доставляющего взрослому удовольствие. В данном случае удовольствие взрослого – это, выражаясь по-научному, вуайеризм⁹⁷. И потом, какова роль, в которой бессознательно, не отдавая себе в этом отчета, оказалась воспитательница, сообщница профессора Монтанье?

Так, значит, выхода нет? В сущности, велика ли разница между наблюдениями, которые производятся без ведома ребенка, и наблюдениями, в которых он сам участвует... А нельзя ли соблюдать определенную этику эксперимента?

⁹⁴ Аутизм – отсутствие контакта с окружением. – В. К.

⁹⁵ Сплавающей воедино (от *lat. fusio* – сплавление).

⁹⁶ Жан Пиаже (1896–1980) – швейцарский психолог, логик и философ, создатель операциональной концепции интеллекта и генетической эпистемологии. Согласно этой концепции (*Психология интеллекта*, 1946, рус. пер. в кн.: Избранные психологические труды. М.: 1969), функционирование и развитие психики совершается в рамках адаптации индивида к среде. Ключом к пониманию мышления ребенка Пиаже считал анализ детской речи (Речь и мышление ребенка, 1923, рус. пер. 1932). В последующем источник формирования и развития детской мысли Пиаже усматривает в действиях с вещами (Роль действия в формировании мышления // Вопросы психологии, 1965, № 6; Схемы действия и усвоение языка // Семиотика. М., 1983).

⁹⁷ Вуайеризм – получение удовлетворения от подглядывания. – В. К.

Это крайне деликатный вопрос. Возможно, демонстрация любительского фильма, снятого в семье, может помочь ребенку взглянуть на ситуацию со стороны, начиная с момента, когда появляется то, что мы называем комплексом Эдипа, и ребенок навсегда прощается с детством. Но даже такие образы небезопасны. Приведу в качестве примера маленький фильм, снятый во время наших каникул. Наш старший сын, которому было два с половиной года, указал пальцем на экран: «Погляди, я поливаю цветы, а Ж. (его брат) играет в мяч с дедушкой». Я поправила: «Нет, давай посмотрим еще раз, и ты увидишь, что я сижу, а твой брат стоит возле меня; тем летом он еще очень плохо умел ходить. Это ты играешь в мяч с дедушкой, а цветы поливает П., твой дядя». Ребенок, не отвечая, помрачнел и внезапно, хлопнув дверью, выскочил из комнаты, где мы смотрели фильм, убежал в свою комнату, также хлопнув дверью, и больше уже не выходил к нам до самого обеда. И потом уже, по воскресеньям, когда мы смотрели фильмы, он никогда к нам не присоединялся. «Нет, я лучше поиграю», – говорил он. А потом как-то раз он пришел к нам, когда мы смотрели тот же фильм, и, глядя на дядю, поливавшего цветы, сказал мне (а я уже и думать забыла об этой истории): «Помнишь, когда я был маленький, я не хотел верить, что я – это я». Но теперь он уже мог взглянуть на это прошлое со стороны, и ему было занятно увидеть себя и вспомнить то, что было раньше. Теперь он признавал себя шестилетним ребенком, а потому не смешивал себя с трехлетним малышом и смеялся, видя себя трехлетним; он знал, кто он такой, со своей сложившейся индивидуальностью, которую сам ощущал. Но когда ему еще не было трех лет, он желал видеть себя в действии, которое больше соответствовало его стремлению к росту, стремлению быть мужчиной. А что в этом, по преимуществу «мочеиспускательном» возрасте больше соответствует стремлению быть мужчиной, чем обращение с огромным шлангом и поливка цветов? Он скорее не мог, чем не хотел себя узнать. Я его оскорбила, сказав ему правду, я ввергла его в состояние «не могу». И все же поддакивать и говорить: «Да, мой родной, это ты поливаешь цветы, а с дедушкой играет твой братик», – безусловно, этого делать не следовало. Это было бы издевательством над ним. Я полагаю, что есть испытания, через которые детям неизбежно надо пройти, лишь бы только родители не обрушивали на них замечания вроде: «Какой же ты глупенький!» Я сказала ему: «Смотри внимательно. Сейчас отец покажет фильм сначала». И меня удивило его бегство, которое для него оказалось спасительной реакцией: он ушел играть к себе в комнату и тут же обрел душевное равновесие. Для него этот опыт – посмотреть на летние каникулы спустя всего три месяца – не представлял никакого интереса. А позже, годам к шести, наоборот, он веселился, глядя на себя маленького. Гораздо охотнее дети рассматривают семейные фотографии.

В конечном счете, я не думаю, что в рамках опытов, которые организует взрослый, возможна реальная просьба, обращенная к ребенку. Но почему не предположить, что когда-нибудь начнет развиваться и такой тип исследований.

При изучении животного мира наблюдение за поведением ночных животных производится с помощью съемок в инфракрасных лучах. Наверняка у нейробиологов существует искушение использовать в будущем сходные методы для наблюдений над детьми.

Хотела бы я знать, что будет с такими детьми, которых исследуют на предмет поведения с точки зрения бихевиоризма⁹⁸. Важно ведь не то, как ведет себя человек с точки зрения бихевиоризма, а то, что он при этом чувствует. Поведение регистрируется, но что ребенок чувствует? Камеры Монтанье, установленные в двух детских садах Безансона, не обнаружили ни того, что почувствовали дети, ни того возможного ущерба, который был им нанесен.

⁹⁸ Бихевиоризм – направление психологии, рассматривающее поведение как набор реакций на стимулы. – В. К.

Пожалуй, это интересно, это позволяет понять, как именно дети входят в разные привычные им состояния, позволяет увидеть, как можно на три минуты превратить обычного ребенка в аутиста или маньяка. Такой опыт доказывает хрупкость душевной организации ребенка в этом возрасте, даже бодрого и, на первый взгляд, уверенно чувствующего себя в обществе. Запах матери оказывается для него важнее, чем его собственная деятельность; у него есть интериоризированная⁹⁹ мать, которая позволяет ему устанавливать контакт с другими, но когда в процессе опыта его мать экстериоризируют в доступной для обоняния форме, более условной, чем осязательное или моторное восприятие, ее влияние оказывается сильнее. Когда внезапно в общество, в котором он действует, проникает интимный запах его матери, он перестает быть одним из детей в группе, он превращается в младенца, принадлежащего матери.

А на примере того малыша, что выходит из пассивного состояния, оказавшись в атмосфере, которую создает материнский запах, становится очевидным, что он не приспособляется к группе оттого, что недостаточно ощущает внутри себя безопасность, создаваемую связью с матерью.

Кажется, Монтанье был в восторге от того, что сам он расценил как объективное сотрудничество между экспериментальной психологией и психоанализом.

Уж если подобных экспериментов нельзя избежать, они могли бы, по крайней мере, послужить предметом обсуждения с психоаналитиками, со всеми, кто интересуется тем, что чувствует ребенок, и имеет гораздо более основательные представления об этом предмете.

Может быть... Но «ребенок» – это нечто несуществующее... Мы анализируем РЕБЕНКА, а между тем, ни один ребенок не похож полностью на другого: ни внутренней жизнью, ни способом структурировать себя в зависимости от того, что он чувствует, воспринимает, и в зависимости от особенностей воспитывающих его взрослых. Детство отличается от взрослого возраста определенными особенностями – например, связанными с этапами развития нервной системы. Так, у детей необыкновенно богаты взаимодействия между нервной системой и окружающей средой, например, у них с фантастической скоростью происходит наращивание словаря. И потом, есть еще половая незрелость. Но если мы рассматриваем одни существа по отношению к другим – следует говорить уже не о детях, а о таком-то индивидууме, которого по таким-то и таким-то параметрам можно сравнить с таким-то индивидуумом раннего возраста, более старшего возраста и т. д.

Неудобства и опасности, которым подвергаются дети при исследованиях, не останавливают экспериментаторов. Все это вызывает большую тревогу, потому что подчинить этот процесс законам не представляется возможным. На худой конец, можно объявить, что эти опыты, быть может, не слишком дорого обходятся наблюдаемым, и вред от них не перевешивает тех благ, которые наука приносит человечеству. Но с другой стороны, поскольку эти исследования неизбежны, можно предвидеть, что они все равно будут развиваться с помощью новых технических средств... И так как игнорировать их невозможно, следует вырабатывать с большими трудностями, быть может, но все же вырабатывать и пропагандировать этический подход к этой проблеме. В соматической медицине клинические исследования тоже не обходятся без жертв. Возможны ятрогенные¹⁰⁰ заболевания, бывают побочные эффекты и осложнения лечения, да и селекция также имеет место: почему одна группа рако-

⁹⁹ Интериоризированная – существующая внутри субъекта. См.: Лапланш Ж., Понталис Ж. – Б. Словарь... М., 1996. С. 170.

¹⁰⁰ Ятрогенные – возникающие как реакция на неправильно истолкованные больным слова или поведение врача, прочитанную медицинскую литературу и т. п.

вых больных имеет право на новое лекарство, а другая – только на классическую химиотерапию? Потому что необходимо сравнить терапевтическую эффективность в обеих группах методами статистики. Здесь неизбежна социальная несправедливость. Но зато есть возможность извлечь из этого пользу для других больных. В экспериментальной психологии исследователи утверждают, что если некоторые из опытов и могут повредить детям или группе детей, над которыми проводятся наблюдения, то результаты пойдут на пользу всем будущим детям. Как доказать обратное? По каким критериям судить заранее, что такой-то, чреватый ущербом опыт не столь уж необходим или даже вовсе бесполезен? Как бы то ни было, не все можно оправдать присущей человеческому уму любознательностью.

Послушайте, господа психологи, много ли говорит о реальном человеческом существе то внешнее, что доступно наблюдению? Изучить гормоны испытуемого, сколько бы ему ни было лет, – это значит принять часть за целое. Если некоторые из этих гормонов оказываются в дефиците, это еще не свидетельствует о том, что помочь ему обрести настоящее равновесие возможно только путем компенсации этой нехватки. Потому что именно психические связи одних людей с другими придают им смысл жизни. Предположим, что кому-либо, чьи связи с другими обрублены, прописана «правильная доза» гормонов. Назначая ему эту фармакотерапию, врач думает только о его физическом состоянии. Но ведь его болезнь – это сигнал. Этот сигнал уничтожают. Как теперь человек даст нам знать, что находится в состоянии безнадежного кризиса межличностных связей? Каждый пациент, каждая личность желает быть, существовать и хочет проявить эту интенциональность¹⁰¹. Но если вся интенциональность создана, чтобы доставить «его величеству» побольше удовольствия, – это отрицание человеческой личности. Неужели впереди у нас – перспектива производить всяких альфа, бета и так далее? Разве мы строим «дивный новый мир»¹⁰²? Мы рискуем взять курс на чудовищный тоталитаризм, при котором Великий Компьютер будет навязывать каждому общие для всех нормы.

Успокаивая нас, экспериментаторы ссылаются на полную научность своих тестов. До сих пор, утверждают они, мы двигались наощупь, ориентировали молодежь, исходя из настроения воспитателей – произвольно и случайно, а отныне сможем куда более строго, куда более объективно составить картину способностей и возможностей каждого ребенка. Пробил час наук о нервной системе. И рост их могущества меня беспокоит. С точки зрения этих научных дисциплин, все центрируется на развитии интеллекта, – но ведь смысл интеллекту каждого человека придает сфера чувств. Интеллект не существует сам по себе. Физическое здоровье не существует само по себе. Все это вместе составляет человеческую личность и диктует в каждом случае свои отклонения.

Я опасюсь, что период, в который мы вступили после Пиаже, сулит опасный уклон в сторону чудовищного интеллектуализма. Науки о нервной системе чересчур ориентированы на объективность, что противоречит нашим усилиям, направленным на субъективизацию каждой личности: лучше было бы приложить усилия, чтобы поинтересоваться каждым ребенком, каковы бы ни были его любимые занятия, вместо того чтобы слишком рано направлять его интересы в сторону школьных предметов, одинаковых для всех. Тесты – дело нечистое. Они направлены на то, чтобы подтвердить то, в чем хотел бы убедиться учитель. Экспериментатор угождает сам себе. Пример – тест, который проводился в Соединенных Штатах. Тест? Вернее было бы назвать его надувательством, которому подверглась сотня

¹⁰¹ Интенциональность (от лат. *intentio* – намерение, цель) – смысловая направленность чувственно-воспринимающего и духовного познания, целесообразность. См.: Гуссерль Э. Об интенциональных переживаниях и их «содержаниях» // Проблемы онтологии в совр. бурж. философии. Рига, 1988.

¹⁰² Имеется в виду тотально техницизированное, начисто лишенное духовного начала общество будущего, представленное в сатирической антиутопии Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» (1932) – в рус. пер. М.: Прогресс, 1990.

так называемых «детей с замедленным развитием»: пятьдесят из них были выбраны произвольно и составили группу тех, кто за два года должен был преодолеть отставание. Остальным пятидесяти не повезло: тест заранее обрекал их представлять группу тех, кто за ближайшие два года не справится со своими проблемами. Эти пятьдесят также были выбраны наугад. Воспитатели способствовали успехам первых пятидесяти, потому что ученые на основании мифического теста пришли к выводу, что эти пятьдесят расцветут в ближайшие два года пышным цветом. И отношение к этим пятидесяти со стороны воспитателей в самом деле способствовало их расцвету, потому что они гораздо больше интересовались этими детьми, чем другими пятьюдесятью, о которых было сказано: «А про этих неизвестно, когда они начнут прогрессировать, – во всяком случае, не в ближайшие два года». Это нелепо. Правда, едва ли мы вправе утверждать, что эта психологическая хитрость принесла кому-либо вред. Кто может сказать, что успешно учиться с такого-то года по такой-то – полезно, а учиться плохо – вредно?

Появилась мода устанавливать кинокамеры где угодно, чтобы снимать все как есть. Навязывать детям съемки – это неконтролируемые и безответственные действия, поскольку мы не знаем всех результатов воздействия аудиовизуальных средств на более или менее хрупкие существа, какими являются дети.

Меня пригласили на «Телевидение по четвергам» посмотреть отрывки из фильмов, в которых участвовали дети. В том числе были фильмы Годара¹⁰³. Понятия не имею о политических убеждениях Годара, но его поведение с детьми возмутительно. Это сущее насилие. Он совершенно не понимает детей. Когда он задает детям вопросы, это садизм. Девятилетней смысленной на вид девочке он говорит: «Ты уверена, что существуешь?» – Она отвечает: «Да». – «А почему ты так уверена, что существуешь?» – «Не знаю». – «Видишь, я тебя сейчас снимаю на пленку; потом другие люди увидят твоё изображение... А может быть, ты и есть только изображение? Когда ты смотришься в зеркало, что ты видишь? Сама себя или своё отражение?» – «Сама себя!» – «Но ведь это отражение!» – «Да, это моё отражение». – «Так что же существует: твоё отражение или ты?» – «Я. Потому что, если зеркало уберут, я все равно останусь». – «А откуда ты знаешь?»

Ребенок, подвергаемый подобному допросу, – трагическое зрелище. А глупая и злая игра продолжается. Не без ожесточения экспериментатора.

«Ты делаешь что-нибудь дома?... Например, стелешь постель? А кто ее стелет? Мама? Ах, консьержка, когда приходит помогать маме по хозяйству? А ты? А если бы никто не постелил тебе постель?» Ребенок разумно отвечает: «Ну, ничего! Я бы все равно легла спать. Если постель не постлана, какая разница?» – «Ну, раз ты ничего не делаешь, значит, ты – изображение». Глупая игра с той же девочкой продолжается в школе во время перемены. Девочка получила наказание; ей надо было пятьдесят раз написать: «Я не должна шуметь в классе». Малышка знала, что ее будут снимать для кино, это должно было заставить ее стесняться других детей. И ей пришлось стерпеть приготовления, пока тянули провода, устанавливали и испытывали свет; ее возбуждало ощущение, что все взгляды направлены на нее. А ее еще и учительница наказала. Наверное, она болтала с соседкой. «В классе нельзя шуметь». И в наказание ее заставили написать эту фразу пятьдесят раз. А Годар тут как тут со своими вопросами, но она-то знает, что если не выполнит задание, то не пойдет и на следующую перемену. И как глупы учителя, которые заставляют это писать! Показали, как

¹⁰³ Жан-Люк Годар (р. 1930) – французский режиссер, сценарист, журналист. Один из наиболее значительных художников и теоретиков направления «новая волна». Дольто упоминаются короткометражные фильмы Годара, поставленные им в начале 1950-х годов.

она пишет. Он заговорил с ней, и она перестала писать. Когда он покончил со своими идиотскими вопросами, она вновь принялась за задание. «Ты наказана?» – «Да, я разговаривала во время урока». – «Что ты пишешь?» – «Мне нужно пятьдесят раз написать: „Я не должна разговаривать во время урока“». Он поддразнивал ее. А зачем? «Ты любишь школу? Вот ты наказана. Все от тебя отвернулись». Тут она ему возражает: «Вот уж нет». – «Но ты же не пошла на перемену». – «Потому что мне надо выполнить задание». – «Значит, учительница от тебя отвернулась?» – «Вот уж нет». – «А что она сделала?» – «Ну, она хочет, чтобы я не разговаривала на уроках». Девочка оправдывала идиотскую систему, но ей надо было выполнять задание, а он ей мешал под предлогом того, что хотел добиться от нее протеста. А она вовсе не хотела протестовать, она смирилась и с учительницей, и с этим дураком, который мешал ей писать; теперь у нее не будет и второй перемены.

Потом Годар снимает ее у нее дома. Он говорит: «Тебя раздражает, что я здесь?» А она отвечает: «Да нет... Мама предупредила...» (Мама сказала ей, что ее будут снимать.) И слышно, как мать говорит: «Скорей раздевайся». Значит, она знала, что девочку снимают. Годар ее ругает: «Но только что ты не хотела показывать мне свою попку?» Сперва она спряталась, чтобы он ее не видел. Но теперь он как будто сердится, что она не сопротивляется его вуайеризму.

Затем появилась табличка с надписью «ТЕМНО» большими буквами. «Что такое для тебя темнота?» – «Ну, это ночь». – «А что такое ночь?» – «Ну, это когда спят». – «Но почему – когда спят? Спать можно и днем, при свете». – «Да, но я закрываю глаза». – «Тогда ты оказываешься в темноте?» – «Ну, если это не ночью, то нет». – «Значит, когда ты спишь, внутри тебя темно?» – На это она не знала, что ответить. Как глупо: предельно идиотские вопросы интеллектуала-левака вроде бы пытаются создать что-то вроде сдвига, спровоцировать взаимное противодействие между двумя непересекающимися языками.

На этой стадии происходит уже не вуайеризм, а изнасилование. Использование аудиовизуальных средств извращено. Мы далеко ушли от «скрытой камеры», отвечающей старой мечте взрослого о наблюдениях над дикими зверьми в их естественной обстановке. Далеко ушли и от «камеры-регистратора», от «правдивого кино». Другая мечта взрослых: детское кино, которое делают сами дети. Третья фантазия взрослых состоит в том, чтобы нацелить камеру-насильника на ребенка – объект для опыта. Годар словно заявляет с явным удовольствием: «Видите, я делаю фильм о детях, но не для детей, и при этом не позволяю себя провести. И вы тоже, мадам Дольто. Вы, зрительница, можете при желании увидеть именно то, что ускользает от камеры и от интервьюера». У него есть возможность иезуитских оправданий: ребенок располагает определенными способами защиты, он может возражать, привлекая на помощь здравый смысл, или уходить в молчание. Это правда. Несмотря на агрессивность интервьюера и вопреки въедливой камере ребенок ускользает. Но даже эти оправдания неприемлемы. Да, ускользает, – но на нем остаются отметины. Значит, эта игра небезобидна.

Годар принадлежит к тем, кто сакрализует¹⁰⁴ камеру. Для него, считающего современную школьную систему более чем спорной (все эти наказания и проч.), торгующаяся в школу камера представляется спасительной: она изгоняет злых духов, освобождает ребенка, и родителей, и общество взрослых, которые смотрят фильм и могут воочию убедиться в абсурдности этой системы.

В самом деле? А может быть, скорее в глупости кинематографиста с его фотографиями (простите – кино пленкой)?

¹⁰⁴ Сакрализировать – придавать священное значение.

Кроме того, я считаю, что родители, разрешившие проведение этого опыта, плохо справились с ролью родителей, с ролью взрослых воспитателей, чей долг – оберегать детей и своих и чужих.

Еще и поэтому я сказала Элен Вида, ведущей программы: «Меня раздражает, что вы показываете эти кадры широкому кругу зрителей как интересный документ. Если бы Годар был здесь, я бы ему сказала: „Вы насилуете детей без малейшей пользы для науки. В том, что вы тут вытворяете, нет ни малейшего научного интереса”».

Исследователи, изучающие взаимодействие между ребенком и его окружением, используют разные методы: одни работают в лаборатории, с группой детей, с камерой или без нее; другие, желая ставить опыты в как можно более чистом виде, предпочитают не собирать детей в группы, а наблюдать в привычной среде. Например, на площадках для игр, или в школе, дома, или на каникулах... Короче, наблюдать их там, где они живут, а не пересаживать на почву лаборатории и не воспроизводить их жизнь в условиях студии. Словом, если собрать детей в студии, принести им туда кубики, предметы, которые им нужно узнать и т. д., то их игра подвергается полной фальсификации, а если их снимать на пленку в детском саду или дома, в привычной для них обстановке, то наблюдаемые индивидуумы ведут себя куда более спонтанно¹⁰⁵.

Прежде всего многое диктует техника – освещение, выбор кадра, ограниченность времени на просмотр, демонстрацию и т. д. К тому же камнем преткновения остается фундаментальное методологическое препятствие: наблюдатель вносит изменения в происходящее самим фактом наблюдения, особенно в случае, когда один человек наблюдает другого. Дело вовсе не в том, чтобы узнать, нельзя ли свести до минимума долю субъективности наблюдателя, ее все равно невозможно сократить до требуемого уровня, даже если не переносить ребенка в непривычную среду, даже если избегать любой режиссуры, как пытается делать Годар.

Приведу в качестве примера фильм, который был снят в одной новой школе, где за младший, детсадовский класс отвечают сами дети. Киношники целую неделю устанавливали камеры и тянули свои провода. Время от времени они притворялись, будто что-то снимают. Предполагалось, что постепенно дети забудут об их присутствии. Учителя рассказали мне об удивительных реакциях одной девочки, которая, в общем, отставала в развитии от других детей. В этой школе дети имеют возможность выбирать: «Я буду заниматься растениями» или «Я буду ухаживать за морскими свинками» и т. д. У каждого своя программа, свои задания на неделю, за которые он отвечает. И вот всю неделю, пока шли съемки, эта девочка была заводилой для целого класса, а те ученики, которые прежде были лидерами и активнее всего участвовали в уроках, вели себя аморфно. А надо сказать, что родители принарядили своих детей. Они были причесаны и одеты не так, как обычно. Девочку, которая оказалась звездой киносъемок, собственноручно причесала ее мама, чего раньше никогда не делала. Зная, что предстоит зрелище, мать занялась дочкой. Возможно, не больше, чем мамы других детей, но больше, чем до сих пор. Вот эта девочка и предстала перед зрителями как самая оживленная, самая понятливая из детей. Учительница подтвердила: «На другой день, когда ушли киношники, она опять перестала участвовать в уроках». Она, как Золушка, преобразилась только на время праздника. Но ради кого? Может быть, ей понравился кто-то из операторов, и она оживилась ради него? Мы не знаем и никогда не узнаем, что произошло. Но потом она вернулась к своей роли классного «паразита». И другие тоже вернулись

¹⁰⁵ См. travaux du Centre d'ethnologie sociale et de psychosociologie animé par Marie-José Chombart de Lauwe.

к обычному поведению. Что это означает? Из фильма нам этого не понять – осталась полная неясность. Изумленные учителя и сами ничего не поняли.

Хорошо было бы, если бы в таких опытах не ставили на этом точку, а снимали бы еще и реакции детей, родителей и учителей после просмотра фильма. Делались интересные попытки в исследовательской службе бывшего О.Р.Т.Ф.¹⁰⁶ Снимали человека или группу людей, а через шесть месяцев давали им просмотреть отснятый материал. Пьер Шеффер, возглавлявший эту службу, согласился, чтобы его дочь, профессиональный кинематографист, записала передачу, в ходе которой были бы сопоставлены традиционная и новая школа. Меня пригласили на круглый стол с учителями обоих наблюдавшихся классов и инспекторами из академии, имевшими отношение к эксперименту. Дискуссия была записана и также должна была войти в передачу. К сожалению, этот очень интересный фильм так никогда и не вышел на экраны, его демонстрации почему-то воспротивился Пьер Шеффер.

Ясно одно: вторжение кинокамеры не проходит бесследно для жизни тех, кого снимают. До какой же степени это должно влиять на ребенка! Причем мы об этом можем ничего и не знать. Тем более необходим крайне осторожный подход. И вместо того чтобы обращаться с заинтересованными лицами, как с подопытными кроликами, не лучше ли с ними посоветоваться? Когда ставят педагогические эксперименты, не спрашивают мнения детей, – но ведь просят же разрешения у больного и у его близких перед клиническим опытом! В больнице не станут испытывать новое лекарство без предварительного согласия пациентов. А кому придет в голову спрашивать учеников, когда в каком-нибудь классе испытывают реформу обучения, а в другом продолжают заниматься по старой методе, чтобы затем сравнить результаты? Если попытаться наметить базу для этики педагогических экспериментов, помимо предварительного получения согласия самих детей, следует помнить и о совместном просмотре отснятого фильма. Исследователь и режиссер должны были бы серьезно задуматься над смыслом и радиусом действия их эксперимента. Если детям была нанесена травма, то полагаю, что, позволив им увидеть себя через какое-то время, можно обезвредить, компенсировать последствия шока. К сожалению, этого не делают.

Остается научная ценность экспериментов. Какова же польза науке от записанных детских разговоров? Она в высшей степени сомнительна, так как с самого начала эксперимента все фальсифицируется. Как можно обеспечить постоянные условия эксперимента, подобно тому как это делается в физике и химии с температурой? Возможно ли то же самое в экспериментальной психологии? Исследователи из Национального центра научных исследований публикуют диаграммы, графики. Все это выглядит очень внушительно. Методология разработана тщательнейшим образом. Но к каким выводам на самом деле можно прийти на основании всех этих данных, полученных в результате исследования зависимости поведения от социокультурной среды, возраста и пола близких, которые занимаются ребенком, мобильности семьи (оседлая или кочевая)? Выявляются константы этих зависимостей: такое-то поведение связано с такими-то факторами, а именно с прочностью семьи, присутствием или отсутствием в ней отца... Наконец, обнаруживаются статистические закономерности. И как правило, они не несут с собой ничего неожиданного. Может быть, именно это меня и настораживает. Потому что если бы обнаруживались парадоксы, то для исследователей, возможно, это было бы шагом вперед, они бы задумались: «Стоп, здесь мы столкнулись с неожиданностью, с чем-то непонятным». Но результаты исследований, проводимых социопсихологами, всегда подтверждают то, что подсказывает здравый смысл, или работу психоаналитиков, занимающихся индивидуальным лечением. Сколько пишется диссертаций, сколько выполняется лабораторных работ, чтобы доказать то, что и так все знают! Гора рождает мышь.

¹⁰⁶ О.Р.Т.Ф. – Управление французского радиовещания и телевидения.

Психологи больше любят изучать влияние так называемой неблагоприятной среды, чем привилегированной. Похоже, необычайно трудно изучить с научной точки зрения то специфическое, что содержит в себе состояние детства. Всегда кажется, что это более осуществимо в экстремальной ситуации, которая угрожает свободе, физической и моральной целостности ребенка, когда он живет в крайней бедности или подвергается жестокому обращению. Чем больше мы обращаемся к западным привилегированным слоям, где ребенок на первый взгляд обеспечен и получает все необходимое, тем труднее понимать заторможенность, отклонения от нормы, срывы. Можно заснять реакции ребенка, потребности которого явно не удовлетворены, но все, что относится к желаниям, невозможно запечатлеть на пленке.

В области наблюдаемого психоанализ – в центрах гигиены сознания – может пойти куда дальше, чем экспериментальная психология. Это единственный метод работы, который с уважением относится к ребенку-объекту, рассматривая его и в его среде, какова бы она ни была, и как самостоятельную личность. Только психоанализ позволяет войти в настоящий контакт, включающий в себя поиск общения, которое психоаналитик стремится установить с ребенком, какого бы тот ни был возраста, каковы бы ни были его экономическое положение и условия семейной и эмоциональной жизни.

«Ребенок с большой буквы» не существует: существует личность, переживающая пору своего детства, личность, которая, по сути, уже есть то, чем будет всегда. Вот я иногда вижу взрослых, которых видела еще трехлетними детьми, – они приходят меня навестить. Не так давно мне нанесла визит одна женщина: «Вы меня помните? Я приходила к вам, когда мне было три года, встреча с вами была для меня необыкновенной удачей!» – «Что вам запомнилось?» – «Ну помню, я нарисовала по вашей просьбе картинку, а вы, глядя на эту картинку, сказали: „Но когда ты засыпаешь, ты же в это время думаешь!“, – а я ответила: „Конечно, я думаю“ – и посмотрела на маму». Ей запомнился этот момент. Потом она добавила: «Тогда я себе сказала: „Я имею право думать и про папу тоже“. Это было озарение, оно полностью переменяло мою жизнь». У меня сохранилась запись той консультации: девочка никогда не говорила о своем отце (с которым ее мать развелась, когда она была грудным младенцем).

«Ребенок с большой буквы» не существует: существует личность, переживающая пору своего детства, личность, которая, по сути, уже есть то, чем будет всегда.

В процессе психоанализа можно выявить воспоминания о том, что было задолго до трех и даже до двух лет. Что не высказано, не выражено, о том не может узнать «наблюдатель»; невыразимое то, что важнее всего во время беседы, недоступно его влиянию. Это так же, как в разговоре двух людей.

Добро и зло: Иллюзии манипуляторов

Игра идеологий, и переживших пик популярности, и уже развенчанных, впечатывает в сознание людей бредовые идеи, в том числе и в области медицины и гигиены: все хорошо или все плохо. Например, о родах без боли некоторые говорят: «Нет, об этом не может быть и речи!», а другие: «Только так и никак иначе!» – и тащат отца присутствовать при родах, невзирая даже на его чрезмерную впечатлительность. От этих «единственно верных» рецептов надо избавляться, как и от самих подобных идеологий.

То же самое с так называемым новым воспитанием, которому также не чужды иллюзии. Педагогические эксперименты всегда основываются на полярных противоположностях. В общем-то, каждый раз берут две группы детей и объявляют: поскольку нам неиз-

вестно, куда мы идем, поместим группу в условия полной вседозволенности, а вторую будем воспитывать розгой, как иезуиты.

Психологи изучают внешнее поведение, забывая о том, что человек необыкновенно сложно организован психически, бессознательное в нем тесно связано с эмоциональным, и эту психическую организацию невозможно высказать словами, ее истинное устройство непознаваемо для другого человека. Внешнее поведение ничего не говорит об исследуемой личности и о том, какие чувства она испытывает.

К тому же возникают опасения, что нынешнее изобилие книг, энциклопедий и сборников советов по воспитанию наталкивает современных родителей на соблюдение всевозможных норм и правил. Вернее было бы сказать – чудодейственных рецептов. Такое психологическое воздействие также не свободно от иллюзий: ведь предлагаемые системы воспитания полностью противоречат одна другой; молодых родителей не учат приноравливаться, интерпретировать, прислушиваться к своей интуиции: вы сами родили вашего ребенка, он ваш, и поскольку вы – это вы, будьте правдивы, скажите ему словами то, что вы чувствуете, – больше всего ребенок нуждается в вашей искренности. Сам современный язык становится все более понятийным, абстрактным. Может быть, это и есть гибель цивилизации.

Что если регресс космоса, о котором толкуют физики, сопровождается регрессом человеческой психики? Или вырождение психики – это вывод из мнимого наблюдения, не реальность, а всего лишь проекция?

Иллюзии на темы добра и зла проявляются даже у лучших эссеистов. Следует уточнить выводы Элизабет Бадентер¹⁰⁷ о том, что в XVII веке не существовало материнской заботы. Вопреки модным ныне рассуждениям отношение к детям не было столь жестким.

Письменные свидетельства доказывают, что многие горожане и горожанки окружали своих детей непомерной заботой, вполне сравнимой с сегодняшней, и с теми же недостатками (чрезмерное обожание, проекция взрослого, уподобление игрушке), и задавались теми же вопросами: есть ли у ребенка душа? А если есть, следует ли ее формировать?

Ариес демонстрирует более тонкий подход, чем Э. Бадентер, различая «чувство детства» и «привязанность к ребенку» (см. цит. соч. С. 117 и 313). Но утверждение, что материнское чувство возникло лишь в XIX веке, было бы чрезмерной схематизацией. Исторически это неверно: разумеется, можно объявить нетипичными многие известные нам проявления такого чувства в прежние времена, но сегодня в нашем обществе тоже легко отыскать сколько угодно примеров, идущих вразрез с современной модой, согласно которой ребенок – это центр; легко доказать, что немало людей обращаются со своими детьми, как в средние века или в XVII веке (например, в Движении за освобождение женщин раздаются голоса, требующие, чтобы отказ женщины от материнства после рождения ребенка рассматривался не как бесчеловечный и безответственный поступок, а как ее естественное право). Так что приходится уточнить наши представления: получается, что отношение взрослых к детям практически то же, и фундаментальных изменений не произошло.

И все-таки одно большое различие имеется: в средние века и в XVII веке всех детей вскармливали грудным молоком – не важно, кормила ребенка мать или другая женщина, – без этого он умирал. Грудное вскармливание продолжалось до тех пор, пока у женщины было молоко, и не подчинялось руководству постороннего мужчины: ученого, специалиста, который бы говорил: «Это плохо, вы допускаете ошибку, если кормите вашего ребенка свыше четырех месяцев» (сейчас, например, говорят именно так). В наши дни медики запре-

¹⁰⁷ *L'Amour en plus*. Elisabeth Badinter, Flammarion.

щают женщине кормить ребенка по своему усмотрению, а если она сопротивляется, то ей, так и быть, разрешают продлить кормление грудью месяцев до шести-семи.

Уточним: наши исследования считаются с ребенком, а не с родителями.

До сих пор изучали главным образом отношения взрослых к детям, причем главным образом для того, чтобы лучше представлять себе общество данной эпохи. В то же время, если учитывать исключительно ребенка, его интересы, его шансы на структурирование, то убеждаешься, что в XVII веке материнский образ, в сущности, обретал глубину и четкость для ребенка, как только у него появлялась кормилица, у которой в свою очередь были отношения с другим взрослым (ее мужем) и другими детьми. Наши дни по сравнению с XVII веком кажутся, пожалуй, регрессом, поскольку исчезли кормилицы. Пришла механизация. Женщина, которая кормит ребенка, механизирована в том смысле, что обязана в два с половиной месяца давать ему мясной отвар; питание анонимно и нейтрализовано во имя Науки. А Наука рассматривает ребенка скорее как подопытное животное, чем как чувствующее существо; она не пытается понять, какие чувства он выражает. Ей кажется невероятным, что у ребенка могут быть свои соображения по этому поводу.

Благодаря современным исследованиям наша эпоха по сравнению с предшествующими оказалась в привилегированном положении: наконец-то стало возможным уделить вопросам детства центральное место. Все это, разумеется, относительно. Размышляя над опытом прошлого, задаешься вопросом, не обернется ли это против ребенка и его истинных интересов, не проиграет ли он на этом. Мы без конца твердим: «Наконец-то мы, современные люди, отвели ребенку подобающее ему место, мы начинаем уважать его права, мы начинаем открывать ему пространство...» – а тем временем перевозим ребенка с места на место, как пакет, и окружаем новыми запретами, стесняющими его больше, чем границы территории, которая была в его распоряжении в деревенской Франции. В своей заботе о ребенке мы, пожалуй, рассматриваем его как объект опыта по промышленному разведению детей и из того, что наука о ребенке становится все многословнее (уже насчитывается тридцать шесть методик изучения младенца с первых дней жизни), отнюдь не следует, что его стали больше уважать как личность.

В сущности, что это дает ему самому? Даже если мы завесим все стены в городе изображениями малышей с выраженными половыми признаками, едва ли это будет шагом вперед в борьбе за права ребенка.

Полезно сбросить с себя это современное самодовольство, выражающееся в словах: «Никогда прежде ради детей не делалось так много, как в наши дни; если в предыдущие века ребенок был жертвой обскурантизма, то теперь перед ним открывается прекрасная перспектива». Современная наука скорее не проясняет, а еще больше запутывает положение. Поэтому нам приходится быть куда уклончивее и осторожнее в оценках, чем при рассмотрении положения ребенка в предыдущие века. В сущности, мы сталкиваемся с теми же противоречиями.

Девятнадцатый и первая половина XX века ограничили пространство ребенка; произошел окончательный разрыв со Средневековьем, которое больше благоприятствовало воспитанию независимости в ребенке. Тогда он, чувствуя себя в безопасности, поддерживал социальные связи со всеми, с кем общалась его кормилица, – она была для него не только кормилицей, но и наставницей в общении с людьми; среда благоприятствовала развитию его личности.

Нобелевская сперма

В Соединенных Штатах существует банк спермы американцев – лауреатов Нобелевской премии. Какая-нибудь миссис Блейк после искусственного оплодотворения может родить ребенка, чей отец – знаменитый математик. Какая судьба ждет этого ребенка, зачатого не без учета того, что за ним будут следить, наблюдать и тестировать так, словно он изначально обязан соответствовать ожиданиям экспериментаторов?

Если бы Эйнштейн был ребенком, чью гениальность признавали бы с самого детства, может быть, он никогда не стал бы Эйнштейном.

Окружение ждет и даже требует, чтобы он демонстрировал высокие для своей возрастной группы показатели. Но восприимчивый человеческий интеллект именно поэтому может вообще не проявить никаких достижений. А если этот нобелевский ребенок не выкажет никаких исключительных возможностей – хотя не исключено, что он вырастет в очень интеллектуального взрослого человека, – ему придется нелегко в жизни, потому что с самого рождения все ждали от него проявлений сверходаренности. Может быть, ему придется пережить неудачу опыта – неудачу с точки зрения наблюдателей, – а взрослые тяжело переживают такие неудачи. Сейчас мы ничего больше не можем сказать по этому поводу. Подождем. Чтобы понять, представляет ли этот опыт интерес, следует дождаться его результатов. До тех пор любые дискуссии – не более чем сотрясение воздуха. Мы знаем, что в процессе воспитания отношения с родителями-воспитателями играют огромную роль: возможно, что ребенок будет воспринимать себя таким же взрослым, как его опекуны. А значит, в случае искусственного оплодотворения наш маленький Блейк считает себя таким же взрослым, как отец, которого ему предлагают в качестве образца. Однако ребенку нет дела до того, что отец – математик; для него отец важен как носитель жизненной энергии или энергии отрицания, которую он передает своему потомку. Но ведь нельзя утверждать, что быть математиком – это признак ума. Ум – это единство сердца, великодушия, стремления к аутентичности¹⁰⁸, заложенное в человеке с рождения. Нельзя сказать, что именно ум – характерная черта взрослого, желающего, чтобы жизнь его ребенка была повторением его собственной, – это всего лишь желание проецировать на него свою смерть. Через десять – два-двадцать лет мы увидим, что такое на самом деле «нобелевский ребенок». Как бы то ни было, это будет существо, выведенное в лабораторных условиях. Сегодня это для нас, конечно, звучит вызывающе. А завтра? Понятия не имею. Это Христос, предназначенный в жертву. А повернись дело иначе, это – лабораторная мышка. Но ведь он мог и не родиться. Никто не заставлял Христа родиться и жить на свете. Он сам выбрал эту судьбу, послужив, быть может, всем людям на земле. Мы не знаем. Меня же поражают законные мать и отец, соглашающиеся на такой опыт. Какая, должно быть, между ними пустота, какие ненастоящие отношения, если им требуется только высокоинтеллектуальный ребенок, словно без этой его «математической шишки» совместное существование сделалось бы для них невыносимым! В генетическом плане этот ребенок не является потомком тех, кто его воспитывает. Так почему они его воспитывают? Из любопытства? Или из великодушия, на благо человечества? Кто его родители – Богородица и святой Иосиф? Или они просто жаждут выставить напоказ интеллектуального уродца? Воображаю себе женщину, которая кормит из рожка такого младенца, а все ее подруги присутствуют при этой трапезе принца: «Надо же, нобелевский ребенок! А что говорит о нем твой муж? А что ты испытываешь, протягивая рожок Эйнштейну?» Люди забы-

¹⁰⁸ Подлинности, равнозначности самому себе. – В. К.

вают, что Эйнштейн был посредственным учеником. К тому же они хотят такого ребенка, который был бы умницей с момента рождения. Но ведь ум может развиваться гораздо позже и проявиться в самых неожиданных признаках, до поры до времени скрываемых под маской слабоумия. Эйнштейн был отстающим учеником, неразговорчивым, сонным; родители любили его и таким, не зная о его интеллекте, и смирялись с тем, что он не сумеет сдать экзамены. Он был «бедный малыш, из которого никогда ничего не получится». И может быть, именно это стимулировало его ум. Кто знает? Если бы Эйнштейн был ребенком, чью гениальность признавали бы с самого детства, может быть, он никогда не стал бы Эйнштейном. В любом случае в этом опыте участвуют определенный этнос, определенная и неповторимая группа. Но как эти искусственные отец и мать относятся в глубине души к своим собственным родителям и к этому существу, происходящему от других, не известных им предков? Неизвестно даже, были ли в родне его донора инфантильные женщины, мужчины-садисты. Разумеется, ребенку именно с такой наследственностью будет легче развиваться в семье воспитателей, не имеющих особых наследственных невротических склонностей. Но об этом нам неизвестно. И Нобелевская премия тут бессильна.

6 глава Голова без ног

Компьютер на службе у ребенка?

Если тело ребенка в наши дни не может выразить себя с той же полнотой, что раньше – для этого оно слишком замкнуто и несвободно, – то разум может обрести свободу и создавать целые миры, играя с компьютером. Ведь в распоряжение детей поступила телеинформатика!

Она представляет для детей положительное начало в том смысле, что никакой человек не командует ими и ничего им не навязывает. Кроме того, они чувствуют, как их ум, в особенности логическое мышление, становится таким же острым, как у взрослых. Однако бесспорно и то, что из этих игр совершенно исключена сфера человеческих привязанностей, а удовольствие от них – это удовольствие, возбуждаемое сугубо умственной деятельностью; чувства здесь ни при чем – ты или прав или неправ. И если неправ, то это значит, что ты допустил логическую ошибку. Однако на самом деле речь вовсе не о твоей правоте – все дело в логике, которая сама по себе является только средством... Но чему служит это средство?

Электронные игры изолируют детей, хотя несколько приятелей и могут собраться вокруг одного автомата. На какое-то время дети группируются вокруг него и по очереди один за другим ловят кайф на виду у остальных. Стучат по машине, чтобы выпали монетки, передают друг другу жетоны. Во время электронной игры человек уединяется, как для телефонного разговора, но собеседник рассудочен и анонимен, у него нет ни лица, ни сердца. Ребенок находится на тренажере, он ведет космическую войну, как космонавт в кабине корабля.

В одной популярной у детей игре имитируется голос собеседника: в ответ на удачный ход голос робота произносит: «Ты молодец». Сторонники этих забав возражают опасаясь за эмоциональный мир ребенка психологам: «Но тут как раз происходит диалог, в который не вмешиваются родители; это дает ребенку веру в себя и в свою сообразительность. В ту сообразительность, которая обусловлена логическим мышлением».

Педагоги настаивают, что синтетический голос обучающей машины никогда не заменит ученику речевых отношений с учителем. Если преподаватель довольствуется тем, что навязывает ученику знания и поведение, если он не будит пытливости и не воодушевляет ребенка, тогда его обязанности по раздаче знаний вполне может выполнять компьютер. Этот заместитель, по крайней мере, не злоупотребит властью над детьми и не допустит садизма в своем отношении к ним.

Ностальгия по старым играм-конструкторам подсказывает, что телеинформатика препятствует развитию воображения у ребенка. Миниатюрные модели с дистанционным управлением, очаровательные муляжи инструментов современного мира якобы мешают ребенку мечтать. Так ли это? Говорят, что игрушки с дистанционным управлением очень полезны для развития пространственной ориентации: вправо, влево, вперед, назад...

Я думаю, что нежелание замечать в своей эпохе динамику и те изменения, на поиски которых толкает нас развитие техники, – наш недостаток. В конце концов, меняется оформление жизни, а значит, меняется и ее ритм, и ее пространство. Не следует ли больше доверять человеку как таковому, чтобы лучше приспособиться к жизни, и за совершенно различными формами обнаружить одни и те же функции или нечто, заменяющее эти функции, которые

человек все равно не мог бы выполнять так, как его предки. Ему удастся защитить и реализовать себя другими средствами.

То, что «теперь все не так, как раньше», вовсе не обязательно означает регресс. «Новые» отстаивают новые формы, которые позволяют современному человеку вести диалог на равных с человеком древности, в то время как «древние», напротив, склонны к ностальгии и не видят ничего положительного, созидательного в трудах потомков¹⁰⁹. Они оплакивают прошлое, представляя его в виде золотого века и, между прочим, забывая, что в этом прошлом существовали принуждение и фрустрации¹¹⁰ другого порядка, но столь же пагубные, как в наши дни. Тот же самый спор «древних» и «новых» завязался вокруг игрушек. Нынешние дети пренебрежительно относятся к пластмассовым игрушкам; это для них не более чем муляжи: они ломают их без малейшего огорчения, а между тем их родители немало горевали в свое время, лишаясь своих – деревянных или металлических.

Любимыми игрушками были те, с которыми ребенок себя отождествлял, и если они ломались или пропадали, для него это было все равно что потеря друга. Электронная игрушка – это не друг, а инструмент. Мы это уже видели на примере кукол, которые говорят и делают пи-пи: чем больше функций заложено в какой-нибудь предмет, тем меньше будет его любить ребенок, потому что он не может проецировать на этот предмет свою эмоциональную жизнь; здесь функциональная жизнь, а не эмоциональная. Кукла, по приказу повторяющая то, что записано на магнитной ленте, и ничего более, – существо однообразное, это не человек, который изо дня в день создает свои чувства и мысли. Вместо того чтобы поощрять межличностные отношения, подобные игрушки будут способствовать поведению, обусловленному рефлексам, – по существу, животному.

Игры детей и игры взрослых

Иногда – но не всегда, игры детей представляют собой искаженную имитацию игр взрослых. Например, игра мальчиков в мяч – это остатки той игры в мяч, которой в старину увлекались молодые люди и солдаты. Однако шарики, «прыгай, барашек», игра в медведя (сегодня почти исчезнувшая, а в лицейские годы в Ницце она стоила мне множества шишек), догонялки и т. д. – это специфические детские игры. А жмурки, гармонирующие с современными нравами, существовали еще в XVIII веке как игра для взрослых, что подтверждается множеством гравюр... Трещотки, которые наши мальчишки покупают на ярмарке и трещат ими круглый год, происходят по прямой линии от тех трещоток, которые полагалось вращать только во время церковной службы в среду, четверг и пятницу на Страстной неделе и которые должны были изображать архаичные колокола наших церквей; ведь в первые века христианства на церквях не было колоколов, и верующие собирались к богослужению на звук трещоток, подчас огромных – такой обычай еще сохранился кое-где на Востоке. Точно так же и куклы наших девочек первоначально были изображениями различных божеств; в Марокко до сих пор есть куклы, символизирующие Дождь, их торжественно носят по полям во время засухи. В былые времена это были переносные священные статуэтки, которые

¹⁰⁹ Здесь – намек на спор «древних» и «новых»: дискуссию об отношении к античному наследию, имевшую место во Франции на рубеже XVII и XVIII веков. – *Примеч. пер.*

¹¹⁰ Фрустрация – состояние, при котором субъекту отказывают или сам он отказывается от удовлетворения своих влечений.

довольно поздно утратили это свое значение в Европе, всего каких-нибудь три-четыре века тому назад, и превратились в распространенные игрушки для девочек. Впрочем, девочки во все времена делали себе «пупсиков», потому что игра в маму – биологически заложенное детское упражнение, точно так же как тросточка изображает лошадь и служит таким упражнением для мальчиков всего мира.

Самоочевидно, что игры детей и подростков – подготовительные упражнения, то есть тренировка деятельности, практически или физиологически полезной по достижении зрелости, – однако это стало ясно сравнительно недавно; в наши дни появился избыток игр – подчас современные игры и спортивные упражнения переутомляют и ослабляют играющих.

Арнольд Ван Геннеп

Народные обычаи и поверья Франции

(Зеленый путь)

Рассмотрим отношение детей к плюшевым игрушкам. Дети подолгу берегут какого-нибудь плюшевого зверька, чтобы сохранить в себе что-то от своего раннего детства, что-то мягкое и ласкающее на ощупь, с чем они находились в тех же отношениях любви и нежности, какие связывали их в свое время с кем-либо из взрослых. Некоторые дети спят с такой игрушкой лет до пятнадцати. До какого возраста дети компьютерной эпохи будут сохранять потребность обнимать плюшевого мишку? Можно ли компьютер любить как друга? Не думаю. Компьютер – раб, который может сломаться. Тогда его заменят другим, но зачем его любить? Можно ли питать к нему нежность?

Тот, кто играет с компьютером в шахматы, находится один на один с машиной, будучи лишен малейшего чувства привязанности, заложенного в человеческом соперничестве: «Ты меня победил, а я тебя... Как он долго думает... Что он будет делать?» Я целыми вечерами играла одну и ту же партию в шахматы с отцом, и в этом был элемент человеческого соперничества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.